

АНДРЕ
ДАВИ

ПО НИЛУ
НА
КАЯКАХ

ОZON.RU

Annotation

"По Нилу на каяках" - книга французского журналиста А. Дави о своем путешествии по Нилу в поисках его истоков, совершенное им и его спутниками в 1950 году. Книга знакомит русского читателя с этим во всех отношениях поучительным и интересным путешествием. Без преувеличений, просто и образно описывает А. Дави то, что довелось увидеть, пережить и испытать ему и его спутникам.

- [По Нилу на каяках](#)
 - [Предисловие.](#)
 - [Предисловие Жана Лапорта](#)
 - [Глава I. Героический дебют на Кагере](#)
 - [Глава II. Как мы очутились у истоков Нила](#)
 - [Глава III. Путь до Рувензори](#)
 - [Глава IV. День и ночь сквозь болота озера Кьога](#)
 - [Глава V. Наши повседневные спутники слоны, бегемоты и крокодилы](#)
 - [Глава VI. Вдоль Бахр-эль-Гебеля](#)
 - [Глава VII. Голые великаны, которые живут в Джубе](#)
 - [Глава VIII. У нуэров](#)
 - [Глава IX. Двенадцатый градус северной широты — демаркационная линия между югом и севером Судана](#)
 - [Глава X. "Марсельеза" в Хартуме](#)
 - [Глава XI. Большие пороги](#)
 - [Глава XII. Древняя Нубия открывает свои сокровища](#)
 - [Глава XIII. В Египте](#)
 - [Глава XIV. Треволнения последнего этапа пути](#)
- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
-

По Нилу на каяках

Предисловие.

"Caput Nili quaerere" ("Искать истоки Нила") говорили в древности, когда речь шла о явно невыполнимом деле. Вплоть до прошлого века эта поговорка не утрачивала своего значения. Длиннейшая из рек земного шара, в нижнем течении которой возникла одна из величайших цивилизаций Древнего мира, на протяжении тысячелетий ревниво хранила тайну своих истоков. И, вероятно, не одну попытку раскрыть ее предпринимали древние египтяне, греки и римляне, если в результате их тщетных усилий даже сложилась поговорка. Иероглифические надписи и произведения античных писателей хранят сведения о некоторых из этих безуспешных экспедиций, в итоге которых к III в. н. э. [\[1\]](#) были собраны кое-какие более или менее достоверные сведения о верховьях великой реки. Стало известным, что Нил берет начало в лежащих далеко на юго-востоке горах и в огромных, расположенных еще дальше к югу озерах. Об этом можно было прочесть в одном из немногих дошедших до нас полностью греческих приключенческих романов — "Эфиопика", написанном Гелиодором, жившим в конце III в. н. э. 1

Следует признать, осведомленность античных географов немногим уступала тому, что затем стало вновь известно лишь к середине XIX в. Еще в середине XIV столетия арабский географ Ибн-Батута сообщал, что Нил начинается на западе Африки.

Разумеется, отнюдь не интересы науки руководили фараонами или римскими императорами, когда они посылали людей в длительные, полные лишений и опасностей путешествия с наказом установить, откуда вытекает Нил. Ведь от его разливов зависит плодородие Египта. Он не только орошает почву,

лишенную других источников влаги, но и приносит удобрения, благодаря которым страна справедливо считается одной из плодороднейших в мире. Это прекрасно знали и древние египтяне, которые обоготворили Нил. Они восклицали, обращаясь к нему:

Весь Египет — твоя земля!
Ты радеешь о бедняках,
Наполняешь зерном закрома
И просторные житницы.

Хорошо понимал это и посетивший Египет в середине V в. до н. э. "отец истории" Геродот, назвавший страну пирамид "даром Нила". Открытие истоков реки и установление причин ее разлива имело огромное практическое значение.

Множество препятствий преграждало путь к верховьям Нила: стремнины, пороги (так называемые катаракты), враждебные племена, дикие звери, наконец, огромная область болот - Сэддов, занимающая 550 тысяч квадратных километров. Отсюда вынуждены были повернуть обратно посланные в 66 г. до и. э. Нероном на поиски истоков Нила два центуриона. На протяжении двух тысячелетий Сэдды оставались недосыгаемыми, и только в 1841 г. туда проникли первые европейские исследователи.

Истоком Белого Нила — как было установлено лишь в самом конце XIX в. (в 1898 г.) немецким путешественником Рудольфом Кандтом — является река Кагера, берущая свое начало в горах Виринга. И спустя еще сорок лет — в 1938 г. — другой немецкий исследователь — доктор Буркардт Вальдекер — определил самую южную точку бассейна Нила. Здесь он установил небольшой обелиск в память тех, кто на протяжении стольких веков, нередко жертвуя для этого жизнью, стремился разрешить загадку длиннейшей реки земного шара. Длина Нила 6694 километра, что составляет около, одной шестой окружности экватора.

Только Амазонка превосходит его площадью бассейна и многоводностью. [2]

Нил пересекает девять стран, шесть климатических зон. Его воды протекают через области, разнообразные по своему характеру, где живут народы, отличающиеся друг от друга образом жизни, обликом, верованиями, обычаями, где обитают диковинные животные и птицы.

Чертежник француз Жан Лапорт, инициатор и организатор экспедиции, и его товарищи— журналист Андрэ Дави и студент американец Джон Годдард — на каяках спустились по Нилу от истоков до устья. Едва ли подобное предприятие можно было осуществить на судах иного типа. Только узкие, поворотливые и легко управляемые каяки могли проскользнуть через стремнины порогов и заросли Сэддов. Именно лодками такого типа пользовались и англичанин Кортней, преодолевший в 1932 г. путь от Дангаллы до Хартума, и известный спортсмен-писатель Герберт Риттлингер, проплывший по Амазонке. Последующая попытка Риттлингера спуститься по Голубому Нилу потерпела неудачу из-за огромного количества крокодилов, представлявших серьезную угрозу для него и для его спутников [3].

Ж. Лапорт, А. Дави и Д. Годдард впервые проплыли по всему Нилу, за исключением нескольких совершенно недоступных для судоходства участков. Множество ценных наблюдений, записей, огромное количество фотографий и полнометражный фильм привезли они с собой из полного опасностей и неожиданных приключений путешествия. Это научное и спортивное достижение заслужило справедливую и высокую оценку. Ж. Лапорт получил премию Л. Лиотара, которая ежегодно присуждается президентом Франции за сопряженную с риском и в научном отношении наиболее плодотворную экспедицию.

Но общее признание и почетная награда не удовлетворили отважного путешественника-спортсмена. Дело в том, что несколько сот километров вдоль Нила Виктория, Нила Сомерсета и верховьев Бахр-эль-Гебея ему и его спутникам пришлось проехать по суше. Лапорта не останавливает, что Нил Виктория совершенно не судоходен, а ущелья, где течет Нил Сомерсет, почти не исследованы. Наоборот, это еще больше увлекает его.

17 сентября 1952 г. он с художником-иллюстратором Жаком Блейном вновь отправляется в неведомый путь. На этот раз попытка кончается трагически. Утром третьего дня путешествия — 20 сентября — каяк Лапорта опрокидывается во время прохождения водопада Бужагали. Лапорту удается избежать гибели, однако плывший следом Блейн погибает. Усердные поиски, в которых участвовали и самолеты, остаются бесплодными: тело Блейна бесследно исчезло.

Обстоятельства катастрофы до сих пор не выяснены. Несколько дней спустя Лапорт заболел тифом и, естественно, продолжать путешествие не смог. В начале 1958 г. значительную часть Нила Сомерсет прошли на каяках члены женевского "Каноэ-клуба". Но и они не достигли полного успеха, так как из-за повреждения лодок не смогли преодолеть водопад Мерчисон.

В декабре 1961 г. в газетах появилось краткое сообщение о том, что Ж. Лапорт и семь членов упомянутого клуба собираются пройти на каяках весь Голубой Нил от его истоков. Осуществить это не легко: путь путешественников на протяжении 700 километров пролегает по совершенно неисследованной местности, через водопады и бешеные водовороты, по дну глубочайших — до 1200 метров — ущелий, населенных гигантскими крокодилами.

А. Дави, Ж. Лапорт и Д. Годдард написали книги о своем путешествии. Наиболее подробно оно описано Ж. Лапортом, но его книга перегружена множеством деталей и отступлений, едва ли интересных широкому кругу читателей и ничего не дающих специалисту. Автор пускается в рассуждения, о которых даже написавший к его книге предисловие Ф. Бальзан, известный путешественник и писатель, говорит, что они весьма субъективны и спорны. Что касается Д. Годдарда, часами усердно, без единой помарки записывавшего свои впечатления (один египтянин, увидев его за работой, сказал, что впервые видит думающего американца), то он предназначал их для тех своих соотечественников, которые без всякого энтузиазма относятся к академическому стилю и прежде всего требуют сенсаций. И Годдард, видимо, не обманул их ожиданий.

Указанных недостатков удалось избежать журналисту А. Дави. Вот почему его книге было отдано предпочтение, чтобы познакомить советского читателя с этим во всех отношениях поучительным и интересным путешествием. Легкость стиля и занимательность изложения А. Дави сумел сочетать с содержательностью. Без преувеличений, просто, образно описывает он то, что довелось увидеть, пережить и испытать ему и его спутникам. Немало трудностей и опасностей, преодолеваемых часто с риском для жизни, подстерегало путешественников. Но каяки — спорт отважных, смелых и ловких. Помогали, разумеется, товарищеская спайка и взаимовыручка.

Необычный способ путешествия давал А. Дави возможность постоянно устанавливать непосредственные контакты с местным населением.

Это позволило ему узнать и увидеть многое, чего путешественники, как правило, не замечают.

Журналист А. Дави не считал нужным утаивать истинное положение вещей.

Он отмечает беспросветную нужду и нищету народов независимо от того, на какой территории они живут — захваченной бельгийскими или английскими колонизаторами.

Не укрылось от него и различие в положении между местной знатью, состоящей на службе у захватчиков, и простым народом. Например, автор отмечает, что король Мамбутса разъезжает в роскошном автомобиле, купленном на деньги, собранные с его подданных, и получает 600 тысяч бельгийских франков годовой ренты, тогда как его подопечные подвергаются бесчеловечной эксплуатации со стороны бельгийских плантаторов.

А. Дави приводит примеры трудолюбия, гостеприимства, приветливости, общительности и честности африканцев. Не без иронии отзывается он о миссионерах, верой и правдой служащих интересам империалистических держав.

Очень ценны сведения, сообщаемые автором о нилотах, в особенности о нуэрах, обитающих в почти непроходимой болотистой местности, расположенной по среднему течению Нила.

Во времена хозяйничанья англичан в Судане и Египте обе страны были превращены в поставщиков высококачественного дешевого хлопка для британских мануфактур. Это привело к массовому обнищанию крестьян-феллахов, вынужденных круглый год от зари до зари трудиться на своих убогих полях или на плантациях помещиков, интересы которых представляло королевское правительство, угодливо служившее англичанам. В механизации труда местных крестьян предприниматели совершенно не были заинтересованы: слишком дешево ценились рабочие руки. В результате феллахам не оставалось ничего

другого, как заставляя своих тощих животных — волов и верблюдов — вертеть сакие (водяное колесо). Восемь тягловых животных, работая на сакие, могут в день дать лишь десятую часть воды, которую качает насос средней мощности. Свой жалкий клочок земли бедный нильский феллах должен поливать без передышки, чтобы прокормить семью. У него, как и у его скота, лишь кожа да кости. Местные крестьяне были чуть ли не самыми обездоленными людьми во всем мире. Сцены ужасающей нищеты приводит в своей книге Ж. Лапорт, рассказывая, например, о том, как в Дельте дети, следуя за стадами скота, спорят из-за коровьего помета, который жгут при окуливании садов.

Но, правдиво описывая нужду египетских крестьян, А. Дави, подобно большинству буржуазных ученых, тенденциозно утверждает, что феллахи не сознают своего положения. Народ Египта прекрасно отдавал себе отчет в создавшейся ситуации и понимал, в чем избавление. Это предопределило и низложение Фарука, и свержение многовекового ига чужеземных поработителей, и падение правительства Нагиба. Это объясняет также ту ненависть к иностранцам, прежде всего к "инглезе" — англичанам, с которой сталкивались всюду в стране А. Дави и его друзья. Феллахи совершенно справедливо усматривали в иностранцах одну из основных причин своих бед.

Книга французского журналиста помогает уяснить, почему господство империалистических держав в Африке обречено на гибель, почему ныне перед правительствами Египта и Судана стоит неотложная задача поднятия материального благосостояния и культурного уровня феллахов. Для этого необходимо создать достаточно мощную энергетическую базу, независимую от иностранных капиталовложений отечественную промышленность и расширить площадь орошаемых земель. В осуществлении указанных задач

бескорыстную, дружескую, эффективную помощь, как известно, оказывает Советский Союз. СССР не только решительно стал на защиту Египта, когда Англия и Франция предприняли в 1956 г. попытку его нового закабаления, но активно участвует в строительстве Асуанской плотины, от успешного завершения которого зависит во многом будущее обеих стран, расположенных в среднем и нижнем течении Нила.

Сопутствуя А. Дави в его трудном и увлекательном путешествии по великой реке, читатель кратко ознакомится и с малоизвестными у нас памятниками древней культуры Нубии, и с пережившими тысячелетия величественными храмами и пирамидами Египта, он увидит разнообразные ландшафты Нила, узнает о нравах бегемотов, крокодилов, слонов. Немало интересных сведений почерпнут и любители водного спорта.

И. С. Кацнельсон

Предисловие Жана Лапорта

Мой товарищ Андрэ Дави не без юмора описал нашу с ним встречу летом 1950 года.

Хочу дополнить его рассказ своими личными впечатлениями.

Тот, кому было суждено вместе с Джоном Годдардом сделаться моим спутником во время путешествия по Нилу, с первой встречи показался мне не совсем обычным человеком.

Небольшого роста, широкоплечий, с квадратной головой, характерной для бретонцев Финистера [\[4\]](#), с черными глазами и густыми бровями, он выглядел довольно воинственно. Вернувшись из Африки, этот человек только и ждал случая, чтобы снова очутиться в экзотических условиях этого континента, где он уже преодолел несколько тысяч километров.

Молчаливый и замкнутый, пожалуй даже застенчивый, он, едва речь заходила об африканских дебрях, загорался и становился необычайно красноречивым. Он пришел ко мне, так как до него дошли слухи о моих планах, которые сразу же воодушевили его. Позднее я узнал, что Дави провел в путешествиях уже многие годы. Случайности войны забросили его в Албанию. Затем он отправился странствовать по Африке и проделал долгий путь от Марокко до Конго и Анголы.

Таким образом, Андрэ Дави необычайно подходил для путешествия по Нилу, которое я тогда подготавливал. Он умел вести самые сложные переговоры в официальных инстанциях и улаживать щекотливые вопросы. Ведь мы не могли отправиться в путь, не получив невероятного количества всяких виз, пропусков и разрешений. Андрэ удалось устроить все в

несколько недель; а я потратил бы на это по крайней мере несколько месяцев. Зато он терпеть не мог заниматься мелочами. Обнаружив это, я взял на себя все, что относилось к снаряжению экспедиции, от которого в значительной степени зависел ее успех.

Когда в Париж приехал американец Джон Годдард, Андрэ стал его переводчиком. Джон, как и многие его соотечественники, говорил только на своем родном языке, что было довольно неудобно для меня, не знавшего английского.

Кроме того, Андрэ оказался изобретательнейшим поваром: никакие неожиданности не могли застать его врасплох. Мне остается только добавить, что если мы и не составляли идеального во всех отношениях коллектива, то нас объединяло одинаковое стремление добиться поставленной цели, а это было главное. И в самом деле, оглядываясь теперь назад, мы не перестаем удивляться, как нам вообще удалось довести до конца эту первую в своем роде экспедицию по Нилу. Читатель сам увидит, прочитав книгу Дави, что уже в начале путешествия нам едва удалось избежать катастрофы.

Неудача у истоков Нила, на бурной Катере, могла бы нас сразу охладить. Предостережение было грозным и весьма недвусмысленным.

С первых шагов мы убедились, что подвергаем себя большому риску и что исход может оказаться для нас роковым. Тем не менее мы продолжали идти к поставленной цели и в основном достигли ее.

Перед нашей экспедицией стояли следующие задачи: проплыть вниз по Нилу от его истоков до дельты и по окончании путешествия описать наш путь.

Мне хочется отдать должное моим спутникам Андрэ Дави и Джону Годдарду, совершившим, несмотря на отсутствие у них опыта плавания на каяках, весь этот

путь и сумевшим преодолеть каскад порогов к северу от Хартума.

Андрэ Дави, обладающий большой наблюдательностью, легко и остроумно описал наше продолжительное путешествие по Нилу, изобиловавшее приключениями, порой драматическими, даже героическими, но нередко и забавными. Он сумел искренне поведать о наших радостях, трудностях и тревогах.

Глава I. Героический дебют на Кагере

Две крохотные белые точки стремительно несутся по бурным водам реки, берега которой заросли буйной тропической растительностью, затем быстро исчезают за папирусами.

Примостившись на мысочке, долговязый бородатый парень в бойскаутской шляпе производит съемку. Покончив с этим делом, он укладывает камеру в футляр, спускается к реке, садится в каяк и устремляется за первыми двумя лодками. Мы находимся у истоков Нила, в самом сердце Африки, на границе Руанды, Танганьики и Уганды, на реке, которая называется Кагерой. Фактически — это верхнее течение Нила.

11 ноября 1950 года.

Высокий бородатый парень — американец Джон Годдард; две маленькие белые точки — каяки его спутников-французов: Жана Лапорта и мой.

Лапорт с невозмутимым видом стремительно проплывает мимо меня. Опущенные поля нейлоновой шляпы затеняют верхнюю часть его лица, большие стекла очков-консервов скрывают глаза. Он сосредоточенно притормаживает и выправляет ход своего каяка легкими движениями весла. Течение несет нас с большой скоростью. Как можно плотнее усаживаюсь на сиденье. Очень неуверенно правлю, стараясь не выбиться из основного потока, скорость которого, как нам кажется, составляет километров двенадцать в час.

Это наш первый опыт плавания на каяках в Африке, а для Годдарда и меня — первое путешествие по рекам

вообще.

Не проплыли мы и ста метров, как заметили торчащие из воды морды бегемотов. Первое соприкосновение с этими огромными животными, слывущими раздражительными и сумасбродными, не принесло нам особой радости. Мне тотчас пришли на память рассказы о нападающих на пироги бегемотах, одного удара челюстей которых достаточно, чтобы раздробить лодку. Лица моих товарищей невозмутимы, но сам я явно трушу. Торопливо ощупываю свою хрупкую посудину. Чувствую, как за ее тоненькой каучуковой оболочкой скользит вода, и понимаю, что это поистине смехотворная защита от ударов, которые ежеминутно могут обрушиться на лодку. Мне начинает казаться, что стоит только бегемоту захотеть и он в одно мгновение проглотит каяк. Однако, подобно наполеоновским гренадерам, которые ворчали, но шли, продолжаю продвигаться вперед, стараясь не выдать свою мерзкую робость.

Без сомнения, мы мешаем бегемотам безмятежно резвиться в воде. Днем животные обычно находятся в реке, а ночи проводят на прибрежных пастбищах. В это утро их в Катере полным-полно. Целые семьи бегемотов наслаждаются прохладой, погрузившись в воду. На поверхности торчат лишь огромные, покрытые густой щетиной серые морды в розовых пятнах, с козырьками массивных надбровных дуг и маленькими острыми ушами, которыми они не переставая шевелят. Ясно, что бегемоты нас заметили. Интересно, что они думают об этих трех белых фигурах, которые непрошеными явились в их владения? Животные звучно хрюкают, затем ныряют, направляясь в нашу сторону, и появляются на поверхности то совсем близко от наших лодок, то немного дальше. Одни разевают огромные пасти, точно собираются нас проглотить, другие,

вынырнув, громко фыркают, выпуская из ноздрей целые фонтаны воды.

У истоков Нила

Пользуемся каждой передышкой, чтобы достать фляги: от непрерывного напряжения и экваториального солнца пересыхает в горле. Большими глотками пьем фильтрованную воду, которой запаслись при отплытии.

Берега Кагеры покрывают густые заросли — деревья, тростники и папирусы. Знаменитые папирусы, о которых мы столько слышали, теперь совсем рядом с нами. Они имеют зеленые трехгранные стебли двух или трехметровой высоты и растут густыми пучками. К мутной воде склоняются их ажурные зонтики, венчающие стебли. Разворачивающийся перед ними пейзаж исполнен дикого великолепия.

Джон догнал нас, и мы устремляемся вперед. Все время приходится быть начеку, огибать бесконечные зеленые островки, старательно избегая водоворотов и потоков, которые прибивают к берегу, загроможденному корнями. Стараемся держаться как можно дальше от бегемотов.

Течение становится все стремительнее, что затрудняет ориентировку и выбор пути. Количество островков и торчащих из воды камней все растет. Берега по-прежнему неприступны. Порывы ветра доносят до нас приглушенный гул, он как бы идет снизу. Шум усиливается, возвещая о приближении порога.

Джон исчезает в узком проходе, и мы теряем его из виду. Жан продолжает держаться в фарватере, я следую за ним. Двигаемся осторожно, направляя лодки легкими ударами весла. Жан не замечает бегемота, который плывет по течению рядом с ним, с правой стороны. Животное, испугавшись, тихонько погружается в воду и через несколько секунд всплывает снова, на этот раз прямо передо мной. Чтобы не наскочить на него, я делаю резкое движение веслом и едва успеваю свернуть. Бегемот, пораженный не менее, чем я, мгновенно скрывается под водой. Это меня вполне устраивает. Но тем временем меня успело снести к самому краю порога, причем мой каяк развернуло поперек реки.

Катастрофа неизбежна. Не успел я и глазом моргнуть, как лодка опрокинулась и я очутился в воде. Стремнина с неодолимой силой увлекает меня, кружит в водоворотках, бросает с одного перепада на другой, волочит по дну, ударяя о камни. Отчаянно барахтаюсь, стараясь выбраться на поверхность и перевести дыхание.

Течение уносит мой перевернувшийся вверх дном каяк. Я вижу, как он ныряет в кипящий поток и его выталкивают оттуда подводные толчки. Но он продолжает плыть. Понимаю, что если я смогу догнать лодку и за нее уцепиться, я спасен. С трудом перевожу дух. Нельзя терять ни минуты. Изо всех сил плыву к каяку, настигаю его и, уцепившись, ухитряюсь направить к островку, о который разбиваются водяные струи. Мне удастся на него вскарабкаться. Теперь я спасен, но моя лодка в опасности: течение настолько сильное, что грозит раздавить ее о скалу. С большим трудом, преодолевая сантиметр за сантиметром, вытаскиваю каяк из воды. Он в весьма плачевном состоянии. Во время всех этих приключений я лишился шляпы, и солнце не замедлило напомнить мне о

злополучной утрате. Приходится покрыть голову платком и каждые пять минут смачивать его, чтобы избежать солнечного удара.

Усаживаюсь, постепенно прихожу в себя и обдумываю свое положение. Оно не блестяще: сижу один на скале, в самой середине стремнины, с исковерканным каяком. Где товарищи? Что случилось с ними?

Мои размышления прерываются — вижу Жана, он шлепает по грязи, пробираясь сквозь заросли папируса. Не все потеряно. Жан меня ищет, но не видит за густой прибрежной растительностью. Кричу изо всех сил, однако шум воды заглушает мой голос. На островке растут папирусы: срезаю один из них, привязываю к стеблю платок и начинаю им энергично размахивать. Я похожу на потерпевшего кораблекрушение, который с необитаемого острова только что увидел вдали корабль. Наконец Жан меня замечает и направляется по берегу в мою сторону. За ним показывается Джон, с головы до ног покрытый грязью. Очевидно, его лодка тоже перевернулась. Вот они добрались до берега прямо против моего островка. Вскоре мне пришлось самому убедиться, что эта их маленькая прогулка — настоящий подвиг.

Перебрасываю через стремнину моим товарищам чалку, один конец которой обвязываю вокруг талии. Затем сталкиваю каяк в воду и прыгаю в него. Лодка трещит, однако кое-как держится на воде. Мне очень трудно сохранять равновесие и управлять выведенной из строя посудиною. У самого берега она все-таки черпает воду и опрокидывается. Течение сильное, но мне удается ухватиться за стебли папируса, и Жан с Джоном вытягивают меня, а затем и каяк на берег.

Теперь мы все трое на болотистом берегу. Нам предстоит выбраться на верхнюю террасу берега с доброй сотней килограммов груза на плечах.

Покрывающие берег папирусы растут в тинистой грязи, в которую можно провалиться на глубину до четырех метров. Единственный выход — резать папирусы и устилать ими путь. К счастью, перед самым отплытием мы приобрели прочные ножи. Хороши бы мы были без них!

Продвигаемся цепочкой, передавая друг другу мешки со снаряжением. Чтобы преодолеть двести метров, затрачиваем уйму времени. Можно прийти в отчаяние. Когда мы смотрели с реки на покрытую густой травой террасу, возвышавшуюся над руслом Кагеры, нам казалось, что она расположена совсем рядом. Между тем болоту нет конца. Вымокшие и измазанные с головы до ног, задыхаясь в душных испарениях, барахтаемся в трясине. На поверхность стоячей воды поднимаются крупные пузыри газа... От потревоженной нами тины распространяется ужасное зловоние, которое издают разлагающиеся растения и животные. Мы не знаем, как избавиться от пиявок, облепивших наши ноги. Когда их отрываешь, на теле остаются маленькие болезненные подтеки.

Время от времени слышно громкое шлепанье — недалеко от нас, очевидно, плюхаются в воду какие-то огромные животные. Сразу же вспоминаем о населяющих эти места крокодилах — тут для них рай. Но увидеть нам ничего не удастся — мы буквально утонули в чаще папирусов.

Самое ужасное — комары и всевозможные насекомые, которые густыми тучами вьются над болотом. Очень скоро начинаем страдать от их болезненных укусов.

Вспоминаем о парижских друзьях, пугавших нас страшными рассказами о мухе цеце и малярийных комарах. Интересно, что бы они сказали, увидев, как мы тут увязли в болоте, облепленные невероятным количеством насекомых.

Наконец мы миновали папирусы. Полагаем, что прошли более полкилометра. Однако наши мучения на этом не кончились. Мы попали в зону колючих кустарников,

пробираться через которые не менее трудно.

Это — заросли акаций с острыми шипами, опутанные лианами. Последний паводок покрыл их грязью и водорослями. Земля вся в глубоких рытвинах. Джон, вооружившись мачете, отчаянно рубит эту, как он выражается, окаянную растительность. Здесь высокий рост ему явно мешает — продвигаться можно только ползком. От этого он еще пуще бранится.

К комариным укусам теперь прибавились муравьиные. Можно подумать, что насекомые яростно мстят нам за то, что их потревожили. Они сыплются на нас отовсюду мелким дождем. Самые страшные мучители — маленькие красные муравьи, длинными вереницами ползающие по стволам и ветвям деревьев: их укусы — подлинная пытка. Они вынуждают нас каждую минуту бросать кладь, чтобы стряхнуть их. Но прежде чем нам удастся это сделать, их челюсти успевают вонзиться в кожу, распространяя сильный запах муравьиной кислоты. Однажды, чтобы подтащить каяк, я оперся о дерево. Гнилой ствол не выдержал, и я по пояс очутился в липкой грязи. Страх сковал меня. Каждую минуту могу погрузиться с головой в трясину. Подоспевшему Джону оказалось не так-то просто выручить меня из беды.

Мы совсем выбились из сил, но стараемся сохранять хладнокровие. Опасность не позволяет терять голову. Я все еще никак не могу опомниться после своего "кораблекрушения". Все случилось так внезапно — даже не было времени дать себе отчет в том, что произошло.

Мы почти не разговариваем, и до тех пор, пока не выберемся отсюда, я не узнаю, почему Джон в грязи с головы до ног, отчего у него огромная шишка на лбу и раны на ногах. Вероятно, он тоже попал в переделку. Сильными взмахами мачете он молча рубит лианы.

Мы во всем солидарны, и этого достаточно: ни жалоб, ни упреков, ни бесплодных сожалений. В таких обстоятельствах одинокий человек счел бы свое положение почти безнадежным. Упадок духа подстерегает одиночку и может оказаться для него роковым. Возможно также, что более многочисленная группа не обладала бы тесным единением, необходимым для преодоления трудностей. Среди большого числа людей всегда может оказаться человек более слабый физически или морально. Втроем же мы чувствуем себя как бы спаянными опасностью — объединяем усилия и продвигаемся, правда, наугад, но вперед и вперед.

Еще не меньше двух часов боремся с адским хаосом зелени, не давая себе ни секунды передышки. Приближается ночь, она может обернуться для нас катастрофой, если застигнет здесь. Наконец, заросли редуют. Выходим на нижнюю береговую террасу. Мы неописуемо грязны, промокли до нитки и искусаны комарами, муравьями, пиявками, ноги изодраны колючками в кровь. С утра у нас маковой росинки во рту не было. Однако, несмотря на все это, мы счастливы, что отделались так дешево.

Но наши испытания еще не кончились. Обширный луг, куда мы вышли, покрыт травой с пурпурными колосьями, возвышающимися на два-три метра над землей. Немыслимо располагаться в этом океане зелени, в котором далее трех шагов уже ничего нельзя разглядеть. Местность кишит дикими зверями; ночью они могут опрокинуть нашу палатку и наделать немало бед.

Продолжая тянуть за собой разбитый каяк и мешки со снаряжением, взбираемся вверх по холму, пока не находим скалистый выступ, открытый со всех сторон. С него хорошо просматривается вся местность.

Теперь надо найти оба уцелевших каяка, оставленных где-то у берега. На этот раз нам везет. Жан наталкивается на углубляющийся в зелень туннель, идущий к реке. Это тропа, проложенная бегемотами. Она ведет к глубоким логовам, сохранившим свежие следы пребывания громадных животных. Этот ниспосланный провидением проход позволяет без особого труда выйти на берег и найти обе лодки, которые мы затем надежно укрываем в бухточке. Пользуемся случаем, чтобы хоть слегка смыть с себя грязь и принять мало-мальски человеческий вид. Однако болотная вонь словно прилипла к нам: мы еще несколько дней не сможем от нее отделаться.

Внезапно наступает ночь, словно прошитая светящимися нитями фосфоресцирующих насекомых, наполненная тысячью таинственных шорохов пустыни, напоенная ароматами окружающих нас высоких трав. Издали доносится глухой шум Кагеры...

Устраиваемся на ночлег. Жан и Джон ставят палатку и разбирают промокший багаж. Я занимаюсь стряпней. В непромокаемом мешке находим спички, которые удастся зажечь. Прямо умираем от голода и жажды. Запах кипящего супа возрождает наше мужество. Теперь Джон может рассказать о своих злоключениях. Приближаясь к порогу — источнику всех наших бед — он свернул в узкий извилистый рукав, и мы потеряли его из виду.

Вскоре путь ему преградили ветви деревьев, нависшие над самой водой. Течение было таким сильным, что Джон не успел затормозить.

В мгновение ока он очутился в кипящем водовороте и почувствовал, что течение волочит его по

каменистому дну. Когда он падал в воду, ружье ударила его по лицу и чуть не оглушило. Затопленные ветви деревьев и лианы, наклонившиеся над водой, не давали ему выбраться на поверхность.

— Ну, ребята, — воскликнул он голосом, прерывающимся от волнения, — никогда не забыть мне этой минуты. Я думал, настал мой последний час.

К счастью, Джон превосходный пловец. Он уже много лет занимался подводной охотой на своем родном калифорнийском побережье, и это помогло ему спастись.

Он выбрался сам, высвободил свой каяк, застрявший в корнях и водорослях, вплавь спустился по нескольким порогам, затем сел в лодку, и та вынесла его в тихие воды. Там уже находился Жан, который не потерпел аварии на порогах, так как умеет хорошо управлять каяком. Однако и у него не обошлось без осложнений. Его лодка зацепилась кормой за камень у самого края порога.

— Положение у меня было отчаянное, — спокойно рассказывал Жан. — Моя лодка могла за несколько секунд наполниться водой и превратиться в настоящую ванну. Я уперся веслом в дно возле кормы, со всей силой навалился на него — и вот лодка скользнула, поплыла; остальной путь прошел без приключений. Через некоторое время я увидел, что берега реки сужаются, стал слышен шум водопада. Надо было во что бы то ни стало остановиться. Повернув лодку против течения, я сбавил ход и уцепился за прибрежные папирусы. И тут я заметил плывущие по реке шляпу и весло. Это была шляпа Андрэ. Значит он опрокинулся, решил я. Но почему же нет его самого? Спустя несколько секунд появился Джон в довольно странном положении — сидя на опрокинутом каяке... Джон делал невероятные усилия, чтобы направить свое суденышко в мою

сторону. Мне, наконец, удалось зацепить его. Он довольно счастливо избежал вторичного крушения, ведь в нескольких десятках метров от нас ниже по течению ревел следующий порог.

Затем двое моих товарищей вскарабкались на скалистый берег и отправились разыскивать меня. Я был неподалеку — на камне посреди порога, в весьма незавидном положении.

Лежа в палатке на спальных мешках, подводим итоги первого чрезвычайного происшествия на нашем пути. Несмотря на усталость, не можем заснуть. Пух моего спального мешка изрядно вымочен водой Кагеры, что явно не способствует сну. Урок на будущее: надо тщательнее упаковывать мешки, чтобы в них не проникала вода.

Подсчитываем убытки от крушений. Не достает двух ружей и одной тележки для перевозки багажа. Однако самое серьезное — это камера. Она упала в воду, но зацепилась ремнем за сук затопленного дерева, и нам удалось ее оттуда выудить. Придется всю ее разбирать. Пострадали катушки первых снятых нами кадров. Таким образом, начало плавания на каяках по африканским рекам было не слишком обнадеживающим.

Теперь нам ясно, что мы решились плыть по Кагере — реке совершенно неисследованной — с безумной беспечностью, граничащей с безответственностью. Перед коими глазами встала фигура британского резидента в Мбараре, воздевшего руки к небу после того, как мы ему изложили свои планы. Это происходило всего два дня назад. Резидент проехал более ста километров, чтобы встретиться с нами на пограничном посту, где мы подготавливали спуск каяков на воду.

— Ребята, — сказал он нам, — вы собираетесь совершить самоубийство. Еще никто никогда не пускался в плавание по этой гиблой реке. Она кишит

бегемотами, вся перерезана порогами и теряется в цепи непрерывных болот. Вы хотите затеряться вместе с ней?

Мы решили, что резидент немного преувеличивает с целью нас запугать. Он считал себя в какой-то степени ответственным за исход нашего путешествия по этой дьявольской реке;

Однако резидент ничего не преувеличивал.

Уже во время сборов мы знали, что нам "небо с овчинку покажется", — об этом нам на все лады твердили еще в Париже, говоря, что мы идем на большой риск. Но не могли же мы вечно сидеть и ждать, черт возьми!

Вот уже неделя, как мы раскинули лагерь в дебрях Танганьики. Эту необитаемую часть страны англичане превратили в заповедник. В высокой траве повсюду звериные тропы, на которых видны различные следы. Хищников кругом много, но мы пока их не видим, — они прячутся в зарослях.

К нашему лагерю иногда подходят антилопы. Их не смущает наша зеленая палатка на фоне зеленого пейзажа. Однако они настораживаются, едва мы пытаемся к ним приблизиться: антилопы замирают на месте, поворачивают головы в нашу сторону и несколько мгновений нас разглядывают, очевидно, чрезвычайно удивленные таким необычным вторжением на их территорию. Затем нюхают воздух и уносятся прочь, перемахивая через кустарник. За антилопами часто следуют гиеновые собаки с желтоватой шерстью в черных пятнах, известные своей свирепостью. Стая действует дружно. Несколько собак, как видно, самые опытные, следят за стадом беззаботно пасущихся антилоп. При малейшей оплошности они отбивают от стада молодых животных и гонят их в сторону, где притаились остальные собаки: те начинают преследование и почти всегда настигают свою жертву.

Молодой бегемот среди бела дня дерзко прогуливается прямо у нас под носом. Пытаемся приблизиться к нему. Но, к нашему удивлению, животное бросается бежать с неожиданной резвостью и исчезает в болотистых берегах реки. Поразительно, с какой быстротой эти массивные коротконогие животные могут бегать в случае необходимости!

В окрестностях немало львов, но мы пока их не встречали. С нас довольно и львиного рыка по ночам. Кажется, будто хищники находятся в двух шагах от палатки. На самом же деле они довольно далеко. Этот львиный рев, оканчивающийся глухими жалобными звуками, — самое впечатляющее из всего, что нам пришлось слышать в Африке: Что касается носорогов, стада которых лет сто назад в этом районе Верхнего Нила попадались на пути путешественника Спика, то мы не встретили ни одного. Массовые охоты на этих животных привели к тому, что носороги почти исчезли в Африке. Теперь нужно самым тщательным образом их охранять, чтобы они окончательно не перевелись [\[5\]](#). Несколько дней подряд увязываем свою кладь. Надо добираться до исходного пункта нашего плавания по Кагере, отстоящего на тридцать или сорок километров от нас. Едва успеваем свернуть палатку, как на нас обрушивается тропический ливень. Дождливый сезон в разгаре. Совершенно чистое небо вдруг с неописуемой быстротой покрывается грозowymi тучами, и на нас низвергаются потоки воды. Поспешно надеваем дождевики. К вечеру дрожим от холода: на нас нет сухой нитки.

Наконец трогаемся в путь. Тут обнаруживается, что наши тележки непригодны. Их оси прогибаются под тяжестью. Колючки, устилающие путь, то и дело прокалывают резиновые шины...

Мы не подаем о себе вестей, и наше продолжительное молчание начинает тревожить власти. На поиски отправляются бельгийские пограничники в красных фесках и британские в высоких синих пилотках.

В один прекрасный день встречаем оба отряда. Обрадованные тем, что выполнили задание, солдаты приветствуют нас громкими криками.

Глава II. Как мы очутились у истоков Нила

Посмотрим теперь, что происходило в Париже за четыре месяца до начала экспедиции. Я натыкаюсь на багажную тележку и, чтобы не упасть, хватаюсь за весло. Чертыхаюсь на все лады. Темный проход почти до потолка заставлен ящиками и коробками. Жан Лапорт с невозмутимым видом показывает мне путь. Входим в комнату, заваленную всевозможным снаряжением: сапогами, резиновыми мешками, лагерным оборудованием, банками с красками, походными аптечками, инструментами, шлемами... Стены увешаны огромными картами Африки.

Знакомимся. Мой собеседник говорит медленно, глуховатым голосом. У него удивительно неподвижные глаза голубовато-стального цвета, открытый лоб, редкие светлые волосы, тонкая шея, орлиный нос. Упрямое, решительное выражение худощавого лица. Жан Лапорт — парижанин, ему лет тридцать, он участвовал ранее в качестве чертежника в полярных экспедициях Поля Эмиля Виктора. Сейчас работает в ночной смене на заводе, а днем занимается подготовкой экспедиции по Нилу, является активным членом Общества французских исследователей.

Я — журналист, не так давно возвратился из Африки и готов опять туда отправиться. От предков-бретонцев я унаследовал небольшой рост и черные волосы. "Крепкий парень и довольно упрямый", — писал обо мне один мой товарищ.

Узнав о планах Лапорта, я пришел в его маленькую квартирку, чтобы познакомиться с ним лично.

— Нил, — объясняет он мне, — самая длинная река в мире. По ней никогда не спускались в лодке от истоков до устья. Надо попытаться это сделать на каяке. Такое путешествие должно занять месяцев восемь. Экспедиция почти подготовлена. Компания "Мессажри маритим" обещала обеспечить бесплатный проезд до Восточной Африки. Проектом заинтересовался американец из Лос-Анжелоса. По всей вероятности, он примет участие в экспедиции и привезет с собой съемочную камеру, пленку и валюту, необходимую для проезда по британским колониям. Третьего компаньона нет. Его срочно подыскиваем.

Так я стал участником экспедиции. Мы все трое — холостяки, а значит, совершенно свободные люди.

Меня всегда влекло к приключениям. В 1946 году, через несколько месяцев после демобилизации, я уехал в Африку. Генерал-губернатор Баярдель предложил мне сопровождать его в Браззавиль в качестве пресс-атташе. Я согласился, но попросил дать мне возможность поехать по Африке. За три месяца я пересек Сахару, Нигер, Нигерию, причем из-за наводнений мне пришлось сделать большой крюк и проехать через Чад, Убанги, Камерун и Габон. Перепробовал почти все виды транспорта: автобус, грузовик, пароход и поезд.

Три года, проведенные в Африке, — это только первая встреча с обширным континентом. Проехав несколько тысяч километров, я лишь мельком смог убедиться в бесконечном разнообразии африканской природы: увидел огромные саванны, джунгли. Мимоходом познакомился с жизнью множества народностей, которую было бы интересно подробно изучить. Я убил несколько крокодилов на Шари, издали наблюдал за буйволами в саваннах Габона, но мне ни разу не встретился слон или бегемот, несмотря на длительные поездки по зарослям Конго. Нужно

забираться в глубинные районы, в сторону от дорог и оживленных магистралей, чтобы увидеть этих животных, избегающих — и с полным основанием — человека. Путешествие по Нилу — реке, которая берет начало у экватора, течет по пустынным областям Африки и расходится веерообразно в дельте, — сулило очень заманчивые перспективы. На берегах этой реки живут самые низкорослые на земле люди — пигмеи. Тут расцвела одна из наиболее старых и пышных цивилизаций мира.

Как мы в дальнейшем убедились, Нил — отнюдь не спокойная река. На его пути — протяженностью почти в семь тысяч километров (мировой рекорд!) — несколько сот порогов и водопадов; многие из них совершенно не изучены, о других знают только то, что они опасны. Нил окружен бескрайними болотами (снова мировой рекорд!) и пересекает области, оставшиеся почти неисследованными до нашего времени. Таким образом, путешествие сулило много неизведанного.

Игра стоила свеч!

Инициатор этой необычной экспедиции, Жан Лапорт, выдвинул оригинальный план: мы отправимся в путь налегке. Никакого громоздкого оборудования, шумных и капризных машин с их вечными неполадками и никаких носильщиков.

Нам хотелось доказать, что можно организовать длительную экспедицию в Африку или в другие места без лишних осложнений и шумихи. Мы надеялись, что благодаря этому будем продвигаться по Нилу, не наводя страха и не особенно тревожа живущее на берегах реки население, недоверчивое, всегда несколько настороженное.

Кроме того, этот план обладал еще одним преимуществом — дешевизной. Перед отъездом мы подсчитали, что общие расходы экспедиции должны составить полтора миллиона франков. Правда, часть

снаряжения мы получаем бесплатно от фирмы, рекламирующей оборудование для каяков, а компания "Мессажри маритим" предлагает нам даровой проезд (без питания) на борту своих пароходов в оба конца: Марсель—Момбаса и Александрия—Марсель. Для людей, не купающихся в золоте и не субсидируемых никакими организациями, лозунг "дешевизна" является основным, определяющим. Однако "экспедиция налегке" вовсе не означала путешествия, подготовленного на скорую руку. Наоборот: чем меньше берешь с собой снаряжения, тем тщательнее надлежит его отбирать и проверять. Жан занялся этим делом три года назад и в бесконечных хлопотах в одном только Париже наездил на велосипеде тысячи километров. В толстой папке у него подшито полторы тысячи копий писем, написанных во время подготовки экспедиции.

Мне хотелось привести отчет, об этом длинном путешествии для тех, кто в Европе и других странах мечтает — пусть только посредством чтения — уйти от обыденщины повседневной жизни. Я намеревался рассказать о наших испытаниях (мы не знали точно, какого рода будут эти испытания, но что их выпадет на нашу долю с лихвой — мы не сомневались), обо всем увиденном и услышанном.

Целью моих двух товарищей было, кроме того, создание цветного фильма на шестнадцатимиллиметровой пленке.

После того как мы договорились обо всем между собой, оставалось выполнить еще немало дел, прежде чем приступить к претворению нашего плана в жизнь и назначить дату отъезда. Учитывая особенности африканских климатических сезонов, путешествие следовало начинать в сентябре. Это было необходимо, чтобы, с одной стороны, избежать летних экваториальных ливней, с другой — жары знойного лета в Нубии, на территории которой предстояло

провести шесть месяцев. Мы рассчитывали за сентябрь-октябрь достичь истоков Нила и весной следующего года добраться до его дельты. Несмотря на всякие приключения, мы в целом, с незначительными отклонениями, выполнили эту программу. В Париже нам прежде всего нужно было получить визы на въезд в страны Восточной Африки. В британском консульстве нам вежливо, но настойчиво рекомендовали обратиться в валютное управление, которое должно было подтвердить, что мы располагаем нужной для путешествия валютой.

Устремляемся в валютное управление. Прелестная блондинка, восседающая в отделе переводов, кажется искренне заинтересованной предложенным нами проектом.

— Вы отправляетесь путешествовать по Нилу,— обращается она к нам с обворожительной улыбкой.— Как это чудесно! Впрочем, Магюрье, знаете вы Магюрье? Он совсем недавно тут был. Чудесный парень! Он отправился в Чад снимать фильм...

Эта любезная особа рекомендует нам, прежде чем подавать заявление в валютное управление, заглянуть на Кэ д'Орсей [\[6\]](#). "Чтобы, — как она говорит, — все козыри были у вас в руках".

У нас имеются доллары, мы могли бы вполне обойтись без санкции валютного управления и обменять их на фунты стерлингов. Но нам хочется делать все по закону! На следующий день ходим по длинным тихим коридорам Министерства иностранных дел, запасшись объемистой пачкой рекомендаций: от Клуба исследователей, Туристского клуба Франции, Исторического музея, ЮНЕСКО, Радио Франции, Французской федерации гребцов на байдарках. За восемь дней мы добиваемся поддержки министерства. Это несомненный успех!

Остается урегулировать один деликатный вопрос — получить суданские визы. Въезд в Англо-Египетский Судан [7] ограничен, в эту страну не так-то легко пускают, особенно тех, кто пытается проникнуть туда с юга, как хотим это сделать мы. Окрыленные победой, смело возвращаемся на Кэ д'Орсей, где, к счастью, встречаем барона Шаброля, поверенного в делах в Хартуме, — единственного дипломата, допущенного англичанами в период своего господства в столицу Судана. Он обещает нам помочь.

Путь начинает понемногу расчищаться.

Наши каяки

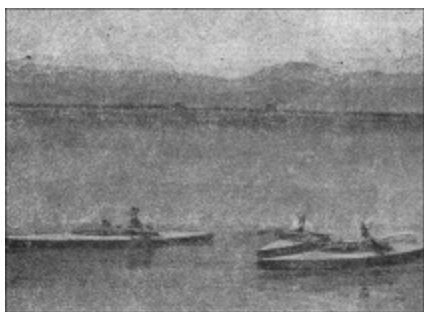
Как-то мы отправились в мастерскую конструктора Жана Шово в Сен-Клу, на берегу Сены, чтобы узнать, как продвигается изготовление наших каяков.

Все три лодки были уже почти готовы и лежали рядышком на стапелях, вверх дном. В длину каждая имела пять метров, в ширину — восемьдесят сантиметров. Разобранная и соответствующим образом упакованная, она представляет удобный для перевозки тюк, объем которого метр семьдесят пять сантиметров на полтора.

Это серийная модель двухместной лодки. В каждой мог поместиться один из нас, свободное место предназначалось для багажа. Переднее сиденье было удалено, а заднее значительно выдвинуто вперед. Таким образом, можно было поместить большую часть груза на корме, остальное — в носовой части лодки. Дно каяка обтягивало прорезиненное полотно серебристого цвета. Борта и палуба выкрашены в белый цвет с расчетом, что днем это сведет к минимуму поглощение солнечных лучей, а ночью позволит лучше видеть лодку в темноте.

На каждом каяке двойной комплект весел — деревянные и дюралюминиевые. Способ починки в случае повреждений самый простой. Приведу инструкцию, которую передал нам Жан Шово:

"Прорезиненная материя, покрывающая каяк, очень прочна. Только сильный удар об острый камень или режущий предмет может повредить ее. Однако течь заделывается быстро при помощи растворителя и куска соответствующей ленты. Лучше всего иметь для этого набор, в который входит коробка с растворителем, полтора метра ленты шириной шестьдесят миллиметров, льняные нитки и толстая игла. Для того чтобы наложить внешнюю заплату, необходимо очистить бензином поврежденное место, затем намазать его растворителем и дать постоять пятнадцать минут. Отрезать кусок ленты нужной длины и наложить на разорванное место.

Годдард, Лапорт и Дави на каяках

Если пробоина большая, нужно сначала сблизить ее края, прошив их крест-накрест, а потом клеить одним куском ленты изнутри, другим — снаружи. Чтобы заплатка не отклеилась, необходимо закруглить у нее углы".

В снаряжение входит дюжина (шесть больших и шесть маленьких) водонепроницаемых мешочков из прорезиненной ткани серебристого цвета. Надутые воздухом и помещенные в корме и носу лодки, они

обеспечивают плавучесть каяка в случае аварии. Кроме того, имеются три разборных тележки из стальных коленчатых трубок на дурых шинах, которые должны служить для перевозки каяков.

Спустя несколько дней после посещения Сен-Клу, мы получили наши каяки. Впервые в жизни сажусь в эту странную лодочку, с которой впоследствии придется основательно сдружиться. Она раскачивается, словно хочет сразу же опрокинуться. Мой дебют не блестящ. Беспомощно хлопаю веслом, расплескивая вокруг себя воду. Она заливает лодку и струями стекает по моей спине. Каяк вертится на одном месте под огорченным взглядом Жана Лапорта, который занимается этим видом водного спорта с детства и не понимает, как можно быть таким неуклюжим.

Американец в Париже

Следующее великое событие — приезд в Париж третьего члена нашей экспедиции, американца Джона Годдарда.

Джон Годдард родом из Калифорнии, точнее из Лос-Анжелоса, города, насчитывающего два миллиона жителей и растянувшегося на сто километров по побережью Тихого океана. В чудесный воскресный день в августе на Сен-Лазарском вокзале мы встречали трансатлантический поезд. Джон Годдард, прибывший на нем, был одет в пеструю рубаху, голову его венчал ослепительно белый пробковый шлем, в руке он гордо нес акваланг, зеленовато-голубого цвета, неразлучный спутник всех его путешествий. Джон — высокий, стройный парень, со светлыми волосами рыжеватого оттенка и с элегантно подстриженными усиками. На вид ему не более двадцати пяти лет. Женщины обычно говорят про таких "красивый малый" и не остаются

равнодушными к их чарам. С лица Годдарда почти не сходит широкая улыбка. Он симпатичен и еще по-детски шаловлив. Юношеский оптимизм его поддерживается в значительной мере тем, что перед ним не возникает никаких серьезных проблем, особенно денежных. В этом он типичный американец.

Впоследствии Джон рассказал нам, что в детстве много болел: родители усиленно не жили его. Однако в пятнадцатилетнем возрасте он поклялся стать мужчиной, причем настоящим, и начал заниматься спортом, особенно — как и подобало жителю калифорнийского побережья — плаванием и подводной охотой. Okрепнув и поверив в свои силы, он стал сопровождать отца, известного исследователя П. Лунберга, прозванного Джеком Годдардом, в трудных походах по болотам Флориды и джунглям Никарагуа. Kонец войны застал двадцатилетнего Джона летчиком-разведчиком американских военно-воздушных сил. После войны он возобновил свои занятия медициной и стал бы врачом, если бы страсть к путешествиям окончательно не овладела им. Ему удалось установить связь с Жаном Лапортом.

Как только Джон сошел с поезда в Сен-Лазаре, мы увлекли его в небольшой ресторанчик с низким потолком в Сен-Жермен-ле-Прэ, обычно посещаемый космополитически настроенной молодежью, которую не способен поразить нелепый вид этого заведения.

Утомленный десятитысячекилометровой дорогой, Джон ограничился рассказом о Голливуде. Он показал нам карточки своих приятельниц-кинозвезд. Мы получили возможность полюбоваться и самим Джоном в костюме подводного охотника, держащим за клешни огромного омара, только что вытасченного из морских глубин. Под конец мы наслаждались созерцанием роскошного шелкового знамени, которое передал Джону при отъезде президент клуба исследователей.

На знамени зелеными и красными нитками вышита знаменитая каравелла "Сайта Мария", на которой Христофор Колумб открыл Америку.

У нас самое благодушное настроение. Мы решили приобщить Джона к французскому вину, но он отказался, сказав, что ему как мормону запрещены вино, табак, чай и кофе. Он потребовал только большой стакан молока со льда. В обычном парижском ресторане это невыполнимое требование, и Джону все-таки пришлось пригубить стакан вина. Насколько мне известно — единственный раз за все время его пребывания в винодельческих странах.

Стаканы молока, поглощаемые Джоном, стали предметом непринужденных шуток Жана Лапорта, который называл Годдарда "бэби-исследователем". Его шутки заставляли Джона каждый раз подскакивать на месте, и однажды он при этом едва не захлебнулся молоком.

Наши первые встречи изобиловали забавными неожиданностями. Особое своеобразие им придавало то, что оба моих товарища говорили только на своем родном языке. Я сам не очень силен в английском. Всякий раз, когда мне приходилось пускаться в подробное объяснение по поводу того, как обращаться с камерой или применять углеродистую серу, которая могла нам понадобиться в пути, я спотыкался на каждой фразе. Это, естественно, ничуть не способствовало ясности моих объяснений.

Джон с великим трудом вникал во всевозможные хлопоты и затруднения, с которыми мы сталкивались перед отъездом. Он грыз удила и ржал, как молодой конь, и мы решили отпустить его в Швейцарию. Какой-то журналист писал про него в "Нью-Йорк геральд", что "Годдард не может находиться по соседству с горой и не стремиться совершить на нее восхождение".

В Швейцарии он вскарабкался на Сервен и через несколько дней возвратился к нам несколько утомившийся, преисполненный восхищения высокими горами Европы.

Большие маневры на Марне

Мы ждали Джона, чтобы приступить к спуску суденышек на воду. Выбрали для этого Марну. В течение трех дней упражнялись в разборке, сборке и переноске лодок, постигали сложную науку обращения со снаряжением, а главное — управления каяками. Это было особенно необходимо нам с Джоном.

Наконец мы могли разобрать, сложить и увязать каяк в холщовый чехол за десять минут. Научились укладывать десяток мешков на двухколесную тележку и устанавливать палатку на любом грунте. Наша нарядная зеленая палатка с двойной крышей и пологом была просторной. В трех небольших мешках хранились складные кровати, необычайно легкие — по два килограмма каждая. Они сделаны из алюминиевых трубок и обладают множеством преимуществ, за исключением простоты сборки. Первые попытки собрать их происходили под аккомпанемент звучных проклятий Джона, который злился и клялся, что лучше вернется в Калифорнию, чем каждый вечер будет заниматься монтажом подобных кроватей. Однако Жан вовремя вмешивался и заканчивал сборку. В связи с тем, что я согласился исполнять роль повара экспедиции, в мое ведение поступила походная кухня — длинный резиновый чемодан с целым арсеналом кухонной утвари.

По возвращении с Марны узнаем приятную новость: "Мессажри маритим" уведомляла, что отплытие назначено на 20 сентября.

Мы готовы тронуться в путь. Плыдем океаном в Момбасу, на восточном побережье Африки, оттуда летим в Руанца-Урунди, страну, на территории которой находятся истоки Нила ^[8].

По горам Руанда-Урунди

За несколько дней добираемся до Кампалы в Уганде, где и оставляем свой основной багаж. Воспользовавшись грузовичком бельгийского коммерсанта, отправляемся на юго-запад. Дорога огибает озеро Виктория. Целый день едем по плато Уганды. Повсюду зеленеют плантации бананов. На следующий день по покрытой рытвинами дороге поднимаемся в нагорные долины, среди которых разбросаны серебрящиеся на солнце озера, питаемые горными источниками. Навстречу попадаются караваны больших грузовых автомобилей, на которых перевозят различные продукты, производимые в нагорьях.

Достигнув перевала на высоте 2550 метров, оказываемся на водоразделе Конго — Нил, вдоль которого и будем следовать дальше почти все время вплоть до истоков Нила. Отсюда открывается чудесный вид. Наш восторг умеряет только сильный ветер, поднимающий вихри черной пыли и пригибающий к земле низкорослые деревца. Чернокожие пастухи, завернутые в широкие плащи, стерегут небольшие стада коров. На горизонте вырисовываются конусы семи вулканов. К западу от перевала все зелено, резко выделяются только темные пятна отвесных скал и глубоких ущелий. На земле видны большие куски лавы и пласты вулканического пепла.

Косые лучи заходящего солнца освещают конические вершины вулканов. Сумерки очень коротки в экваториальных областях. Ночь наступает мгновенно.

Тогда становится видно зарево Нирагонга, поднимающееся очень высоко в небо и озаряющее на большое расстояние горизонт. Это единственный действующий ныне вулкан на севере Руанды. Вулканы здесь рождаются один за другим и внезапно прекращают свою деятельность. В 1948 году, за два года до нашего приезда, местные жители с тревогой наблюдали образование нового вулкана. Потоки раскаленной лавы потекли по склонам горы и скоро достигли Киву. Вода в озере на расстоянии сорока метров от берега закипела, густое облако пара почти закрыло на несколько месяцев сияющую голубизну неба. Затем вулкан затих, и стали видны очертания кратера. Самая высокая вершина Руандского хребта — Каризимби — достигает 4500 метров. На пике ее почти все время держатся снег и лед, хотя гора и расположена на самом экваторе. Вулканы окружают озеро Киву со всех сторон. Его удобренные лавой берега покрыты пышной растительностью. Тут мы и разбиваем свой лагерь.

На заре над озером клубится легкий туман, окрашенный мягким светом первых солнечных лучей. Это поистине пейзаж в стиле Ватто [\[9\]](#). Когда солнце поднимается над горизонтом, воды Киву принимают густо-синий цвет неба. Скалы, окружающие озеро, окрашены в зеленые и красные тона. Красный цвет — это цветущие деревья "эритрит-коралл", ветки которых напоминают кораллы. На них порхают, словно опьяненные обилием света и воздуха, проворные стаи маленьких птичек в ярком оперении. Время от времени они погружают в чашечки цветов свои тонкие изогнутые клювы и пьют нектар. Затем начинают опять весело кружиться в воздухе.

Отсюда, с берегов Киву, наш путь лежит в глубь Руанда-Урунди, к точке, отстоящей на восемьсот

километров от озера. На этот раз счастье улыбается нам: удастся остановить первую же следующую на юг машину. Садимся в грузовик, доверху набитый тюками материи и мешками риса. С этой странствующей вышки хорошо видны окрестности.

Места, по которым мы до сих пор двигались, были мало заселены, иногда даже пустынные. Зато теперь перед нами небольшая горная страна — одна из наиболее густо населенных в тропической Африке.

Вся земля возделана. На самых крутых склонах видны расположенные террасами поля. Среди них разбросаны хижины земледельцев.

На полях усердно трудятся люди. Мужчины и женщины в коротких набедренных повязках копают мотыгой землю, сажают горох и бобы — основные продукты питания здешних жителей. Журавли важно наблюдают за работающими, стоя на голенастых ногах.

Сухой сезон подходит к концу, скоро пойдут обильные осенние дожди, и земледельцы спешат подготовиться к этому периоду.

Дождливый сезон начался короткими освежающими ливнями, и благодатная вода омыла покрытые великолепными цветами деревья, которые растут в ложбинах между холмами. Это остатки некогда дремучих лесов Руанда-Урунди.

По дороге тянутся вереницы местных жителей, идущих на базар, находящийся порой за несколько десятков километров от деревни. Люди несут на головах целые пирамиды завернутых в циновки предметов, калebas [\[10\]](#) и корзины. Большинство этих крестьян — негры банту.

Попадающиеся то там, то здесь хижины обнесены бамбуковой оградой. На ночь за ограду загоняют скот. Вокруг разбиты небольшие плантации бананов.

Банту живут полигамными семьями. Каждая жена имеет отдельную хижину. Несколько хижин, занимаемых одной полигамной семьей, составляют крааль. Краали отстоят довольно далеко друг от друга и связаны между собой тропами.

Трудно объяснить жителям Руанда-Урунди, которые никогда не покидали своей округи, что такое Париж. "Эти два белых господина, — говорит им врач местного управления, — прибыли с другой стороны Ньянцы [\[11\]](#), чтобы познакомиться с вами. Они приехали с большого, большого холма, который называется Парижем. А этот, — врач указывает на Джона Годдарда, — дважды пересек Ньянцу, чтобы до вас добраться. Он живет на другом большом, большом холме, который называется Лос-Анжелос".

Удовлетворенные этим объяснением, земледельцы осматривают нас с головы до ног. Они особенно интересуются бородой Джона Годдарда, рыжий цвет волос которой их чрезвычайно поражает.

Врач, знакомящий нас с местными жителями, хорошо знает страну. Просим проводить нас в деревню к пигмеям, несколько групп которых сохранилось на севере Руанды. По крутой дороге, идущей по краю обрыва, добираемся до унылой возвышенности, утонувшей в тучах и исхлестанной шквалами дождя. Пигмеев предупредили накануне. Несмотря на плохую погоду, кое-как прикрытые тряпками и вымокшие до костей, они идут нам навстречу по узким тропам в зарослях.

Их собирается человек пятьдесят — мужчин, женщин и детей; во главе их вождь — маленький, седой, морщинистый, очень подвижной старичок, с ним его супруга, тоже вся сморщенная.

Кроме набедренной повязки из выделанной коры особого дерева, благородно опоясывающей его чресла, старый вождь пигмеев надел на себя европейский жилет, вернее его жалкие остатки, которым, однако, он чрезвычайно гордится. Нам хотелось бы сфотографировать вождя без этого маскарадного костюма, но уговорить его расстаться с жилеткой — дело отнюдь не легкое. Вскоре пигмеи начинают демонстрировать танцы, словно дошедшие до нас из глубины веков. Никаких музыкальных инструментов не слышно. Гортанные крики и главным образом глухая дробь голых пяток, ритмично ударяющих о землю, — таково звуковое сопровождение.

Покинув пигмеев, отправляемся дальше, в глубь страны. Первый город Руанды на пути к истокам Нила — Кигали, расположенный почти в центре страны. Я хорошо помню большую торговую улицу этого города, вдоль которой плотными рядами тянутся лавки индийцев. Лавки представляют собой узкие и темные клетушки, загроможденные невероятным количеством мешков, банок с различными продуктами, всевозможного старья и залежавшихся кусков материи. Неуместившиеся в лавках товары сложены грудой на тротуаре, являя взорам жителей все соблазнительные вещи, выставленные восточным старьевщиком.

В Кигали имеется и бурлящий жизнью рынок, куда стекается все окрестное население. Крестьянки, окруженные своим потомством, сидя на земле, продают бобы, лук, горошек, стручковый перец, сладкие бататы, яйца, калebasы, наполненные мукой из маниоки [\[12\]](#) или земляными орехами. В центре рынка, под сенью величественных деревьев, работают ремесленники. Один из них плетет амулеты в форме браслетов из шерсти жирафы и щетины бородавочника. Сидя на циночке и ловко придерживая шерсть и щетину

пальцами ног, он руками очень искусно накручивает их на латунную проволоку. Местные красавицы с завистью смотрят на выставленные изделия ремесленника. Смогут ли они приобрести эти изумительные вещи, способные оградить от дурного глаза? Одна из них наконец решается. Она долго выбирает, затем оплачивает несколько мелких монет и быстро уносит приобретенное сокровище.

Другой ремесленник шьет сандалии из кусков старых шин. За тридцать франков можно купить великолепную пару.

Недалеко от него старик изготавливает набедренные повязки из коры. Куски коры предварительно обрабатывают, и они становятся эластичными как замша.

Группы женщин, одетых в нечто напоминающее тоги из роскошной красной материи, судачат в тени деревьев. У многих за спиной маленькие дети: они так хорошо завернуты, что видны только их лысые головенки со сверкающими глазками, с любопытством поглядывающими на толпу.

На рынке в Кигали можно встретить высоких и стройных женщин с коричневой кожей красноватого оттенка. Своими тонкими чертами лица они напоминают древних египтянок. Их пышные волосы тщательно уложены. Эти женщины драпируются в хлопчатобумажные белые и синие ткани, нередко с узором из маленьких красных звезд. Они с высоко поднятой головой медленно продвигаются сквозь суемящуюся толпу. Это ватуси.

Местный правитель и в Руанде и в Урунди называется мвами; он, как правило, чистокровный ватуси. С мвами Урунди Мамбутсой нам довелось познакомиться. Его резиденция находится на самом юге страны, в Китега. Мы отправились туда на грузовике из

Усумбуры [\[13\]](#), довольно большого торгового города, расположенного на берегу озера Танганьики. Дорога наша шла в гору. Склоны были покрыты древовидными папоротниками и молочаем, ядовитым соком которого местные охотники смазывают наконечники стрел.

Дорога запружена стадами коров с огромными рогами. По тропинкам, спускающимся со склонов гор, гуськом идут крестьяне с ношей на голове.

Наступает ночь. В свете фар видны оцетинившиеся дикообразы, перебегающие дорогу. Опасаемся, как бы не проткнуть шины об их колючки и не застрять здесь надолго. Наконец благополучно добираемся до Китеги. Останавливаемся в Европейском клубе. В зале несколько негров с азартом играют в настольный теннис. Один из игроков — довольно толстый человек в спортивном костюме. У него очень правильные, тонкие черты лица, кожа шоколадно-коричневого цвета. Это Мамбутса, местный правитель Урунди.

Около него стоит худощавый высокий человек лет пятидесяти, с узким лицом. Он — в европейском костюме, который сидит на нем как на вешалке. Уступка моде! А жаль, ведь ватуси так живописно умеют облекаться в длинные куски материи неярких цветов и выглядят в таком наряде настоящими вельможами. Узнаем, что этот человек — дядя правителя.

Закончив свою партию, Мамбутса без церемоний подсаживается к нашему столу. Стаканы пива сменяются стаканами виски, течет оживленная беседа на две интересующие обе стороны темы: о Европе, с которой Мамбутса несколько знаком, и об Урунди, где он пользуется всеобщим уважением, но не обладает

реальной властью, как как бельгийцы забрали в руки бразды правления страной. На следующий день Мамбутса заезжает за нами в клуб и везет в свой дворец. Он сам правит роскошной американской

машиной, купленной на деньги его верноподданных. Несемся на большой скорости по дороге, обсаженной эвкалиптами. Вот и благоустроенная резиденция Мамбутсы. Уже в холле посетителя поражает внушительная коллекция дротиков. В гостиной развешены многочисленные портреты членов семьи правителя. На этажерке — подарки из Европы.

Опускаемся в глубокие и мягкие кресла, наши ноги покоятся на великолепных шкурах львов и пантер. Впервые в жизни находимся на приеме у монарха, о чьем "величии" достаточно говорят два миллиона его подданных и шестьсот тысяч бельгийских франков дохода.

Рождение Нила

Проехав тысячи километров по Восточной Африке, 2 ноября 1950 года достигаем наконец Кикизи, скалистого, почти пустынного плоскогорья, высота которого не превышает двух тысяч метров над уровнем моря. С возвышенности стекает несколько тоненьких ручейков, воды в них едва хватило бы садовнику для поливки сада. Это родники Казумо, самые дальние истоки Нила. На юг, вплоть до озера Танганьики, простирается конголезский склон горы Кикизи, покрытый густыми зарослями колючих растений. К северу тянутся области, через которые отныне мы будем двигаться на наших узеньких полотняных каяках до Средиземного моря,— это все бассейн Нила площадью три миллиона квадратных километров.

Сейчас мы находимся на достопамятном месте, скромно увенчанном пирамидой из белых камней, которую два десятка лет назад своими руками воздвиг немецкий путешественник Буркардт Вальдекер. Жан Лапорт, много лег ожидавший этого торжественного

момента, едва скрывает свое волнение, жадно всматриваясь в окружающую панораму. Джон Годдард лихорадочно роется в мешке, достает кружку и... предлагает нам выпить воды рождающегося Нила. В течение долгих месяцев эта вода будет почти единственным нашим напитком.

Из родников Казумо, прямо у наших ног, вытекает тоненький ручей. Он сбегает каскадами по склону Кикизи, становится полноводным и образует реку Рувуву, что означает на местном языке "Река бегемотов". Она — главный приток Кагеры и несет свои обильные воды в озеро Виктория. На севере этого большого озера Нил появляется снова, на этот раз у Рипонского водопада.

Открытие истоков Нила принадлежит Буркардту Вальдекеру. В начале 30-х годов он задался целью изучить запутанную речную систему Руанда-Урунди и подняться к истокам Нила. Вальдекер был небогат, но упрям. В течение нескольких лет он ходил по стране, лазал по горам с мешком альпиниста за плечами, питаясь горошком, сладкими бататами и бананами, и наконец в 1938 году открыл знаменитые истоки Нила. Здесь, на крайней возвышенности Урунди, на расстоянии шести тысяч километров от Больших Пирамид он соорудил скромную горку из камней.

Родники Казумо находятся точно на 3°53' южной широты. Таким образом, они расположены примерно в четырехстах километрах к югу от экватора. От 4° южной широты до 34° северной, т. е. от родников до Дельты, Нил покрывает расстояние около шести с половиной тысяч километров. Это самая длинная река в мире.

Родники Казумо представляют лишь символическое начало нашей экспедиции. Теперь мы должны спуститься вниз по течению Нила в такое место, где бы каяки могли плыть. Мы решили отправиться в

Какитумбу, пункт на границе Руанды. Чтобы попасть туда, снова приходится пересекать Руанда-Урунди сухопутным путем.

Пост Какитумба затерялся в густых зарослях. Рядом текут бурные воды Кагеры, берега которой покрыты роскошной тропической растительностью.

Наша главная забота в Какитумбе — постараться узнать что-либо достоверное о течении Кагеры. Пока нам известно, что это опасная река, перерезанная порогами, но мы не знаем, какие они и где расположены. Однако здесь никто не может нам помочь. Сами местные жители не рискуют пускаться в плавание по Кагере, во всяком случае по этому беспокойному ее участку. Итак, нам остается только строить догадки 10 ноября разбиваем лагерь на берегу реки. 11 ноября, в час дня, когда у Триумфальной арки трубят зорю, спускаем на воду свои каяки и устремляемся навстречу неизвестности.

О том, что случилось на Кагере, читателю уже известно.

Глава III. Путь до Рувензори

Через несколько дней после наших приключений на Катере мы возвратились в Кампалу. Нас доставил туда на грузовике торговец-индиец, которого нам посчастливилось встретить. Дороги настолько плохи, что переезд вымотал нас больше, чем если бы мы несколько дней пробирались по заболоченным зарослям папируса.

Теперь нам предстоит раздобыть целую кучу разрешений, чтобы продолжить путешествие на север Уганды.

Город Энтеббе в Уганде похож на огромный роскошный зеленый парк. Всюду цветы и птицы с ярким оперением.

Я наблюдаю за двумя маленькими птичками в окно. Вот они садятся на какое-то растение с мясистыми листьями и, погрузив тоненький клюв в чашечку ослепительно желтого цветка, с наслаждением пьют нектар. При каждом глотке птички вздрагивают всем тельцем.

Из помещения санитарной службы, в котором мы находимся, открывается вид на озеро Виктория. Его темно-синие воды усеяны скалами и зелеными островами.

В то время как мы с Жаном из окна любимся неопишуемой красотой уголка, затерянного в сердце Африки, главный врач толкует Джону о смертельных опасностях, которым мы подвергаем себя в этой стране, где ад соседствует с раем. Его английская речь обильно пересыпана специальными терминами, поэтому слушать его довольно трудно. К чему все эти разговоры

ведь мы твердо решили не отступить и продолжать путешествие?!

Буйвол в саваннах предгорий

Рувензори

Только кончает речь главный врач, как начинает инспектор охоты, упитанный рыжеволосый коротышка с красным лицом, в шортах и военной гимнастерке. В его ведении находится заповедник диких зверей Уганды.

Этот человек сообщает нам ошеломляющие сведения о нравах крокодилов и бегемотов, которые водятся в реках. Он рассказывает, что водолазы, работающие на строительстве основания большой плотины на водопаде Оуена на Ниле (в сотне километров от Кампалы), никогда не погружаются в воду, не разогнав предварительно крокодилов при помощи динамита. "И тем не менее, — добавляет он, — там все время происходят несчастные случаи — крокодилы нападают на людей. Я не говорю уже о слонах". Развернутые перед нами новейшие карты пестрят указаниями: ненаселенное место, неисследованный район, несудоходная река. Но это только подзадоривает нас. И вот наконец после вполне понятных проволочек разрешение получено. Однако нам запрещен проезд по двум участкам реки, признанным непроходимыми, — это область водопада Рипон, которая на протяжении шестидесяти километров вся перерезана порогами и водопадами и, кроме того, кишит мухами цеце, и район Сомерсет, в двухстах километрах на северо-запад, превращенный в

заповедник для диких зверей, покой которых нам запрещено нарушать.

Уладив вопросы относительно маршрута, принимаемся за восстановление нашего снаряжения, пострадавшего на порогах Кагеры.

В отношении разбитого каяка выход один — просить конструктора Жана Шово в Париже выслать недостающие части лодки самолетом в Джубу, близ Суданской границы. Чтобы добраться от Кампалы до Джубы, мы рассчитываем вместо разбитого и вышедшего из строя каяка достать местную лодку.

Ремонт камеры занимается Джон. Оправившись от волнений и полный энтузиазма, он устремляется в Найроби (полторы тысячи километров туда и обратно) и там отдает ее в починку.

Тем временем мы с Жаном решаем подняться на гору Рувензори, которая находится в трехстах километрах на запад от Кампалы. Это один из самых отдаленных источников питания Нила.

Садимся в автобус, который еле-еле ползет, точно находится при последнем издыхании. Кузов до отказа набит пассажирами и их многочисленным багажом. Тот, кому не достается места внутри, забирается на крышу. Я сижу рядом с толстухой, ухитрившейся засунуть под свое и мое сидение корзину с живностью — при каждом толчке птицы пронзительно кричат. Водитель не торопится, словно времени у него хоть отбавляй! Кроме остановок по требованию, примерно через каждые полчаса шофер тормозит и его помощник отправляется со старым бидоном на поиски драгоценной влаги. В начале пути все идет отлично. Мы едем мимо болот, и достать воду нетрудно. На плоскогорье же дело обстоит хуже, и у нас с Жаном складывается мнение, что оставшиеся километры лучше пройти пешком.

Путешествие заняло более двадцати четырех часов. Таким образом, мы имели возможность вдоволь

налюбоваться чудесным пейзажем, зеленью банановых рощ в долине, лесами и обширными плантациями чая.

Наши злоключения заканчиваются в Форт-Портале, у подножия Рувензори. Из-за недостатка времени не можем предпринять серьезную экспедицию, и наше "карабканье" даже не заслуживает названия восхождения. Все же мы смогли поближе познакомиться с племенем баканжо и взглянуть на редчайшую растительность. Выбираем для своего похода гору Карангору, высота которой немного более трех тысяч метров.

Нам попадаются крохотные поля. Каждое из них окружено оградой в два метра высотой. Очевидно, она охраняет посевы от диких зверей. Чтобы перейти с одного поля на другое, приходится перелезть через ограду, так как калиток нет. В этом есть определенное своеобразие.

Баканжо работают на своих полях. Наступило время жатвы. Они одеты в звериные шкуры: холод дает себя знать.

Местные жители возделывают рожь и рис, который сеют в сырых долинах. Правда, техника обработки у них еще очень примитивна. Земледельцы, которых мы встречаем, жнут вручную небольшими железными ножами. Затем вяжут маленькие снопы, насаживают их на палки и несут в хижины. Как видно, до комбайнов еще далеко. В деревне против каждой хижины на веревках сушатся снопы ржи.

Газель в саваннах Кении

По дороге навстречу нам идут женщины баканжо. За спиной у них тяжелые ноши. Груз поддерживают не наплечные ремни, как принято на равнинах, а ремни, которые обернуты вокруг головы. Под тяжестью груза женщины сгибаются так, что их головы находятся на расстоянии полуметра от земли.

Молодые щеголихи надевают на шею, запястья и щиколотки кольца из меди или латуни весом в несколько килограммов. Чем богаче супруг, тем больше у его жены этих громоздких драгоценностей.

Выше 2300 метров склоны горы становятся круче и поля исчезают. Вскоре мы оказываемся среди дремучих бамбуковых зарослей. Это любимое место пребывания горилл: леса почти непроходимы и дают обезьянам обильный и вкусный корм — бамбуковые ростки. Нам нечего опасаться неприятных встреч, так как гориллы — животные необщительные и пугливые — не любят приближаться к дорогам. У края тропинки, по которой мы поднимаемся, цепляясь за ветви деревьев, много священных строений баканжо. Они сооружены из сучьев. В них лежат дары для Духов лесов и гор: цветы, колосья ржи и бананы. Это отличные кладовые для грызунов и птиц, однако баканжо уверяют, что не животные поедают приношения, а духи, принявшие обличие животных. Таким образом, все довольны.

На уровне примерно трех тысяч метров местность становится более пустынной. Здесь дуют холодные ветры. Один из наших молодых проводников не захватил с собой звериную шкуру. Он сильно зябнет. Я даю ему свой плащ. Плотные тучи окутывают горы. Вскоре начинается дождь, и мы промокаем до костей. Но вот сквозь тучи робко проглядывает солнце, и нашему взору открывается поразительный пейзаж. Тут и там растут гигантские лобелии. Эти растения, часто достигающие двух-, трехметровой высоты, похожи на толстые кактусы. Листья их ярко-зеленого цвета, над

ними поднимается стебель с сиреневыми цветами, напоминающими тюльпаны. У другого вида лобелий стебель покрыт длинными ворсинками, окрашенными в ярко-синий цвет. Мы исчезаем с головой в зарослях растений, похожих на гигантские артишоки, но с распустившимися листьями. Это — ценесии. С восхищением бредем по полям, сплошь усеянным яркими желтыми бессмертниками. Карабкаемся по все более крутым склонам и наконец вступаем в лес древовидных папоротников, покрытых лишайниками и мхами, напоминающими спутанные мотки ниток. В обволакивающем вершину густом тумане папоротники можно принять за привидения.

Один из отцов миссии в Форт-Портале, сведущий в ботанике, объяснил нам, что эта растительность — реликт очень отдаленных геологических эпох. В результате колебаний земной коры образовались Рувензори и другие горы Восточной Африки (в том числе Кения и Килиманджаро), высота которых пять-шесть тысяч метров. Эти обширные горные области оказались изолированными, и в результате здесь сохранились древние растения. Лобелии, ценесии и древовидные папоротники, также как и знаменитая рыба целакантус, которая еще встречается в Индийском океане, — настоящие живые ископаемые. Растения, встречающиеся на Рувензори, не удалось акклиматизировать ни в одном ботаническом саду мира, чего нельзя сказать о растениях других горных областей, например Гималаев.

Нам, к сожалению, не удалось с вершины Карангоры увидеть гору Стэнли (5125 метров). Эта самая большая гора кряжа Рувензори и одна из самых высоких вершин в Африке почти всегда закрыта тучами. Поэтому многие европейские экспедиции прошли рядом с горой, не заметив ее и даже не подозревая о ее существовании. Первым увидел здесь скалистые отроги и ледники

Стэнли, который в 1888 году этим путем возвращался из Конго. Нам повезло меньше, и мы должны были довольствоваться только созерцанием склонов горы, покрытых густыми джунглями. На западных склонах кряжа берет начало довольно крупная река Семлики.

Она впадает в озеро Альберт, которое служит водохранилищем для Нила, сильно мелеющего на пути через болота Кьога. Таким образом, Рувензори — один из самых значительных источников снабжения водой великой реки. Возможно, что Рувензори — это именно те легендарные Лунные горы в центре Африки, с которых, как утверждали в древности, вытекает Нил.

Озеро Виктория и водопад Рилон

Второго декабря Джон возвратился из Найроби с исправленной камерой. Прощаемся с Кампалой и вдоль поросших буйной растительностью берегов озера Виктория отправляемся к водопаду Рипон. Отсюда берет начало новый Нил — Белый, который течет до Хартума. Та часть Белого Нила, которая находится между озером Виктория и озером Кьога, называется Нилом Виктория. Дальше, от озера Кьога, течет Нил Сомерсет, от озера Альберт — Бахр-эль-Гебель, или Река гор.

Озеро Виктория, которое местные жители называют Ньянца, — одно из самых больших в мире; его территория в два раза больше площади Бельгии. Оно неглубокое, не более восьмидесяти метров, однако здесь часто совершенно внезапно разыгрываются бури. Местные жители уверяют, что подъем и понижение уровня воды в озере Виктория связаны с тем, что каждое утро в озеро погружается множество бегемотов, а вечером они выходят из воды пастись на берегах.

Озеро Виктория было открыто Спиком сто лет назад. Джон Спик принадлежал к числу самых выдающихся путешественников прошлого века. Заядлый охотник на хищных зверей, первооткрыватель новых земель, коллекционер редкостных растений, минералов, руд и животных, Спик родился в 1827 году в Англии в графстве Сомерсет (отсюда название Сомерсет, данное им отрезку Нила выше озера Альберт). Первое путешествие он совершил по Тибету и Гималаям. Затем вместе с другим знаменитым исследователем XIX века Бертоном отправился в Сомали. С ним же он путешествовал по Центральной Африке, где и открыл в 1858 году знаменитое озеро Ньясу.

Во время одного из последующих странствий по Африке Спик обнаружил водопад Рипон, названный им так в честь военного министра Англии. Именно тогда он и высказал гипотезу, что здесь находятся истоки Нила.

В то время еще не знали, откуда Нил берет свое начало. Всем путешествующим по Африке с севера, через Египет и Судан, путь преграждали обширные болота — Сэдды, расположенные в центре Судана. Спик же пошел с юга. Открыв обширный речной бассейн в двух тысячах километров от Нила, Спик, опираясь на географические и климатологические данные, сделал вывод, что воды, вытекающие из озера Виктория, и есть верховья Нила. Поистине для подобного заключения необходимо было обладать исключительной интуицией.

Возвратившись в Лондон, Спик объявил о своем открытии. Но ему не поверили. Спесивые господа из Географического общества в Лондоне высмеяли его и обвинили в мошенничестве. Рассказывали, что Спик был настолько угнетен всеобщим непониманием, что покончил с собой на охоте. В 1864 году (год смерти Спика) другой отважный путешественник, великан Самуэль Бекер, открыл озеро Альберт и недостающие

отрезки верховьев Нила и тем самым подтвердил гениальное прозрение Спика.

И вот мы у водопада Рипон. Долго смотрим, как воды из озера Виктория с грозным ревом низвергаются с высоты нескольких метров. Видим в прозрачной воде нильских усачей, которые пытаются преодолеть водопад. Сильно ударяя хвостом по воде, они подпрыгивают, почти достигают гребня, затем снова падают в воду. Какая таинственная сила гонит их? Некоторые усачи, выскочив из воды, падают на скалы, где сразу же становятся добычей крокодилов и бакланов.

Бакланы — птицы с блестящим черным оперением, длинной змеевидной шеей и тонким, острым, как шпага, клювом. Плавают они очень быстро. Птицы то и дело ныряют за рыбой. Они настигают свою добычу, глубоко под водой пронзают ее клювом и тут же с жадностью пожирают. Насытившись, птицы садятся на скалу или дерево и распускают крылья, чтобы они просохли.

Глава IV. День и ночь сквозь болота озера Кьога

Занимаем места в поезде узкоколейной железной дороги, петляющей в зарослях Верхней Уганды. Мешками со снаряжением и тремя каяками в чехлах загромождаем не только все лавки в вагоне, но и обе его площадки. Но это нас не особенно беспокоит, так как других пассажиров нет.

Мы в приподнятом настроении, распеваем песни. Сегодня утром начался новый этап нашего путешествия. С гнетущей атмосферой города и учреждений покончено. Мы свободны. Может быть, уже завтра снова спустим свои лодки на воду и поплывем на север. Наше хорошее настроение омрачает только одна мысль: удастся ли раздобыть пирогу взамен моего выведенного из строя каяка? Однако особенно не задерживаем на ней внимание. Самое главное, что мы опять в пути, движемся вперед, а остальное как-нибудь уладится. Узкоколейка проходит по местности, покрытой зарослями и высокими травами. Деревень не видно.

Поезд останавливается у Намасагали — скромной речной пристани в конце порогов Нила Виктория. Хорошо бы на плоскодонке пересечь озеро Кьога по направлению к озеру Альберт, где, как говорят, настоящий рай для любителей ловить крупную рыбу.

В поселке, расположенном рядом с пристанью, живет всего один европеец — "комендант", начальник судоходства озера Кьога. По месту и почет: отправляемся к нему с визитом вежливости. Комендант — английский отставной моряк самого что ни на есть классического образца: флегматичный и молчаливый,

с багровым от морского ветра и джина лицом; в зубах — прокопченная трубка.

Джон, с его умением быстро сходиться с людьми, в два счета договаривается со стариком. Нам разрешено разместиться на старом колесном пароходе, мирно доживающем свои дни у пустынного причала. Этот приют обладает неоценимым преимуществом — его можно более или менее изолировать от комаров. Здесь, во владениях этого самого беспощадного живого существа мироздания, европейцы вынуждены все время ограждать себя от него всевозможными сетками и пологами. Стараемся, в меру возможностей, следовать их примеру.

У местных жителей нет пологов и эссенций, изготавливаемых в Европе, и они защищаются от комаров другими средствами: мажут тело древесной золой, глиной или коровьим пометом.

Поиски пироги

Устроившись в своем плавучем доме, принимаемся за дело. Джон отправляется на поиски пироги, Жан проверяет снаряжение, а мне предстоит позаботиться о провизии на дорогу и заняться стряпней. Товарищи одобрили первые мои шаги на этом поприще. Таким образом, за мной утвердилась должность повара экспедиции. Скажу сразу, что кормить Джона и Жана — дело нехитрое. Жан ест все, что ему подают, лишь бы пища была погуще. А приготовление такой пищи всегда считалось азбукой кулинарного искусства. С Джоном дело обстоит чуть сложнее. Джон — малоешка. Он не выносит густое варево и в таких случаях молча воздерживается от еды. Я знаю его слабость — ему нужно молоко. Оно остается его любимым напитком и на Ниле. Сытно и полезно. У меня есть банки с сухим

молоком. Развожу порошок в нильской воде и регулярно выдаю Джону его молочный паек. С питьевой водой вначале не обошлось без осложнений. Разумеется, у нас есть фильтры, но они так медленно очищают воду, что мы не можем ими пользоваться и вынуждены пить ее прямо из Нила.

Возможности пополнить наши продовольственные запасы в Намасагали оказались весьма ограниченными: всюду одни апельсины — полные корзины апельсинов, по двадцать су за один килограмм! Здесь очень мало бананов, зеленых овощей. Яйца и цыплята, которые обычно везде можно купить в тропической Африке, считаются редкостью. Я все же не слишком озабочен, так как уверен, что у рыбаков всегда найдется рыба.

После долгих и утомительных поисков, истощивших терпение Джона, он наконец нашел местного жителя, который как будто согласился сопровождать нас в пироге через озеро. Однако нам пришлось потратить уйму красноречия, чтобы убедить его отправиться с нами. Гума — так зовут этого старого рыбака — раздумывает три дня; он уходит, возвращается, снова исчезает, посылает парламентаров, играет с Джоном в прятки. Мы с трудом сдерживаем нетерпение, но бессильны что-либо сделать. Но вот Гума пригоняет свою пирогу. С ним чернокожий старик на трясущихся ногах, которому отводится роль гребца.

В пути

Мы решаем тотчас же отправиться в путь. Час не очень благоприятный — уже далеко за полдень, но мы боимся, как бы наши лодочники не передумали. Все жители Намасагали собираются на берегу, чтобы поглядеть на нас. С усмешкой следят они за тем, как мы грузим на пирогу поврежденный каяк и с

большой осторожностью спускаем на воду две другие лодки. "Уж очень маленькие суденышки для такой большой реки", — вероятно, думают про себя зрители. Но вот Жан и Джон устремляются вперед, лихо орудуя веслами; такая демонстрация быстрходности каяков как будто располагает публику в нашу пользу. Я нахожусь куда в менее выигрышном положении: мне судном служит слегка обтесанный ствол дерева,двигающийся со смехотворной скоростью трех километров в час. Сгораю от стыда и смущения, наконец с облегчением вижу, что Намасагали постепенно скрывается из виду. Другьям понятно мое состояние, и они великодушно предлагают меняться местами.

Пирога имеет около шести метров в длину. Укрепленный на носу шест служит мачтой. На ней висят два куска материи, которые должны выполнять роль парусов. Гума уселся на корме. Он явно не собирается грести. Зато его товарищ усердно трудится, и я помогаю ему изо всех сил. Оба приятеля болтливы как сороки. По-видимому, они перемывают косточки трем странным личностям, которых им приходится сопровождать. Всякий раз, когда нам попадается встречная пирога, Гума считает своим долгом рассказать находящимся в ней людям о своем невероятном приключении. Чтобы его лучше слышали, он кричит во все горло и вконец каждой фразы повторяет несколько слов, которые, вероятно, должны означать: "Вам понятно?". Мы, к сожалению, ничего не понимаем, так как разговор ведется на местном языке.

Уганда — небольшая страна: ее площадь равняется половине территории Франции, население насчитывает всего четыре миллиона. В стране распространен язык суахили. Им широко пользуются на всем африканском востоке. Кое-какие элементарные выражения на нем мы усвоили:

Здравствуйте. Что нового? Все хорошо. У тебя много рыбы? Есть немного. До свидания.

Мы стараемся говорить на этом языке, но пока не очень успешно справляемся с делом. Река становится все шире.

На следующий день мы с трудом различаем противоположный берег — едва заметна полоска на горизонте. Берега плоские, заросшие папирусом и тростником.

Вокруг нас разлит подлинный океан зелени — озеро Кьога. Его болотистые протоки, напоминающие лучи морской звезды, тянутся на сотни километров. Это первая обширная зона разлива Нила. Здесь беспощадное солнце вызывает сильное испарение. Нил теряет большую часть воды и мелеет.

Мы плывем по широкой водной глади, сплошь устланной золотыми и фиолетовыми водяными лилиями, огромными белыми кувшинками, мхами, водяной чечевицей и плавучим растением с мясистыми листьями, которое напоминает кочанную капусту, — англичане так и прозвали его водяной капустой.

Озеро Кьога — рай для птиц. Прожорливые бакланы, черные как вороны, без усталости ловят рыбу. Пеликаны с огромными зобами, глазами, прикрытыми пленкой, и оперением грязно-желтого цвета держатся большими стаями. У них неопишимо меланхолический и важный вид. Встревоженные появлением лодок, они разевают гигантские клювы, словно собираются проглотить нас. Затем тяжело поднимаются в воздух, отлетают в сторону и снова опускаются на воду.

В зарослях папирусов много серых цапель; еще издали слышатся их неприятные крики. Там же гнездятся белые хохлатые цапли, традиционные спутники бегемотов и слонов, из кожи которых птицы выклевают клещей и других паразитов. Необычайно красивы зимородки. Вот один с очень светлым,

серебристо-серым оперением ловит рыбу. Задорно распушив хохолок и направив клювик вертикально вниз, он парит в воздухе на высоте десяти метров над водой, высматривая добычу. Вдруг крохотная птичка камнем падает вниз, глухой всплеск, и она исчезает под водой в погоне за рыбкой. А там на тонком стебельке тростника сидит другой зимородок. Это, пожалуй, самая изящная и красиво расцвеченная птичка. У нее алый клюв, оранжевое тельце и ярко-красные лапки. В этом птичьем раю встречается и белоголовая якан, крохотная голенастая птичка, с оперением красивого рыжего цвета, острым клювом и поразительно длинными ноготками на паучьих лапках. Парражассаны проводят большую часть дня на воде, проворно бегая по листьям водяных растений в поисках мелких насекомых. Часто можно видеть, как они выклевают клещей из спины бегемота.

Мы часто проплываем мимо островков, медленно движущихся по течению. Это оторвавшиеся от берега полусгнившие массы папируса, на который нагромоздились водоросли и сучья деревьев. Постепенно эти островки соединяются, цепляются за берега и в конце концов преграждают течение. Затем ветер и зыбь разъединяют их вновь. Таким образом, облик озера то и дело меняется, что сильно затрудняет плавание. К счастью, у нас есть ориентир — возвышенности, расположенные несколько западнее Масинди-Порта — крохотного речного поста на берегу озера Кьога, в четырех днях езды на лодке от Намасагали.

Нас преследуют бегемоты

Наступает ночь, ясная, наполненная таинственными шорохами, поскрипыванием, звоном колокольчиков.

Легкий ветерок тихо шелестит папирусами. Мягко плещет вода. Какое-то животное шумно ныряет. Из воды выпрыгивают рыбы, некоторые даже ухитряются попасть в наши лодки.

Потревоженные нами пташки, шурша крылышками, стайками вылетают из прибрежных кустов.

К своеобразной красоте этой ночи нельзя остаться равнодушным. Однако нам нужен ночлег, а на болотистых берегах озера Кьога трудно найти подходящее место. Гребем наугад в темноте, продвигаясь вдоль непроницаемой стены папирусов. Это тем более неприятно, что вокруг полно бегемотов.

Днем сравнительно легко избежать встречи с этими животными. Озеро большое, и места хватает для всех. Ночью картина меняется. Нам начинает казаться, что вода буквально кишит бегемотами, которым к тому же как будто нравится нас преследовать. На протяжении нескольких километров они настойчиво плывут у нас за спиной, ныряют, шумно отфыркиваются, сопят и хрюкают, появляясь то справа, то слева от лодок. Невольно начинаем строить предположения: не зайдет ли любопытство этих тучных животных так далеко, что им захочется попробовать, каков вкус у наших каяков, или они решат поиграть в водное поло с их пассажирами? Каждую минуту рискуем быть опрокинутыми в кромешную тьму, полную бегемотов, практически без малейших шансов выбраться на сушу. Такая перспектива кому угодно испортит настроение! Но вот вдали мелькнул слабый огонек. Это рыбачий стан, там мы сможем провести ночь. Окрыленные надеждой, мы гребем с удвоенной энергией, не думая больше о наших друзьях-бегемотах. Нет ничего обманчивее, чем ночные огоньки: кажется, что они совсем близко, а на самом деле до них еще не один километр.

Огоньки то появляются, то исчезают. Гребем час, два. Начинает казаться, что мы не двигаемся с места. Наконец слабый свет стал виден яснее. Окликаю Джона, который находится справа от меня на борту громоздкой пироги. Мне отвечает хрюканье. Это бегемот. Я прислушиваюсь, хрюканье раздается и ближе, и дальше, со всех сторон. Очевидно, тут большое стадо. Надо побыстрее отплыть, но не знаю, в каком направлении грести. Такая темнота — хоть глаз выколи! Вдруг грозное, леденящее кровь хрюканье раздается совсем рядом. Всплеск, брызги. Мой каяк сильно раскачивается — несомненно, это бегемот. Позади себя я слышу его шумное дыхание. Сердце колотится так, точно хочет выскочить из груди, лоб в испарине. Как бы часто ни случалось находиться среди этих толстокожих животных, ночью они невольно внушают страх: каждую минуту ждешь нападения. Я тщетно таращу глаза, силясь разглядеть что-нибудь в темноте. Чувствую, что могу дотянуться до животных веслом, и легко представляю, как их гигантские челюсти раскусывают мою хрупкую лодочку. Гребу, изо всех сил и направляю лодку вперед подобно всаднику, очертя голову бросающемуся в атаку. Потом сворачиваю в сторону, где, как мне кажется, находится берег. Бегемотов уже не слышно. Они исчезли как по волшебству. Подплываю к берегу, который наконец нахожу. Однако здесь за папирусами я не вижу спасительного огонька. Продолжаю держаться папирусов, словно в них мое спасение. Но чу! До меня доносится успокоительный плеск весла, погружаемого в воду. Смутно различаю темные силуэты каяка и гребца. Облегченно вздыхаю: теперь я уже не один. Ошибки не может быть — это Жан.

А где пирога с ее пассажирами? Пироги нет. Мы зовем.

Джон отвечает: "Мы здесь, друзья!". Его голос доносится откуда-то издали. Кричим,

чтобы помочь ему направить пирогу в нашу сторону.

— О-го... о-го-го!

Это Гума. Он хочет установить связь с рыбаками.. Но ответом ему служит молчание. Уныло продолжаем плыть, придерживаясь берега.

— Наконец-то, — восклицает Жан. — Кажется, нашел!

Мы подплываем к нему. Стена папирусов расступилась, открыв узкий кривой проход. Не хватает только нам заблудиться в этом лабиринте! Однако надо же что-то предпринимать! Продвигаемся вперед. Вот появляется огонек, за ним другой, третий. Мы как-будто у цели — перед нами стоянка рыбаков. В воздухе запах гниющей рыбы.

— О-го ... о-го-го!

Снова кричит Гума. На этот раз рыбаки отзываются. Проход в папирусах становится шире. В крохотной бухточке пришвартованы пироги. Мы сходим на берег. Чертовски приятно почувствовать под ногой твердую землю!

У рыбаков бакеди

Местные жители принимают нас приветливо. То, что мы возникли, как призраки из ночного мрака, не слишком их смущает. В дальнейшем нам довелось бывать без провожатых, и без оружия в самых глухих уголках Африки, ночевать у совершенно незнакомых людей, но ни разу с нами не случилось ни малейшей неприятности. Рыбаки озера Кьога принадлежат к народности бакеди, насчитывающей несколько тысяч

человек. Живут они среди болот в условиях чрезвычайно суровых. Тем не менее это очень добродушные и приветливые люди. Все присутствующие спешат пожать нам руки в знак приветствия. Нас это удивляет и трогает.

Ставим свои каяки рядом с пирогами, выгружаем кухонный ящик, палатку-полог и индивидуальные мешки. Жан уже успел наполнить бурдюк озерной водой, которая пойдет на приготовление ужина.

Выбираем место для лагеря возле самого большого костра. Рядом горит еще несколько костров, около которых хлопочут рыбаки. Вокруг расставлены сплетенные из веток решетки метровой высоты. К ним подвешивают рыбу для копчения, и мужчины должны всю ночь поддерживать огонь в кострах. Невдалеке лежит груда рыбы, ожидающей своей очереди. Одни рыбы еще трепещут, другие уже начали портиться, и по ним бегают мухи. Отбросы гниют тут же. О санитарии никто не заботится. Однако нам не приходится быть прихотливыми.

Устанавливаем палатку и принимаемся распаковывать багаж, чем вызываем всеобщее любопытство.

Рыбаки следят за нами молча, почти благоговейно, словно мы колдуны, выполняющие магические ритуалы. Изредка кто-нибудь указывает пальцем на особенно поразившую его вещь.

Наши два примуса, которые я разжег для приготовления ужина, со свистом извергающие пламя, особенно заинтересовали хозяев.

Общество этих людей доставляет нам подлинное удовольствие. Хотя мы и говорим на разных языках, но, кажется, отлично понимаем друг друга.

К сожалению, мы не в состоянии побыть подольше с нашими друзьями-рыбаками.

Комары нападают сомкнутым строем, и мы вынуждены наспех доварить ужин и укрыться в палатке вместе с котелками, полными риса и рыбы. Усевшись на походные кровати, при свете электрического фонарика заканчиваем дневные записи и стараемся уточнить свое местоположение по карте. Затем забираемся в спальные мешки, однако отнюдь не обретаем в них вожделенного покоя: комары преследуют нас и тут. Далеко за полночь, несмотря на усталость, мы все еще бодрствуем, гоняем комаров, чертыхаясь и бранясь вовсю. Они могут прямо с ума свести!

На следующий день мы проснулись, когда солнце уже стояло высоко в небе. Рыбачий поселок опустел — рыбаки отправились на ловлю. Осталось дома только несколько стариков и подростков, занятых копчением рыбы.

При помощи мимики благодарим старейшин за гостеприимство и готовимся к отплытию. Подростки подхватывают наши мешки, очень гордые тем, что могут оказать эту услугу. Все провожают нас до бухточки.

Из того, что они у нас видели, пожалуй, более всего поражают их грациозные белые лодки, которые очень выгодно отличаются от грузных пироги, выдолбленных из древесных стволов.

"Ваши каяки — чудо", — повторяют они с глубокой убежденностью, и искренность их похвал доставляет нам удовольствие.

Мы показываем им весла из алюминия. Они не могут прийти в себя от изумления, поднимают руки кверху, и их лица освещает широкая улыбка. Им еще не доводилось видеть ничего подобного. Один из них исчезает и через несколько минут возвращается со своими сбережениями, завернутыми в грязную тряпку. Он протягивает нам пять шиллингов (250 франков),

показывая, что хочет купить каяк. Он очень удивлен нашим отказом, потому что пять шиллингов для него целое состояние, и с завистью смотрит на маленькую лодку. Пытаемся ему объяснить, как можно соорудить подобную лодку из шкур диких животных, но он нас не понимает.

И вот мы снова плывем по озеру.

Нам попадается навстречу несколько очень красивых пирог. Они сделаны из досок, скрепленных лианами, ипрошпаклеваны местным каучуком. Борта у них приподняты и расписаны геометрическим трехцветным узором — белым, зеленым и охрой. Заостренный нос украшен рогами антилопы.

В каждой пироге не менее дюжины негров гребут в быстром темпе под аккомпанемент песни с четким ритмом, которая разносится далеко по водной глади озера. Мы еще долго слышим ее. Затем снова воцаряется тяжелое безмолвие болот, нарушаемое лишь плеском воды под нашими веслами да криками птиц. Посередине озера не слышно даже хрюканья бегемотов.

Вызываю на соревнование гребцов одной из больших пирог, проплывающих мимо нас. Мое предложение подзадоривает рыбаков. Начинаются гонки. Гребцы наращивают темп. Их голые торсы, блестящие на солнце, сгибаются и выпрямляются быстро и ритмично. Двенадцать плоских маленьких деревянных весел одновременно опускаются в воду. Гребцы прекратили песни, слышно только их мощное, дружное, идущее из глубины груди "хо", которым они отбивают такт. Смотреть на них — сущее удовольствие. Состязаюсь с ними изо всех сил, но понемногу начинаю отставать и вынужден признать себя побежденным. Это вызывает у них взрыв неподдельной радости. Свою победу они отмечают ликующими возгласами. Затем что-то мне кричат. Нетрудно догадаться, что им нужно.

Они просят табаку, показывая жестами, что хотят курить. Большая пирога подплывает к маленькому каяку, раздаю им папиросы, а Джон снимает всю эту сцену.

Табак является для нас отличной разменной монетой. Мы сделали изрядный запас в Кампале. Это очень дешевый сорт, настоящий горлодер, но именно это и нравится рыбакам.

Ночь застаёт нас среди болот. Вот уже три дня мы плывем по бескрайним болотам. Очевидно, мы покрыли за это время не менее семидесяти пяти километров. Продвигаемся медленно. Течение очень слабое, ветер же сильный, причем он нам чаще мешает, чем помогает. Пирога с ее примитивными навигационными данными задерживает каяки. Все попытки Гумы поставить жалкое подобие паруса ни к чему не приводят. Пирога продолжает идти черепашьим ходом. Жан высчитал, что при таких темпах нам придется полтора года плыть до Александрии. Надеемся получить запасные части из Парижа и спустить на воду третий каяк на границе с Суданом. Сейчас у нас такое впечатление, будто мы топчемся на месте. Повсюду, куда ни кинешь взор — папирусы и тростники, которым нет ни конца, ни края. Рыбаки в пирогах встречаются реже, бегемоты почти совсем исчезли, и это придает пейзажу еще большее однообразие. Только птицы, которых по-прежнему много, оживляют пустынность болот.

День клонился к вечеру, когда мы подошли к единственному попавшемуся нам на пути рыбацкому стану, расположенному среди зарослей папируса, которые почти скрывают его от взоров. Человек десять рыбаков разбили здесь временный лагерь. Нам очень хочется переночевать вместе с ними, но установить палатку на такой зыбкой почве практически невозможно. А без палатки лучше попросту остаться на

воде. На открытой воде чем дальше от берега, тем меньше комаров.

Рыбаки нам объяснили жестами, что в двух часах хода от них мы найдем место для ночевки на твердой земле: до наступления темноты мы сможем туда добраться.

Начинаем энергично грести и через некоторое время входим в большую бухту. На берегу вьется дымок: там рыбацья стоянка. Исследуем стену папирусов, однако безуспешно: обнаружить проход, ведущий к твердой земле, не удастся. Минут десять подряд мы кричим во всю мочь. Все напрасно. Напуганные рыбаки хранят молчание. Разочарованные, трогаемся дальше со слабой надеждой отыскать все-таки что-либо подходящее. Наступила ночь, а мы все еще на воде ... Нигде ни огонька ...

Измучившись, решаем остановиться и отдохнуть. Бегемоты окончательно исчезли из этих мест, и мы можем не остерегаться их опасного любопытства.

Привязываем каяки и пирогу Гумы к стеблям папирусов, отличающимся большой прочностью. Надеваем фуфайки и укутываемся в плащи, так как испарения, поднимающиеся от болот, не очень-то согревают. Скрючившись на дне своих лодочек, пытаемся задремать.

Свет зари встречаем с облегчением. Ноги и руки свело от неудобного положения, а суставы пальцев, натруженные веслами, сильно болят. С трудом разгибаем покрытые мозолями руки. Хорошо бы принять холодный душ, но единственное, что мы можем сделать — это облить тело теплой водой из Нила.

С удовольствием отмечаем, что папирусов становится меньше. Берега озера Кьога сближаются, оно снова переходит в реку. Конец гнетущей бесконечности болот. Теперь на горизонте появились возвышенности, твердая земля, скалы. К такому берегу

можно пристать. Мы снова видим деревья — величественные и гостеприимные. По их вершинам расселись молотоглавы с белоснежной грудью и, вытянув шеи, смотрят, как мы проплываем мимо. Они приветствуют нас пронзительными криками, эхом раскатывающимися в глубокой тишине пустынных дебрей. До сих пор у меня в ушах стоит этот раздирающий душу крик, наводящий ужас на всех мелких зверушек.

Встречаем местных жителей, плывущих в странных плоскодонных лодочках. В каждой сидит не более двух человек. Один на носу гребет, присев на колени. Местные жители не боятся пускаться на этих плоскодонках в далекие путешествия. Видим, как сильный ветер подбрасывает их на волнах, по которым даже в наших каяках трудно продвигаться.

За время, проведенное на озере Кьога, мы так сильно загорели, что стали похожи на аборигенов. Днем ходим раздетыми почти донага: нам в сущности нужны только широкополые шляпы и темные очки. В полдень мы защищаем плечи и грудь, накидывая на них рубашку или майку, и мажем себе нос и губы кремом, чтобы избежать солнечных ожогов. Однако, несмотря на это, кожа у нас на носу лупится, губы раздулись и потрескались, лица стали кирпично-красными. В общем, у нас сейчас вид настоящих путешественников.

Через час лакомимся апельсинами. В Намасагали, где они очень дешевы, мы сделали большой запас и благодарим за это небо.

Долгие часы, проведенные на этом огромном озере, конечно, однообразны и утомительны.

Когда, наконец, вновь обозначились берега Нила и появились утесы, возвратилось и эхо, которое позволяет нам вести самим с собой бесконечные диалоги.

Глава V. Наши повседневные спутники слоны, бегемоты и крокодилы

Мы потратили пять дней на то, чтобы пересечь озеро Кьога.

Теперь перед нами дикий и ненаселенный край — область водопада Мерчисон. К сожалению, мы не можем попасть туда по Нилу Сомерсет, так как власти территории объявили этот район заповедником, куда въезд запрещен. Нам приходится немного отклониться на запад и пройти через озеро Альберт. Останавливаемся в Масинди-Порт, где без труда находим транспорт, идущий в направлении озера Альберт. Сто километров по каменистому и покрытому сухим кустарником нагорью Масинди проезжаем без остановок. В этой местности еще сохранилось несколько обширных лесных массивов. Внезапно дорога выходит к огромной впадине с отвесными краями, глубиной в несколько сот метров. Ее противоположный берег смутно виднеется в дымке жаркого дня. До него примерно километров шестьдесят. Там уже граница между Угандой и Конго.

На дне впадины простирается сверкающая гладь озера, очертания которого теряются вдали. Это озеро Альберт. По своим размерам оно вполне достойно африканских масштабов: в длину сто шестьдесят километров, в ширину — сорок. Чаша, на дне которой покоится озеро, окружена высокими скалами, открыта солнцу, я в ней почти не бывает ветра. Жара здесь невыносимая. Кажется, что нас сунули в самое пекло и мы поджариваемся на медленном огне. Так же тяжело, влажно и жарко на побережье Индийского океана.

Африканский слон

Зеленые воды озера Альберт освежает река Семлики, стекающая с горных вершин Рувензори. Мы отдыхаем на чудесном пляже с мелким песком, окаймленном пальмами борссус. Оказывается, пушистые плоды этого дерева —излюбленное кушанье слонов.

Бутьяба, где мы останавливаемся на несколько дней, небольшая озерная пристань. Она могла бы быть раем для рыболовов-спортсменов, если бы туда легче было добираться. Тут ловится рыба огромных размеров. Особенно хороши нильские окуни. Есть экземпляры в сто фунтов весом. Говорят, что рекордный вес этой рыбы сто сорок фунтов.

Из Бутьябы нам надо добраться до водопада Мерчисин. Там, на северной оконечности озера Альберт, мы спустим каяки на воду, как раз в том месте, где Нил вытекает из озера, направляя свои воды на север. А мне еще предстоит найти лодку взамен вышедшего из строя каяка.

На севере Уганды Нил сильно петляет. Скалистые барьеры, преграждающие ему путь, заставляют его несколько раз менять направление. Мы то и дело заглядываем в карту, чтобы не заблудиться в этом лабиринте.

Проходит несколько дней, прежде чем нам представляется okazия. Английский инженер-гидрограф охотно соглашается взять нас на свое судно. Он отправляется на катере в северную часть озера Альберт, оттуда на водопад Мерчисон.

Три часа плывем без всяких приключений по заросшим папирусами пространствам. И вот мы снова на берегу Нила!

Его величество слон

На протяжении сорока километров от водопада Мерчисон Нил течет по самому большому в мире заповеднику для диких зверей. Редкое и удивительное зрелище!

Сейчас сухой сезон. Внутренние районы страны почти лишены воды, поэтому многочисленные обитатели зарослей собрались у реки, на ее просторных, полужаросших лесом берегах.

В первую очередь внимание привлекают слоны.

Целые стада этих огромных неуклюжих животных пересекают обширные топи, покрытые папирусами, чтобы выкупаться в чистой воде. Мы видим, как они барахтаются в иле, с трудом вытаскивая из грязи задние ноги.

Добравшись до реки, слоны начинают обливаться водой им, как и людям, нестерпимо жарко и хочется освежиться. Потом они подолгу пьют: втягивают

воду гибким хоботом и сильной струей отправляют ее в маленький рот. Затем, видя, что ничего подозрительного поблизости нет, слоны заходят в глубокие места подальше от берега. От удовольствия они трубят. Эти громкие звуки далеко разносятся по безмолвным просторам зарослей. Один за другим слоны спускаются с берега и буквально сваливаются в реку. По воде расходятся круги, папирусы колеблются и шуршат. Вот из воды выглядывает огромное брюхо, и кажется, что плывет гигантская бочка. Слонята сначала издали следят за своими родителями, потом, осмелев, присоединяются к ним. Малыши погружаются в реку

так, что на поверхности остаются только их маленькие хоботы, торчащие из воды, как перископы подводных лодок. Забавное зрелище! Слонята, по-видимому, отлично плавают и чувствуют себя в воде, как в родной стихии.

Накупавшись всласть, слоны медленно возвращаются на берег в сопровождении множества птиц. Добравшись до сухой земли, животные набирают хоботом пыль и обильно посыпаются ею. Без хобота и здесь не обойтись. Матери не забывают покрыть пылью своих детенышей. Это, несомненно, мудрая предосторожность: вокруг животных тучами выются всевозможные насекомые.

По мере того как мы поднимаемся к водопаду Мерчисон, заросли редеют, уступая место лесу паркового типа, который состоит из красноствольных пальм борссус и колбасных деревьев. Колбасное дерево — очень любопытное растение, произрастающее на берегах Верхнего Нила. В это время года с его ветвей на длинных нитях свисают толстые стручки, напоминающие сосиски. Но они, к сожалению, несъедобны, их не едят даже слоны.

Зато акация — их любимое лакомство, они с поразительным проворством объедают листву этих колючих деревьев. Слоны обламывают толстые суки акаций, словно соломинки, затем становятся на них тяжелыми ногами, ловко сдирают хоботом листву и быстро отправляют ее в рот. Если сук сразу не поддается, они используют бивни как рычаг, обнаруживая при этом удивительную смекалку. Случается, что бивень ломается. Нам приходилось видеть незадачливых слонов, лишившихся обоих бивней: без них они полужалеки.

Есть слоны-силачи, они легко выкорчевывают дерево, чтобы удобнее было обдирать листву и побеги. Позднее нам случалось бывать в саваннах лесах, где

молодые деревья, иногда довольно большие, вырваны с корнем, поломаны и полностью объедены. Если принять во внимание, что взрослый слон поглощает в день до четырехсот килограммов зеленого корма, можно себе представить, во что превращается место обеда стада слонов! Надо думать, что слоны, забредшие, например, на плантацию бананов, которые им особенно по вкусу, угощаются без стеснения и производят там значительные опустошения.

С катера, осторожно плывущего по Нилу, мы с неослабным вниманием следим за повадками этих благородных животных. Слонята чинно держатся возле своих мамаш, прижимаясь к их боку. Подростки вдруг затевают дикую скачку по зарослям, ведь надо же на что-то растратить запас молодых сил! Но отойти далеко им не удастся: родители призывают шалунов к порядку, и те не смеют ослушаться.

В полдень взрослые слоны мирно отдыхают в тени деревьев. Медленно покачивая хоботом, они пережевывают пищу, без стеснения громко отрыгивают, с наслаждением трутся боком о ствол колбасного дерева. От такого прикосновения дерево скрипит и гнется, словно пруттик. Стайки птиц разгуливают по широким спинам слонов, склевывая клещей и других паразитов, гнездящихся в их шероховатой коже. На земле сидят другие птички, тоже неотступно следующие за слонами. Они с жадностью пожирают потревоженных слонами при ходьбе насекомых. В этих стайках птиц-паразитов много волоклюев — маленьких, голенастых, легко отличимых по их красивому белому оперению. При малейшей тревоге пернатые спутники слонов с пронзительным криком взмывают вверх. Этим они предупреждают слонов об опасности и как бы оплачивают им свой долг.

Мы скоро привыкаем к такому тесному содружеству крупных млекопитающих с птицами (у бегемотов тоже

есть свои птицы-паразиты), которое напоминает содружество акулы с ее верной рыбой — лоцманом.

Некоторые акации сплошь увешаны гнездами ткачей. Это небольшие птицы с желтым оперением, издали очень похожие на канареек. Целыми сотнями усаживаются они на кустах и галдят.

Ткачи искусно ткут (поэтому их и прозвали ткачами) из соломинок и древесных волокон красивые гнезда и подвешивают их к ветвям. Одни гнезда имеют форму яйца, другие похожи на узкогорлые амфоры. При приближении слона к акации, занятой колонией ткачей, птицы поднимают страшный гвалт, и великану приходится проходить мимо.

Слон — это воплощение безмятежного превосходства, которому нельзя не позавидовать. От этих гигантов веет миром и, я бы сказал, величием. Они уверены в себе и в своей силе, но не испытывают потребности кичиться ею перед другими животными. Слоны — одно из самых дивных творений природы. Они как бы созданы по мерке того мира, который их окружает, и в этом смысле они, пожалуй, единственные в своем роде. Человек теряется в густых высоких травостоях, непроходимых лесах, бескрайних болотах Африки. А слону африканские дебри как раз по плечу. Благодаря своему росту — он достигает четырех метров — слон возвышается над высокими зарослями, шутя шагает через болота и пробирается по лесным чащам так же легко, как если бы речь шла о городском парке.

За решеткой зоологического сада слон выглядит грузным, словно придавленным собственным весом. Но когда видишь его издали на широких африканских просторах, он кажется удивительно пропорционально сложенным и легким. Верно подмечено, что его силуэт вписывается в круг. Центр тяжести животного почти совпадает с центром окружности, поэтому слон

двигается с минимальной затратой усилий. Он может легко пробежать огромное расстояние.

У слона нет равных по силе врагов среди животных. Только человек опасен для него, особенно с тех пор, как он использует ружье, это дьявольское изобретение.

Местные жители примитивным оружием убивают животное ради пищи. Слон в свою очередь, в поисках пищи же, топчет их посевы. Тут борьба за жизнь с той и другой стороны — игра равная, и сказать нечего.

Все меняется, когда речь заходит о так называемом цивилизованном человеке. Он убивает слонов ради "красивого" выстрела и ценных бивней животного, которые весят до семидесяти пяти килограммов каждый. По весьма приблизительным подсчетам, в конце прошлого века (когда слонов истребляли особенно беспощадно) европейцы убивали в год шестьдесят — семьдесят тысяч слонов. Не удивительно, что ныне во многих областях Африки слон стал редким животным.

Большое количество слонов можно увидеть (как это удалось нам) лишь в заповедниках. В наши дни миллиардные шары, которые раньше всегда делались из слоновой кости, изготавливаются из пластмассы, поэтому нет нужды преследовать этих благородных животных только ради того, чтобы дать возможность человеку играть в эту древнюю игру. Теперь слоны строго охраняются. А поскольку они размножаются быстро, можно считать, что им уже не угрожает полное уничтожение. Избегли они его, надо сказать, чудом, если принять во внимание, какими темпами велось истребление слонов. Я считаю тех, кто без нужды охотится на слонов, слепыми убийцами. В настоящее время в заповедниках Центральной Восточной Африки насчитывается по несколько тысяч слонов, в заповеднике водопада Мерчисон их около тридцати тысяч. Это самый большой заповедник в мире.

Всякий раз, завидев слонов, мы стараемся подойти к ним как можно ближе. Слонам это не очень нравится. Одни предпочитают быстро удалиться, другие не желают добровольно уступать свои владения. Они хлопают ушами, угрожающе поднимают хобот и, став в воинственную позу, гневно ревут. Мы не настаиваем и ретируемся к каякам.

У поста Пакваш негры удят в реке рыбу. В руках у них такие удилица, какие можно увидеть во Франции. Рыбаки не шевелясь сидят на берегу, заросшем папирусами и тростником.

А совсем рядом, в каких-нибудь пятидесяти метрах от них, в высокой траве пасется стадо слонов. Слоны, видимо, надоедают рыбакам, они встают и криками отпугивают их. Так у нас выгоняют коров с клеверного поля. Получив предупреждение, гордые великаны без скандала удаляются восвояси.

Владыка бегемот

Совсем по-другому ведут себя бегемоты, наши повседневные спутники на Верхнем Ниле. Здесь их бесчисленное множество. За три с лишним месяца мы проделали путь в две тысячи километров от реки Кагеры до выхода из Сэддов и каждый день встречали сотни бегемотов.

Однако до сих пор нам доводилось видеть только торчащие из воды, покрытые щетиной морды да маленькие острые ушки этих огромных животных. В заповеднике же водопада Мерчисон бегемоты, изменяя своим привычкам, среди бела дня разгуливают по берегам реки. По-видимому, они понимают, что находятся в полной безопасности, и спокойно отправляются на поиски наземных пастбищ.

Взрослый бегемот весит около трех тонн. Его "талиа" в обхвате имеет более четырех метров. Огромное тяжелое туловище, похожее на надутый до отказа, готовый лопнуть бурдюк, покоится на коротеньких тонких ножках. Сходство с гигантской свиньей было бы полным, если бы не массивная голова бегемота с квадратной пастью, вооруженной большущими клыками.

Малютки-бегемотики — очаровательные существа.

Бегемоты на Ниле

Нам, к сожалению, не пришлось как следует их разглядеть, так как взрослые очень внимательно их опекают. Мы лишь изредка видели детенышей, смиренно сидящих на спине огромной мамы. Бегемотики постарше следовали шажком за своими родителями, отправляясь с ними в сумерках пастись на берегу, в высокой траве.

У бегемота — слабое зрение; подходим к нему совсем близко, метров на тридцать, но он не замечает нас. Наконец, почуяв опасность, бегемот бросается в воду.

Бегемот хорошо приспособлен к длительному пребыванию под водой. Объем его легких, верхушки которых снабжены воздушными карманами, необыкновенно велик. В начале нашего путешествия, заметив нырнувшее животное, мы пытались обнаружить момент его появления на поверхности. Но обычно оно оставляло нас с носом и редко всплывало у нас на глазах.

Эти животные особенно любят грязевые ванны. Все время наблюдаем, как, желая избежать встречи с нами,

они с большим трудом выбираются из трясины.

Плещась в воде и нежась в трясине, бегемоты только и заняты тем, что переваривают те две сотни килограммов травы, которые проглотили за ночь. На такой внушительной операции сосредоточивается в течение долгих часов вся деятельность их организма. Этим, возможно, объясняется миролюбие бегемотов в дневное время. Пока они переваривают пищу в родной водной стихии, рыбки-санитары поедают водоросли и планктон, которые течение откладывает у толстяков на коже.

На закате солнца бегемоты один за другим выходят из реки на берег и отправляются пастись. Каждое стадо имеет свое пастбище и ревниво оберегает его от вторжения соседей, что порой ведет к жестоким сражениям. Зато других животных — слонов, буйволов, антилоп и даже хищников — хозяева пастбища сравнительно легко допускают в свои владения.

На севере озера Альберт местные жители занимаются охотой на бегемотов, которые привлекают их большим количеством мяса, жира, кожи, кишок, сухожилий и т. д. Однако добывают бегемотов мало, если судить по тому, что воды Нила по-прежнему кишат этими животными.

Нам часто приходится встречать охотников на бегемотов, которых мы легко узнаем по их снаряжению: на дне пироги целый арсенал дротиков с гнутыми лезвиями и деревянных шаров. Этими дротиками пользуются как гарпунами. Шары, вырезанные из амбача (дерева, древесина которого обладает свойством пробки) и прикрепленные к дротикам, служат поплавками.

Когда охотникам удастся выследить одинокого бегемота, они издали мечут в него гарпуны. Раненое животное ныряет и быстро передвигается под водой. Охотники спешно отплывают в противоположную

сторону, опасаясь нападения, и по поплавам следят за животным. Затем, выбрав подходящий момент, возобновляют атаку. Пронзенное дротиками грузное животное теряет силы и наконец погибает. Мертвый бегемот обычно идет ко дну, его туша всплывает лишь спустя несколько часов, когда раздувается от ферментации газов в желудке. Тогда его и вытягивают из воды.

Разумеется, далеко не всегда охота заканчивается благополучно: бегемоты обладают чудовищной силой. Разъяренное болью, животное может броситься на пирогу и шутя разделаться с ней. Как мы ни старались, нам ни разу не удалось попасть на такую охоту.

Трусливый и коварный зверь — крокодил

Третье наиболее часто встречающееся на Верхнем Ниле животное — крокодил. Крокодилы питаются рыбой и животными, живущими в воде. Они проводят большую часть времени растянувшись на песчаных отмелях или открытых прибрежных террасах. Сгрудившись в кучу, придавив один другого, они, широко открыв пасть, переваривают пищу. При этом какие-то птицы привычно копаются у них в челюстях.

Крокодилы предпочитают гнилое мясо, поэтому свою добычу они оставляют в яме с водой на берегу или в тихой речной заводи. Только тогда, когда падаль достаточно разложится, крокодилы пожирают ее.

Из встреченных нами на реке животных крокодилы самые осторожные. Греясь в приятной дреме на прибрежном песке, они, как говорится, и спят, и видят. Едва мы показываемся, крокодилы, похожие на доисторических чудовищ, поднимаются на передние лапы и быстро скрываются в воде.

Мы часто видели их плавающими у самой поверхности воды, но при нашем приближении они исчезали, как по волшебству. С известной точки зрения это, может быть, и к лучшему, но для фотографа крайне досадно. Следует признать, что их бдительность несколько не лишняя в эпоху, когда люди научились делать из крокодиловой кожи прелестные вещицы.

Таким образом, крокодилы неизменно расстраивали все наши попытки приблизиться к ним и тем самым показывали, что они хитрее нас. Нет другого животного, способного скрыться так быстро от объектива фотоаппарата.

Греющийся на солнце крокодил

Крокодил одновременно и труслив. Во всяком случае он не отличается агрессивным характером. Ни разу ни один из них не проявил желания сыграть с нами скверную шутку, хотя расправиться с каяком и его пассажиром для крокодила — сущий пустяк. Мы со своей стороны принимали все меры предосторожности и не отваживались купаться у них под носом. Эти животные могут схватить на берегу и утащить в воду козу или ребенка. Безопасности ради места, где население черпает воду из Нила, ограждают частоколом из кольев, расположенных полукругом.

Нам довелось как-то наблюдать во время примечательной поездки к водопаду Мерчисон, как стадо павианов резвилось среди крокодилов пятиметровой длины.

Это происходило на небольшом песчаном пляже, в тени высоких деревьев. Обезьяны вышли из глубины

леса на водопой и подняли на берегу возню. Соседство крокодилов их заботило так же мало, как если бы возле них лежали поленья дров. Павианы гонялись друг за другом по всему пляжу с пронзительными криками, прыгали через крокодилов, причем те никак на это не реагировали. Чудовища оставались недвижимы. Прицепившись к брюху матерей, детеныши павианов с явным удовольствием принимали участие в играх. В стороне сидели два старых павиана с отвисшими щечками, пренебрегавшие, видимо, этой праздной возней.

На берегах Нила встречается много других животных, там полным-полно антилоп всевозможных видов (Африка — их родина), бородавочников, бесчисленных грызунов, черепах. Кроме того, в воздухе носятся тучи различных насекомых, летают разноцветные птицы.

С буйволами и львами нам не удалось познакомиться за все время путешествия. Я не говорю о нескольких экземплярах, которых мы наблюдали в заповедниках Кении.

Не следует думать, что в африканских зарослях, много питонов, кобр и других змей. Мы, например, видели всего-навсего одну рогатую гадюку, правда, самую ядовитую из всех змей: после ее укуса смерть наступает через несколько часов.

Обнаружил гадюку Джон в расщелине скалы. Он убил ее палкой и принес показать нам, но, не зная куда ее деть, засунул в... свой ботинок. У гадюки, был сильно раздут живот: она только что проглотила добычу. Джон вспомнил уроки анатомии в медицинском институте Лос-Анжелоса и очень ловко препарировал змею. В брюхе оказалась целая водяная крыса, сморщенная и покрытая оболочкой из слюны — она была в три или четыре раза толще самой змеи.

Водопад Мерчисон

Вот, наконец, и Мерчисон, самый живописный из нильских водопадов.

Натолкнувшись на барьер из слюдяного сланца, река пробилась в скале ход длиной сто метров, шириной не более семи. Воды всего экваториального Нила устремляются в это узкое ущелье и затем сплошной массой низвергаются с сорокаметровой высоты. Поскольку мы подходим к водопаду снизу, то видим сначала лавину падающей воды: от нее поднимается водяная пыль, которую ветер разносит по долине.

Постоянно увлажняемые водяными брызгами берега покрыты особенно пышной растительностью, придающей этому пейзажу, и без того величественному, необыкновенную красоту.

В бухточке поодаль от бурного водоворота бегемоты высовывают головы из воды, зевают и затем опять ныряют. Заметившие нас крокодилы приходят в движение и проворно покидают отмель.

Взбираемся на скалу. Вид оттуда не менее внушителен. Устремляясь в глубь прорытого в скале прохода с вертикальными стенами, Нил бушует и поднимает волны в несколько метров высотой. Вскоре мы насквозь вымокли от дождя мелких брызг. Тут не слышно ничего, кроме грохота водопада, напоминающего непрерывные раскаты грома.

Выше водопада начинаются неисследованные ущелья Сомерсета. К сожалению, туда нам ехать запрещено.

Огорченные этим, отправляемся назад к озеру Альберт и на пустынной отмели разбиваем лагерь.

На следующий день снова трогаемся в путь.

Глава VI. Вдоль Бахр-эль-Гебеля

От озера Альберт нам предстоит пройти до Джубы четыреста километров.

Первая половина этого пути не представляла трудности. Нил течет со скоростью пяти или шести километров по плоскогорью, покрытому травянистыми саваннами. То там, то здесь встречаются редкие леса. Населенных пунктов мало. Двести с лишним километров Жан и Джон проходят на каяках. Мне удалось подыскать для себя пирогу, в которой плыву вместе с ее хозяевами — двумя неграми, согласившимися нас сопровождать. Их лодка, по счастью, быстроходнее пироги Гумы, так что моим товарищам не приходится сильно сбавлять ход своих каяков.

Слава африканского гостеприимства заслуженна

Рождество мы провели в Аруа, административном центре на границе Конго.

Накануне мы прибыли в Рино-Камп. В ларьках не оказалось продуктов. Увидев, что наши дела плохи, Джон исчезает с таинственным видом. Начинаем надеяться на чудо. Однако бедняга возвращается несолоно хлебавши: в руках у него три яйца и два зеленых апельсина; завернутых в клетчатый платок. Он настолько огорчен, что у нас не хватает духа позубоскалить. Жан, как всегда равнодушный к мирским благам, принимает этот удар судьбы с обычной невозмутимостью и тут же погружается в свои путевые заметки. Но я начинаю рвать на себе волосы: ведь на

мне лежат обязанности повара, а у меня остались только рис, печенье и плитка шоколада плюс ... нильская вода, чтобы все это запить.

Мои грустные размышления по поводу превратностей продовольственного снабжения вдруг нарушает шум мотора. Джон услышал его одновременно со мной, и мы оба устремляемся туда, откуда он доносится. На дороге, в двухстах метрах от нас, остановился грузовик.

Из машины выходит охотник. Узнаем, что он иранец, у его отца имеется магазин в Аруа, в шестидесяти километрах отсюда. Он отправился на охоту, чтобы угостить многочисленных гостей, собравшихся по случаю рождественских праздников. В кузове его машины лежат две великолепные антилопы-орикс [\[14\]](#) с рогами в форме лиры. Али — так зовут нашего нового знакомого — любезно предлагает нам провести праздники в его семье. Мы не заставляем себя долго упрашивать. Вот каким образом мы попали на рождество в маленький городок Уганды. Али и его старшие братья (их у него трое: Ахмед, Селим и Мухаммед) словно само воплощение приветливости и гостеприимства. Когда мы входим в их дом, женщины спешно скрываются на своей половине. Религия запрещает женщинам-мусульманкам показываться при посторонних. Наши новые друзья — мусульмане, но это не мешает им весело -праздновать рождество. Охотно присоединяемся к ним.

На следующий день отправляемся с визитом к британскому резиденту, начальнику района. Просим Али отвезти нас к нему на машине, так как расстояние порядочное. Он почему-то весьма неохотно выполняет нашу просьбу.

Мы скоро понимаем, в чем дело. Али боится, что его не впустят в дом, ибо англичане не особенно любят

принимать у себя "цветных".

Поскольку нам чужды подобные предрассудки, приглашаем Али переступить вместе с нами порог "высокого жилища". Наш друг не заслуживает того, чтобы с ним обращались пренебрежительно.

Наше неожиданное появление, по-видимому, смущает комиссара района. Он колеблется и не знает, как поступить. Ему, конечно, хотелось бы нам сказать, что мы невоспитанны и не знаем, как полагается вести себя в обществе. Однако он преодолевает свое предубеждение и предлагает Али сесть. Его гостеприимство простирается настолько далеко, что он даже занимается гостем — задает ему вопросы о семье и занятиях; Али сидит на краю кресла, вытянувшись, как струна, и чувствует себя явно не в своей тарелке. Чтобы разрядить обстановку, мы быстро завладеваем разговором и подробно рассказываем о путешествии.

В конечном счете комиссар самым любезным образом приглашает нас (разумеется, за исключением Али) на прием, устраиваемый им вечером для европейцев всей округи.

На границе Судана

Через несколько дней после отплытия из Рино-Кампа мы без всяких приключений достигли Нимуле.

Здесь Нил вступает в область скалистых гор и возвышенностей Куку, спускается по многочисленным порогам Фола (о которых говорят, что они очень опасны, хотя получить точные сведения о них не удастся) и затем недалеко от Джубы выходит на Великую суданскую равнину.

На протяжении шестисот километров, начиная от озера Виктория, Нил делится естественными рубежами на три отрезка: первый от водопада Рипин до порогов

Нила Виктория, второй от водопада Мерчисон до порогов Нила Сомерсет и третий — порт Фола.

Коварным Нил делают не только пороги, но и то, что река течет то в одном, то в другом направлении. Точно больной в горячке, ворочается она без конца с боку на бок в своей постели. Скалистые барьеры преграждают реке путь и заставляют ее на протяжении шестисот километров пять раз подряд менять направление. Население здесь очень редкое. Зато местность кишмя кишит слонами, бегемотами, крокодилами, антилопами, обезьянами, бородавочниками, грызунами и всевозможными птицами. Тут вдыхаешь полной грудью аромат настоящих дебрей. А нам больше ничего и не нужно.

В Нимуле нас ждет большое разочарование. Мы день и ночь нажимали на весла, чтобы приблизить момент получения рождественской почты. Вот уже почти месяц, как мы потеряли всякую связь с почтовыми и телеграфными ведомствами. Но, увы, в Нимуле также нет почтовой конторы.

Отсутствие почты — один из наиболее чувствительных ударов, которые достались на нашу долю с тех пор, как мы в пути. Словно пришибленные, возвращаемся на пристань, в молчании устанавливаем палатку на берегу реки; каждый про себя думает мрачную думу. Откладываем на утро рекогносцировку порогов Фола, чей рев доносится до нашего лагеря.

Наступает следующий день, как всегда ослепительно сияющий. За ночь наше уныние рассеялось, и мы отправляемся дальше, всецело поглощенные трудностями нового отрезка пути.

В который раз уточняем маршрут. Позади уже приблизительно тысяча семьсот километров, до Средиземного моря остается еще пять тысяч.

Мы вполне втянулись в походную жизнь, способны каждый день преодолевать изрядное количество

километров по воде, в зависимости от силы течения и попутного или встречного ветра. Мышцы у нас затвердели, а руки достаточно загрубели, так что можем грести ежедневно по многу часов подряд.

Молодые негритянки из Бора (Южный Судан)

За эти два месяца мы сильно похудели, но, в общем, здоровы. Один Жан страдает хроническим гаймаритом, и это нас тревожит, потому что болезнь его изнуряет и может повлечь за собой осложнения.

С того места, где мы сейчас находимся, начинаются пороги Фола. Нил здесь снова наталкивается на скалистый барьер и с неодолимой силой прокладывает себе сквозь него дорогу.

Вначале он широко разливается и становится очень мелким. В иные годы на этом участке реки скапливается столько плавучих островов, что в сухое время года можно переходить с одного берега на другой. Местные жители утверждают, что по такому своеобразному мосту крупные животные, в первую очередь слоны, перекочевывают с востока на запад, во время своих таинственных миграций. Затем Нил устремляется в глубокое ущелье, пробивает в отвесных скалах проход, ширина которого в некоторых местах не превышает двенадцати метров (на водопаде Мерчисон — семи метров). Далее на протяжении двухсот километров следует цепь порогов, о которых нам не удастся ничего узнать.

На дорогах Бахр-эль-Гебеля

Мы решаем проделать эти двести километров пешком, следуя вдоль участка Нила, который суданцы называли Бахр-эль-Гебелем, т. е. Рекой гор.

До сих пор мы видели африканские дебри лишь с реки, теперь мы сможем наблюдать их, так сказать, из-за кулис.

Прежде всего нам необходимо позаботиться о багаже. Воспользовавшись попутным грузовиком, едем в Джубу. Здесь у меня и Джона начинается бурный приступ малярии, но благодаря энергичной помощи местного тубиба (врача) мы через два дня оказываемся на ногах. Гораздо серьезнее заболел Жан.

Приходится без него возвратиться в Нимуле. Там нанимаем трех носильщиков. Наша кладь, сведенная к минимуму, весит не больше полусотни килограммов. Сюда входят две складные кровати, личные вещи, карабин с тридцатью зарядами, камера, два фотографических аппарата, изрядный запас пленки, наконец, весьма облегченная походная кухня, небольшое количество риса, сухарей и консервов.

Снарядив таким образом нашу экспедицию, трогаемся в путь, направляясь к Нилу через ущелье в горах Куку, самая высокая вершина которых не превышает двух тысяч метров.

Стоит необычайная сушь. Дождя не выпадало уже несколько месяцев. Земля — в трещинах. Трава, словно стекло, ломается под ногами.

Наконец, мы выходим к глубоким ущельям, по которым течет Нил, с ревом низвергаясь с одного порога на другой.

Постепенно долина расширяется. Она покрыта довольно редкой древовидной растительностью саванного типа; тут акации с острыми шипами и тонкие мимозовые кусты, сикоморы и мальвовые, из которых добывают гуммиарабик, дикие плантации рафиевых

пальм, колонии крупных чертополохов с опасными колючками.

Притихший Нил течет среди папирусов и тростников, берега покрыты густой растительностью, сквозь которую мы лишь изредка видим его сверкающую поверхность. Ориентируемся по приглушенному реву воды да по громкому фырканию бегемотов, многочисленные стада которых по-прежнему населяют воды реки.

Во многих местах редкий лес сменяется высокими травами. Мы непроизвольно держимся ближе друг к другу, идем в затылок, зная, что высокая трава — излюбленное убежище буйволов. Мы потонули в траве, достигающей сплошь и рядом двух с половиной метров, шагаем наугад, ожидая, что всякую минуту можем столкнуться нос к носу с одним из этих жвачных, которое не преминет на нас броситься и поддеть на свои рога. Спаситься от него в таком месте нет никаких шансов. Наше единственное оружие, карабин, тут совершенно бесполезно. Спешу отметить, что за все время путешествия вдоль Нила нам ни разу не пришлось натолкнуться на буйволов. Чувствуем, что они где-то близко, то и дело попадаются их следы и совсем свежий помет, но животных не видим. Такое положение раздражающе действует на нервы. А буйволы, видимо, уже давно учуяли нас и потихоньку ретировались.

Миновав высокие травы, поднимаемся на холм, покрытый редкими деревьями и заросший очень густой травой. На дне ложбины пересыхающий болотистый рукав реки напоминает о разгаре сухого сезона. Возле него щиплет траву стадо крупных антилоп. У самца большие рога красивой формы. Самки — безрогие, зато у них гораздо наряднее мех; они время от времени поднимают голову, чтобы взглянуть на находящиеся рядом детенышей, ласково лижут их и потихоньку подталкивают в нужном направлении. Мы восхищены

видом этих красивейших животных, безмятежно разгуливающих среди зарослей.

Почти все ручьи пересохли, и это облегчает нам путь. Даже значительные речки — если судить по широкому, устланному галькой руслу, — без воды. На их песчаных отмелях заметны бесчисленные следы птиц, пресмыкающихся и млекопитающих, привлеченных близостью Нила.

В зарослях по всем направлениям проложены звериные тропы: крохотные следы грызунов пересекаются с глубокими следами слонов и бегемотов. Многие тропы ведут к трясинам.

В чаще то и дело появляются и исчезают животные всевозможных видов. Из мелких пород самые интересные — летяги (летающие белки). Целыми семьями они планируют с ветки на ветку, с одного дерева на другое, находящееся на изрядном расстоянии. Секрет летучести этих зверьков заключается в перепонках на лапках, которые они широко расставляют при полете, что значительно увеличивает несущую поверхность. Также любопытны даманы (жиряки), небольшого размера млекопитающие. Местные жители охотятся за ними из-за мяса, а также из-за копыт, которым они приписывают чудодейственные свойства и из которых выделывают красивые подвески.

В чаще воркуют горлинки. Навстречу попадают бесчисленные стаи цесарок, проворно исчезающих при нашем приближении. Африканские цесарки не улетают, как большинство птиц, спасаясь от преследования, а удирают на своих коротких ногах так быстро, что не стоит пробовать их догнать. Я напрасно сделал несколько попыток. Цесарки неуклюже летают, но необычайно резвы на земле и умеют так искусно петлять во все стороны, что тотчас сбивают со следа.

Мы надели шорты, не подумав о чертополохе и колючках, которые впиваются в кожу и застревают так, что их трудно вытащить. То и дело натыкаемся на растения, причиняющие мучительные ожоги. Очень скоро руки и ноги покрываются гноящимися ранками. Хорошо, что мы запаслись пенициллиновой мазью, которая не раз выручала нас во время долгого путешествия.

Нас донимают тучи слепней. Во рту пересохло и кружится голова, потому что идем в самые жаркие часы дня, когда вся природа словно оцепенела под палящим солнцем. В обед делаем короткую остановку, чтобы немного перекусить, затем опять трогаемся в путь, следуя по берегу реки. Открывающиеся перед нами картины так чудесны, что мы готовы идти без конца, лишь бы разворачивались все новые панорамы.

Целый день нас не перестает томить жажда. Правда, утолить ее не трудно. Нил рядом, и, хотя берега его покрыты папирусами, мы время от времени находим тропы животных, по которым сравнительно легко добраться до реки. Эти тропы ближе к воде неизменно расширяются и оканчиваются обширными рывтинами, устланными раздавленными и иссеченными папирусами. Мы раздеваемся, всласть купаемся и пьем, принося губами к воде. Через четверть часа снова пускаемся в путь, бодрые и освеженные, чтобы через некоторое время повторить все сначала. Глаз у нас теперь наметался, и мы безошибочно научились распознавать в стене папирусов ту тропку, которая выведет нас к реке. Даже не могу себе представить — что бы мы стали делать, не имея возможности купаться и утолять жажду?

Наши носильщики бари

Первые два дня нашими носильщиками были мади. Мы начали поход в их районе, и было бы странно набирать людей другой народности. Однако эти носильщики ушли от нас, едва мы вышли за пределы их территории. Правда, вскоре в районе переправы через Нил мы без труда наняли других.

Новых носильщиков — бари — зовут Аким, Огонэ и Игнаций. Игнаций, как видно по его имени, крещен итальянскими миссионерами, которые на Верхнем Ниле основали несколько миссий.

Наша маленькая группа трогается в путь. Носильщики идут гуськом, с дротиками в руках, на головах у них не очень обременительная кладь, в числе ее небольшой сверток, куда они уложили свои пожитки и немного провизии: миску просяной муки и сладкие бататы. Они идут босиком, ритмичным и пружинистым шагом. Карабин, который мы с Джоном несем по очереди, внушает им уверенность в безопасности. У нас не хватает духу признаться, что это оружие смертоносно для мелкой дичи, но вовсе бесполезно против крупных хищных животных, которые могут всякую минуту сыграть с нами самую скверную шутку.

Придерживаемся в походе четкого ритма: час ходьбы, как на армейских маневрах, чередуется с десятиминутным отдыхом. Стараемся не пропускать встречающихся на пути водоемов. В день проходим километров тридцать.

На стоянках носильщики садятся на корточки, открывают табакерку из коры, достают оттуда щепоть табаку, благоговейно набивают им самодельную трубку и по очереди делают длинные затяжки, испытывая при этом истинное наслаждение.

Паника в зарослях

Тронуться в путь — дело нелегкое. Носильщики стараются всячески оттянуть этот момент. Джон, раздосадованный волокитой, исчезает с карабином в зарослях.

Однажды я бродил в кустах, преследуя стаю цесарок, как вдруг мне показалось, что я заблудился. Ускоряю шаг, бегу, но не слышу ничего, даже шума реки.

Мной овладевает настоящая паника. Нервы напряжены до предела. Мне уже представляется, что я потерялся в необитаемой местности, умираю от жажды и утомления. Утратив всякий контроль над собой, я, как сумасшедший, мчусь опрометью куда-то вперед. С головы слетает шляпа, но у меня не хватает духу вернуться за ней. Окончательно запыхавшись, останавливаюсь с надеждой услышать крики, но тут же снова бросаюсь наугад сквозь колючки и шипы. Споткнувшись о камни, разбиваю довольно сильно колено. Наконец, обливаясь потом, сажусь, чтобы перевести дух и прийти в себя. Решаю немного обождать в расчете на то, что я обогнал караван. И в самом деле, спустя несколько минут, вижу, как метрах в тридцати от меня, немного ниже по склону холма, пробираются гуськом носильщики с дротиками в руках и тюками на головах. Джон идет впереди. Силуэт этого бородатого великана в широкополой шляпе напоминает фигуру искателя приключений прошлого века. Я внутренне поношу себя последними словами, но... даю себе слово впредь не слишком удаляться от отряда.

На меня не впервые нападает страх, но на этот раз он беспричинен — это дурацкая, ни на чем не основанная животная паника, ужас, к счастью, недолговременный. Во всяком случае это признак внутреннего нервного переутомления, с которым в будущем придется считаться.

Слоны

В конце дня начинаем подыскивать подходящее место для ночлега. Всякий раз, если представляется возможность, разбиваем палатку на открытой площадке, желательно у реки, но в стороне от троп, протоптанных дикими животными, спускающимися к реке на водопой.

Как только выбрано место, принимаемся за дело. Джон вместе с носильщиками занимается палаткой и заботится о воде и сухих дровах, я распаковываю свою походную кухню, привожу ее в боевую готовность.

Удивительная вещь — это, вероятно, объясняется сухостью здешних мест — комаров нет, и в эти первые дни похода мы можем мирно наслаждаться неповторимыми вечерами среди девственной природы под усыпанным звездами небом: прохладными и ясными, полными скрытой жизнью бесчисленных животных, только и ожидающих захода солнца, чтобы встрепенуться.

Аким, Огонэ и Игнаций спят возле нас, натянув на себя кое-какую одежду и положив рядом дротики. Однажды ночью раздались крики Огонэ: "Бвана, слоны, много слонов".

Недалеко стадо слонов. Оно двигается в нашу сторону. Ворчание, треск сломанных веток и шуршание сухих трав под множеством ног не оставляют сомнения в том, что опасность близка. Что делать?

Мы бесшумно выходим из палатки и прячемся за деревом. Как мы ни вглядываемся, вокруг темная ночь и невозможно ничего различить.

Животные где-то тут, рядом с нами. Начинает дрожать земля. Вот какой-то слон хоботом вырывает дерево с корнем, чтобы объесть с него листья. Наша

растерянность растет. Мы точно приросли к месту, стоим затаив дыхание. Боимся и за себя и за носильщиков, опасаемся также, как бы слоны не растоптали палатку и все снаряжение.

Вероятно, два или три часа утра. Ночь холодная - сильно зябнем. Кажется, что слоны обступили нас со всех сторон и вот-вот обнаружат. Если мы и не видим их, то полагаем, что они-то нас учуют и рассердятся. Момент критический. Ничего другого не остается, как притаиться и ждать. Через некоторое время, показавшееся нам бесконечным, слоны как будто проявляют желание удалиться. Они отправляются на водопой, и мы слышим, как трещит у берега папирус. Сильное чавканье и хлюпанье свидетельствуют о том, что животные переходят через прибрежную топь. Еще несколько минут продолжаем прислушиваться. Все смолкло. Заросли снова погрузились в тишину. Слоны уже далеко. Кошмар позади. Ложимся и мгновенно засыпаем, настолько велико наше утомление.

На рассвете нас будит раздающееся в лесу завывание. Как видно, мы здесь не одни. На этот раз стая гиен напала на падаль. Сколько ни внушай себе, что гиена не опасный для человека зверь, ее жуткий вой в пустынном месте заставляет кровь стынуть в жилах.

С нас, кажется, довольно. Решаем сниматься с лагеря. Предварительно надо обследовать окрестности. Носильщики уже осматривают кусты, чтобы определить, куда ушли слоны. В настоящий момент Аким, Огонэ и Игнаций похожи на индейцев, вышедших на тропу войны.

Картина вокруг нас резко изменилась. Как будто над лесом пронеслась буря. В радиусе пятисот метров маленькие и средних размеров деревья сломаны, листва с них ободрана, многие вырваны с корнем. Встречаются плешины, совершенно лишенные

травяного покрова и кустарника. В ином месте словно след от бульдозера: мягкая почва не выдержала тяжести животных (ведь они весят пять тонн и более). Всюду кучи помета и множество следов — стадо было большим. Меньше чем в двадцати метрах от палатки ствол дерева сломан и вся листва ободрана. Просто чудом мы остались целы и невредимы. Слоны, оказывается, никогда не нападают на неподвижное существо, даже в припадке самой бешеной ярости. Хорошо мы сделали, что превратились в истуканов на все время их посещения. Малейшее движение, вызванное страхом или любопытством, могло нас погубить. Впредь по ночам будем жечь костер и дежурить по очереди около него. Наши приятели из звериного мира — великие полуночники, они всю ночь без усталости бродят среди зарослей, но никогда не приближаются к огню.

саванн

Жирафы — обитатели африканских

Отправляемся по следу носорогов и добываем бородавочника

Каждый день приносит что-нибудь новое: вчера это были слоны, сегодня мы обнаруживаем ключи, настолько горячие, что чуть не обвариваем себе ноги. Следующая находка — развалины селения. Из прибрежного песка торчит металлический остов рыбачьего судна, а вокруг тысячи всевозможных птиц:

дикие гуси и утки, бакланы, ибисы, серые цапли, пеликаны, неизвестные голенастые и другие... Большинство — как и мы, пришельцы из Европы. Они пересекли тысячекилометровые расстояния, зачастую следуя путями, ведомыми им одним.

Развалины находятся у устья реки: она сейчас пересохла, но, судя по ширине русла, в сезон дождей должна быть значительных размеров. Поднимаясь вверх по этому руслу, мы натываемся на крупные обломки скал, перегораживающие реку поперек. Вероятно, в половодие тут шумит очень большой водопад. Повсюду множество следов крупной дичи, очевидно, животные охотно посещают эти места. Однако днем они не показываются, скрываясь в чаще.

Джон, набравшийся перед отъездом "солидных" сведений об африканской фауне, обнаруживает на песке следы носорогов: это, как видно, самка с детенышем. Подобного открытия достаточно, чтобы всех нас взбудоражить: местность, по которой мы проходим, — одно из последних убежищ белого носорога, ставшего редчайшим зверем и сохранившегося лишь в очень ограниченном районе Верхнего Нила.

Черный африканский носорог

Белый носорог — разновидность африканского двурогого носорога — массивнее, чем обычные носороги, его морда имеет более квадратную форму. Он ничуть не блее своего двурогого собрата и назван так в результате неудачного перевода местного слова, обозначающего это животное. Белый носорог миролюбив, во всяком случае менее агрессивен, чем

обычный. Может быть, поэтому он и истреблен — охотники былых времен не упускали случая испытать на нем свою меткость. Белых носорогов обнаружить чрезвычайно трудно: уцелевшие животные прячутся целый день в глубине самых непроходимых зарослей и покидают их только ночью, отправляясь на пастбища и водопой.

Хотя времени у нас мало, решаем попытаться счастья. В сопровождении Акима, самого расторопного из наших носильщиков, идем по следам животных, вооружившись камерой и фотоаппаратами и поручив двум другим носильщикам охранять оставшуюся поклажу.

Очень скоро становится трудно неслышно пробираться в густой растительности. Очевидно, если здесь где-нибудь притаилась семья носорогов, то они моментально услышат производимый нами шум. Не остается никакой надежды увидеть животных в их убежище и сфотографировать или снять их на пленку. Решаем возвращаться. Потеряно полдня.

Зато на обратном пути нас ждет приятный сюрприз. Выйдя на полянку, обнаруживаем антилоп, пасущихся вместе со стадом бородавочников. При нашем появлении антилопы на мгновение замирают от неожиданности, но, быстро спохватившись, в несколько прыжков исчезают за кустарником. Бородавочники не сразу решают, как поступить — удирать или нет. Пока я щелкаю аппаратом, Джон на всякий случай снимает карабин с плеча. Наконец животные скрываются небольшими группами, злобно хрюкая. Одно из них, однако, неосторожно повертывается к нам мордой. Случай на редкость удачный — наши запасы провизии на исходе. Джон колеблется: у него почти не осталось пуль, да и животное чересчур крупное для его карабина, но я подбиваю его выстрелить.

Пуля угодила бедному зверю прямо в голову, но он все же находит в себе достаточно сил, чтобы скрыться.

Мы бросаемся следом.

Бежим несколько сот метров меж кустов: бородавочник обессилел, ткнулся мордой в землю, но пытается подняться. Джон добывает свою добычу камнем по темени, Аким приканчивает ее, перерезав горло дротиком.

Джон показывает мне пустой магазин своего карабина — вот почему он не смог выстрелить второй раз! Скрываем это обстоятельство от наших носильщиков, которые встревожились бы, и как раз тогда, когда на их глазах произведен такой блестящий выстрел. Джон показал себя отличным стрелком. Правда, я успел в этом убедиться раньше, видя, с какой легкостью он стрелял горлинок в кустах. Но тогда я протестовал против нарушения покоя дебрей. На этот раз добыча хороша. Зверь огромный. Мы разглядываем убитое животное. Нижняя челюсть вооружена торчащими серповидными клыками. Морда покрыта уродливыми бородавками.

Носильщики ликут, пляшут вокруг туши, выпускают победные кличи. Сделав несколько снимков, мы поручаем им освежевать, выпотрошить и разделать тушу. Они легко справляются с этим делом, действуя лезвиями своих дротиков, острыми как бритва.

Появившиеся, как по волшебству, грифы наблюдают за нами с вершин деревьев, ожидая нашего ухода, чтобы броситься на добычу. Соколы чертят в воздухе большие круги, затем с неслыханной дерзостью кидаются прямо на наши котелки, пытаются похитить куски мяса. Их проделки нас забавляют; протягиваем им блюдо с мясом, и они, подлетая, задевают нас крыльями. И тоже, как по волшебству, из кустов робко выходят два местных жителя, первые встреченные нами за эти несколько дней люди: местность, по которой мы двигаемся, почти необитаема. Привлеченные звуком выстрела, они переправились на

пироге через реку и добрались до места, где мы расположились.

Забираем для себя окорока и вырезку, а все остальное отдаем пришельцам. Трогаемся дальше в путь, чувствуя некоторую тяжесть после пиршества. Удача и полные желудки окрылили носильщиков, и они идут быстро, несмотря на то, что к их грузу прибавилось еще несколько увесистых кусков мяса.

Вечером на стоянке начинаются хлопоты: предстоит прокоптить мясо, чтобы оно не испортилось. Не говоря ни слова, приятели берутся за дело. Один вырезает вертела, другой мастерит козлы, третий готовит мясо и занимается костром. Зря не делается ни одного движения, не теряется ни одной минуты.

Окровавленные окорока подвешиваются на надлежащей высоте. Нарезанные куски мяса раскладываются на козлах. Они всю ночь копятся на медленном огне, и к утру копченые окорока и аппетитные кусочки мяса готовы. Теперь мы обеспечены довольствием на все время пути до Джубы.

Деревни бари и пожар в саванне

Местность, пройденная нами, оставляет впечатление почти не населенной, хотя повсюду можно видеть многочисленные следы старых поселений. Вот сланцевые плиты, поставленные вертикально, — это опоры, на которых некогда стоял амбар с запасами продовольствия, дальше сильно изношенные жернова для размала зерна — такие и сейчас можно видеть в деревнях, наконец, захоронения, обложенные плоскими камнями.

Они покинуты сравнительно недавно. Местные жители переносят свои деревни с места на место в

поисках лучших земель. Нередко их перемещают и в административном порядке.

В последние дни нашего путешествия вдоль Бахр-эль-Гебеля характер местности стал меняться. Позади остались заросли, кишашие дикими зверями и почти необитаемые, мы вступили в населенный край. По мере нашего приближения к Джубе деревни бари становятся все крупнее, некоторые насчитывают до сотни домов. Поселения окружены просеками, полями проса. Здесь этот злак достигает трех метров высоты. Если зайти в такое поле, кажется, что находишься не на обработанной полянке, а углубился в дремучий лес. Просо — один из главных продуктов питания населения: из него пекут лепешки и варят похлебку.

Деревни бари выстроены по одному типу: на тщательно расчищенной площадке расположены друг против друга несколько хижин небольших размеров. Они круглые и поставлены прямо на землю; в стороне стоят на сваях житницы.

Наше появление в первых деревнях вызывает смятение, близкое к панике. Женщины поспешно скрываются в хижинах, мужчины исчезают где-то в поле, дети поднимают истошный крик, им вторит лай собак, с шумом разлетается домашняя птица. Не желая зря будоражить жителей, мы проходим не останавливаясь. Однако чем дальше мы продвигаемся в глубь страны, тем меньше местные жители сторонятся нас. Коль скоро нам удастся заинтересовать одного или двух из поселян фотоаппаратами (Джон показывает им мое цветное изображение на матовом стекле зеркала, что их очень забавляет), все остальные перестают бояться, а мальчишки даже цепляются за наши полы и ходят за нами по пятам.

Однажды мы увидели деревенских девушек, купавшихся в маленькой бухточке Нила. Джон на всякий случай навел на них аппарат, чтобы запечатлеть

живописную сцену. Но мы слишком привыкли к их трусливому бегству, чтобы строить себе иллюзии относительно успеха его затеи: все женщины, которых мы встречали, удирали от нас без оглядки, часто побросав свою ношу, словно перед ними явился сам дьявол.

Но — удивительная вещь — купальщицы дают себя заснять, не выражая никакого волнения, выставляя перед восхищенным фотографом смуглые, упругие груди, на которых прихотливо играют блики солнца, пробивающегося сквозь листву. Идеальный кадр для фильма, ибо девушки бари высокие и стройные, с тонкой талией.

Одеждой женщинам бари служит красиво вышитый красными бусами кожаный передник, величиной с носовой платок. Девочки носят пояс, на котором подвешены крохотные металлические палочки. При ходьбе эти подвески позванивают самым забавным образом.

В одной деревне наше внимание привлек африканец, стоявший в тени хижины возле большой тыквы, наполненной красным порошком. Наши носильщики объяснили, что это разносчик, который ходит по деревням и продает косметическое средство — красную охру. Дело это очень прибыльное. И в самом деле, бари широко пользуются этим порошком, особенно женщины, раскрашивающие им все тело. Мужчины в этом отношении сдержаннее и применяют охру, по-видимому, только для своей прически.

Детей женщины завертывают в мягкую звериную шкуру и прикрывают им голову от солнца половиной высушенной тыквы, так что видны только две тоненькие ножки маленького существа с надетыми на них бубенчиками. Носят детей на спине, крепко привязав той же звериной шкурой, в которую обернут ребенок.

Как только крестьяне бари к нам немного привыкли, мы решили попросить у них провизии. Мясо бородавочника, с некоторого времени ставшее дежурным блюдом на обед и ужин, успело порядочно нам надоесть. Крестьяне обычно предлагали нам яйца. Но они часто оказывались тухлыми. Поэтому покупаем в основном фрукты — бананы и плоды папайи,— обладающие бесценным достоинством: они всегда свежи, так как только что сорваны с дерева. За все это расплачиваемся металлическими деньгами — пробитыми центами, бронзовыми шиллингами и суданскими пиастрами.

У меня к поясу постоянно прикреплен кошелек с мелочью для оплаты покупок и услуг, оказываемых нам местными жителями. Из металлических денег бари делают серьги, подвески и ожерелья.

Но иногда разменной монеты не оказывается. Тогда в обмен на цыпленка, вязку бананов или рыбу мы даем соль и сигареты. В Африке курят все: женщины наравне с мужчинами, а мальчишки чуть не с младенческого возраста.

Окрестности Джубы пожары буквально опустошили. Местные жители поджигают саванну в сухое время года, чтобы таким образом очистить участки под посевы и одновременно удобрить их золой. Нам довелось наблюдать неоднократно, как густые клубы дыма поднимаются к небу, на голову начинают сыпаться искры. Из кустов выскакивают мелкие животные — белки, крысы, мангусты (ихневмоны) [\[15\]](#) — и с молниеносной скоростью проносятся мимо нас. Смертельно напуганные огнем, стада крупных антилоп мчатся огромными прыжками через кусты, ничего не видя перед собой. Они едва успевают отскочить в сторону, чтобы не налететь на нас. Кажется: еще немного, и они сбили бы нас с ног.

Едва заслышав потрескивание огня, принимаем меры предосторожности, так как пожар, раздуваемый ветром, распространяется очень быстро в этих пересохших зарослях и сразу охватывает большие площади. Мы полагаемся на носильщиков, которые заботятся о своей безопасности, равно как и о нашей. Им вовсе не улыбается быть поджаренными: они следят за направлением ветра и заставляют нас обходить опасные зоны.

Нам рассказали в Джубе, что одна деревня сгорела от неосторожно пущенного пала и при этом погибло несколько жителей.

Из-за этих палов мы ходим с лицами, вымазанными сажей, как у паровозных кочегаров. К счастью, всегда можно отмыться в Ниле, вдоль которого пролегает наш путь.

Километрах в пятидесяти от Джубы на пироге переправляемся на левый берег реки. Местность довольно плотно населена, дичь почти полностью исчезла. Рыбаки с сетями или гарпунами возвращаются домой, женщины поднимаются от реки с огромными кувшинами на голове, их сопровождают дети, которые таким же способом несут тыквенные сосуды (в Африке все носят на голове: мне довелось видеть, как слуга нес своему хозяину почтовую марку на бритой голове; чтобы ее не потерять, он придавил ее сверху камешком). После тяжелого трудового дня с полей возвращаются женщины с корзинами сладких бататов и вязанками-хвороста.

Пользуясь доброжелательным отношением населения, часто заходим в деревенские хижины. Они цилиндрической формы, над глинобитными стенами возвышается остроконечная соломенная крыша. В хижину входят через проем, к которому приделана камышовая дверь. В помещении тщательно прибрано, чисто. В глинобитном полу сделаны углубления,

расположенные в шахматном порядке, — хозяйка держит в них продукты. Вдоль стены выстроен ряд тыквенных бутылей и глиняных горшков всевозможных форм и размеров. К стропилам кровли подвешены дротики, мотыги, гарпуны и рыболовные сети. В глубине, за камышовой ширмой или перегородкой, находится сплетенное из тростника ложе, поддерживаемое на расстоянии сантиметров двадцати от земли четырьмя деревянными круглыми чурбачками. Семьи бари — полигамные. Каждая жена имеет свою хижину. Женщины заняты обычной работой. Одни толкут в деревянных ступах маленькие твердые зерна проса: сильным взмахом они поднимают пестик и тяжело опускают его в ступку. Другие, сидя на корточках, мелют в каменных жерновах рушеное зерно, затем просеивают муку.

Крестьяне показывают нам житницы, которые у них называются "гугу". Это объемистые, сплетенные из ивы корзины, установленные на сваях на высоте одного метра над землей и прикрытые соломенным козырьком. Корзины тщательно обмазаны коровьим пометом или, на худой конец, глиной. Чтобы уберечь свои запасы от крыс и других грызунов, местные жители обвивают сваи, поддерживающие гугу, колючками. Каждая семья владеет четырьмя или пятью гугу. В них складывают просо, кунжут, из которого делают масло, маниоку, арахис, бататы, бобы, чечевицу — одним словом, все то, что выращивается в каждом хозяйстве.

Встреча с колдуном, вызывающим дождь

Однажды на просяном поле мы увидели старика, расположившегося возле небольшого святилища, сооруженного из тростника и обнесенного загородкой. Вид у старика был довольно странный: на бедрах

висела козья шкура, на груди болтался амулет, сделанный из шкуры леопарда, шею украшало ожерелье, сплетенное из слоновой шерсти и украшенное когтем хищного зверя, на запястьях и лодыжках надето множество браслетов из латуни, голову покрывала шапочка из обезьяньего меха.

— Он — великий вождь по небесной воде, — объяснил нам Аким.

Мы уже слышали о колдунах, вызывающих дождь, но никак не ожидали встретиться с одним из них на просяном поле, у развилки дорог! Распаковав один из тюков, достаю новенький нож и дарю его "великому вождю" в знак дружбы. Исполненный благодарности старик, после положенного обмена любезностями, ведет нас к голому холмику. На нем торчит длинная палка с зарубками, у основания которой — плоские камни. Старик говорит, что это могила его отца — могущественного "заклинателя дождя". В неприязнательности этой одинокой могилы, охраняемой палкой с зарубками, есть что-то трогательное.

Затем возвращаемся на просяное поле, где колдун соглашается показать нам свое святилище. На алтаре лежит несколько жерновов из песчаника, на них — пригоршни камешков: обыкновенный кварц и непрозрачные камни, собранные в руслах рек. Каждый камешек имеет определенное назначение и, очевидно, обладает особыми свойствами.

Мы горим желанием попросить Кони (так зовут нашего колдуна) продемонстрировать его таланты "заклинателя дождя", тем более, что с тех пор как мы покинули Кампалу, т. е. около месяца, его не выпало ни капли. Но, по зрелому размышлению, отказываемся от этой мысли — дело все же щекотливое. Просим просто рассказать, как происходит эта церемония.

После того как торжественный день назначен, колдун прибывает в деревню, пожелавшую "заказать"

дождь, со своими жерновами и камешками. Крестьяне к этому времени приготавливают искупительную жертву — корову, козу или птицу. Жертвенное животное должно быть обязательно черным. Его закалывают и кладут на жернова колдуна, на которых уже лежат мелкие камни и несколько пучков травы. После этого колдун произносит магические заклинания, то воздевая руки к небу и выпрямляясь, то наклоняясь к земле, и обрызгивает святилище водой.

Затем все присутствующие с удовольствием едят мясо принесенного в жертву животного и расходятся, полагаясь на милость небес. Обряд происходит утром и должен вызвать дождь в течение суток. Если дождь не пойдет, дело может обернуться плохо для колдуна. Миссионеры в Джубе рассказали вам о страшной судьбе, постигшей заклинателя дождя Нигуло в 1860 году. Страну бари постиг жестокий голод. Местные жители стали искать виновника бедственного положения. Таковым был признан Нигуло. Он в панике бежал, но ему не удалось скрыться: его обнаружили в зарослях и растерзали, а труп выбросили на съедение хищникам.

Танцы бари

Танцы устраивают на большой площадке, по краям которой растут сикоморы. Посредине располагается оркестр, состоящий из барабанов, металлических пластинок и маленьких гонгов, привешенных к двум кольям на высоте человеческого роста.

Вскоре после захода солнца танцоры и танцовщицы, как местные, так и из окрестных деревень, сходятся небольшими кучками на площадку. У мужчин на голове шлемы из разноцветных перьев. Некоторые (очевидно, знать) накинули на плечи шкуры леопардов. Одни

натерли тело красной охрой, другие припудрились золой, как Пьеро. Женщины надели украшения и целиком выкрасились охрой. Кавалеры и дамы становятся в круг. Старик запекает первый куплет, все подхватывают его. И вот участники танца приходят в движение. Вначале они медленно двигаются по кругу. Голос запевалы звучит со все возрастающей силой, хор вторит ему. Грустные напевы чередуются с веселыми. Танцующие убыстряют темп, хлопают в ладоши, выбивают дробь пятками; при этом звенят бубенчики, гроздьями прикрепленные на ногах. Прибывают все новые и новые танцоры, круг непрерывно расширяется. Музыканты приходят в азарт. Барабанщики бьют в барабаны деревянными палочками, ладонями или даже костяшками пальцев. Этим звукам вторят удары гонгов и дребезжание металлических пластинок. Девушка поет:

Пусть летит к тебе моя нежность,
Дождем рассыпается по твоим плечам,
Мой любимый.

Юноша отвечает:

Гибки твои члены и крута твоя грудь,
В улыбке открываются твои белые зубы,
Приветствуя меня, о любимая!

Затем следует танец женщин, называемый "ниала".

У мужчин к правому локтю привязаны хвосты буйволов — их охотничьи трофеи. Они прыжками приближаются к женскому хороводу и дотрагиваются до своих избранниц привешенным к локтю пучком волос.

Одна из избранных таким путем женщин выходит в круг и поет, в то время как остальные неистово притоптывают пятками:

За мной ухаживает мой жених,
Локер хотел бы на мне жениться,
Моего расположения домогается Тонгун Каке,

А отец мой потешается:
Если б их скот не погиб,
Я бы давно была замужем.

Повернувшись к своему кавалеру, она продол-
жает:
Пригони моему отцу десять коров,
И ты добьешься моих милостей, Джила.

Затем в танец вступают воины:
Неужели, Моди, у нас нет больше оружия
Для битвы, призыв к которой звучит?

Праздник продолжается далеко за полночь. Как во
всех странах света, юноши и девушки поют о любви, а
воины вспоминают былые сражения.

Глава VII. Голые великаны, которые живут в Джубе

В Джубе мы встретили Жана, совершенно оправившегося после болезни и занятого вычерчиванием планов для нашего хозяина квартиры, инженера в департаменте общественных работ. Жан — превосходный чертежник. Инженер в восторге от выполненной им работы и не прочь был бы оставить его на некоторое время у себя. Но у всех нас только одно желание — как можно скорее возобновить путешествие к северу.

— Как обстоят дела с запасными частями для каяка?

— Из Парижа пока ничего нет, — отвечает Жан.

Мы страшно разочарованы. Неизвестно, сколько времени еще предстоит оставаться в Джубе.

Чтобы нас утешить, инженер предлагает поехать с ним на три-четыре дня к границе Конго, в район расселения абукайев, где он собирается инспектировать постройку моста. Это пятьсот километров в оба конца. Такую возможность упускать нельзя.

Джуба, насчитывающая тысяч десять жителей, по территории равна Парижу. Широкие улицы с далеко отстоящими друг от друга бунгало скрыты в зелени бугенвиллей.

Проходим мимо обветшалою, с покосившимися деревянными балкончиками здания. К крыше прикреплены флаги: британский и египетский. Египет тут, впрочем, только по старой памяти. Суданом на самом деле управляют английские чиновники, являющиеся полными хозяевами страны. Однако они предпочитают оставаться в тени и приводить в

исполнение свои указания через на вербованных среди местного населения лиц в соответствии с мудрым принципом косвенного управления [\[16\]](#).

В километре от этого здания — широкая площадь, на которой суданские унтер-офицеры с татуированными щеками обучают новобранцев местной полиции. Обучение они сопровождают громкими криками и бранью. Раз-два, раз-два. Тучи пыли. Мы спешим прочь, к рынку. Тут толпится множество народу. Впервые видим нилотов, голых великанов, покрытых серой золой и вооруженных толстыми дубинками. Они собираются группами и сидят на маленьких скамейках, с которыми никогда не расстаются во время своих долгих странствий. На базарной площади Джубы они сидят тихо и неподвижно, находясь целиком во власти каких-то мечтаний.

Нилоты делятся на три основные группы — динков, нуэров и шиллуков. Они живут на заболоченных землях к северу от Джубы. У них большие стада крупного рогатого скота. Это гордые, привыкшие к независимости люди. Миссионеры могут похвастать лишь очень небольшим числом обращенных в христианство нилотов.

Продолжая прогулку по Джубе, попадаем в торговый квартал. Тесные ряды лавок жмутся к самому Нилу. Большинство из них принадлежит арабам.

В странах Восточной Африки 80 процентов торговых операций сосредоточено в руках выходцев из Индии. Однако в Судане лавочников индийцев совсем нет. Здесь торговлю ведут арабы в тюрбанах и белых одеждах. Кроме того, в этой стране много мелких торговцев греков родом из Каира и Александрии, обремененных большими семьями. Они живут очень скромно, мечтают скопить денег и когда-нибудь возвратиться на родину. В Судане язык суахили,

который мы уже начали осваивать, уступает место арабскому, господствующему далее вплоть до Средиземного моря. К сожалению, этот язык имеет множество диалектов, и между арабским языком Судана и Египта больше разницы, чем между французским и итальянским. К счастью, всюду в учреждениях говорят по-английски. Вскоре мы отправляемся путешествовать в страну абукайев. Об этой поездке у нас сохранилось неприятное воспоминание, отнюдь не по вине самого народа, ее населяющего. Мы опрометчиво не захватили с собой полог-палатку, и нас все ночи напролет буквально пожирали комары, не давая сомкнуть глаз до утра. Настоящий кошмар. Весь день клюем носом — состояние мало подходящее для ознакомления с краем. Наше единственное утешение — отсутствие мухи цеце: оказывается, это страшное насекомое не водится на юге Судана. По возвращении в Джубу узнаем, что из Парижа прибыли и ожидают нас в таможне запасные части для каяка, пострадавшего на порогах Кагеры. В ту же минуту — сигнал боевой тревоги! Разобранный каяк вынимается из чехла, части его раскладываются на площадке, и Жан, великий мастер по части снаряжения, принимается за дело. Мы в меру своих сил стараемся ему помочь.

Новые встречи с крокодилами и бегемотами

На следующий день все, наконец, готово. Весело относим на пристань три отремонтированных каяка. Джон впервые поднимает на своей лодке шелковый флаг клуба исследователей Лос-Анжелоса, на котором зеленым и красным вышита "Санта Мария" Христофора Колумба. Чтобы не остаться в долгу, мы с Жаном поднимаем трехцветные флажки туристского клуба Франции. Отплываем из Джубы при самых

благоприятных обстоятельствах: течение быстрое, ветра нет.

Мы по крайней мере на месяц опаздываем против расписания, которое наметили себе при отъезде, и нам не дает покоя мысль об остающихся четырех тысячах семьсот восьмидесяти километрах и малом сроке в нашем распоряжении; до лета остались считанные месяцы, а Нубийскую пустыню мы непременно должны миновать до июля, если не хотим погибнуть от жары и песчаных бурь. Делаем подсчет. На календаре уже 30 января, следовательно, у нас осталось меньше шести месяцев.

Ниже Джубы Нил сразу расширяется. На этом участке много излучин и песчаных отмелей, на которых десятками лежат крокодилы. Течение хорошее, около семи километров в час. Однако далее на протяжении более двух тысяч километров Нил течет по ровной местности — Великому суданскому плоскогорью^[17].

За день проходим по пятьдесят-шестьдесят километров. Нажимаем вовсю — привалы сведены к минимуму, ночлег устраиваем только с наступлением темноты. Берега всюду открытые, и найти подходящее место для лагеря нетрудно. По вечерам у нас болят плечи, кисти рук и суставы пальцев. Изрядно вымотавшись, засыпаем как убитые. Ночи проходят спокойно, так как почти повсюду вдоль реки расположились рыбаки или пастухи со своими стадами, и это заставляет крупных хищников держаться на почтительном расстоянии.

Зато бегемотов по-прежнему много, а крокодилы кишмя кишат. Плыдем быстро и иногда застигаем врасплох крокодилов, сгрудившихся на песчаных отмелях, но, как всегда, чудовища не проявляют никакой враждебности и осмотрительно исчезают в глубине вод. Если берега повыше, держимся от них

подальше, так как случается, что крокодилы греются там на солнце и при нашем появлении плюхаются прямо оттуда в реку. Того и гляди — свалятся на голову.

Однажды крокодил сыграл со мной скверную шутку, которую я долго буду помнить. Это случилось недалеко от Джубы. Преспокойно плыву вдоль песчаной отмели, задевая дно веслом. Вдруг резкий удар обрушивается на мой каяк. Меня подкидывает в воздух и чуть было не выбрасывает из лодки, которая при этом сильно наклоняется и зачерпывает бортом изрядное количество воды. Опешив от неожиданности, силюсь поскольку возможно выровнять каяк, но тут второй толчок, такой же сильный, как и первый, но с противоположной стороны. На какое-то мгновение лодка выравнивается, и мне удается удержаться в ней. Атака, продлившаяся всего несколько секунд, так же внезапно прекращается, как и началась. Я оглядываюсь вокруг: нигде ничего не видно, на воде ни малейшего волнения. Вытащив каяк на песок, убеждаюсь в том, что его крышка цела — она великолепно выдержала удар.

Очевидно, лодка наткнулась на крокодила, лежавшего на дне реки. Ударом хвоста он подбросил каяк, словно перышко. Предпочитаю не думать о том, что стало бы со мной, не удержишься я в лодке.

Оказывается, нужно плыть не только подальше от берегов, откуда на голову могут свалиться крокодилы, но и от песчаных отмелей, где животные лежат на дне.

В дальнейшем такие столкновения происходили неоднократно и всякий раз оканчивались благополучно — мы отделялись испугом. Сомнительно, чтобы эти встречи доставляли удовольствие и самим крокодилам.

Бегемотов, порой также причинявших нам неприятности, очень много в реке. В этом районе течение Нила быстрое, поэтому мы появляемся из-за

поворотов неожиданно, не давая бегемотам времени спрятаться.

Как-то мы вплыли в протоку, где островки и отмели почти загородили течение, оставались свободными лишь узкие рукава. Уже стемнело. Торопясь добраться до поста, указанного на наших картах, и как всегда слепо уверенные в своей счастливой звезде, идем хорошим ходом. Вдруг у выхода из излучины оказываемся перед стадом бегемотов, расположившихся посреди протоки. Животные заметили опасность одновременно с нами, поднялись на ноги и повернулись в нашу сторону со злобным хрюканьем. Как ни привыкли мы к бегемотам, но сейчас изрядно струсили. Да и нельзя не испугаться при виде огромной морды с пастью, вооруженной клыками, изогнутыми, как бивни. Стараемся притормозить. Что делать? Справа стена папирусов не позволяет пристать к берегу, слева — островок, также огородившийся барьером из папирусов, посредине — бегемоты. Остается попытаться осторожно проплыть мимо них как можно ближе к берегу. Впрочем, раздумывать нет времени — течение с каждой секундой приближает каяки к стаду.

Джон — впереди, и мы, затаив дыхание, следим за ним. Несколько бегемотов встали при приближении его каяка, угрожающе разинув пасти и подняв волну, которая может перевернуть лодку. Однако Джон продолжает продвигаться, чуть-чуть подгребая и держась вплотную к папирусам. Животные принимают все более угрожающие позы. Уж не хотят ли они броситься на каяк, нарушивший их уединение? Тогда Джону — крышка. Он невозмутимо продолжает плыть, осторожно направляя ход лодки веслом. Ну, право же, он молодец. Бегемоты в страшном волнении. Они ныряют и, выставив морды из воды, дышат, как кузнечные мехи, так что брызги летят во все стороны.

Нам начинает казаться, что стоит Джону сделать неосторожное движение и они накинутся на него. Но пока животные остаются на месте, и наш товарищ, который уже прошел три четверти расстояния мимо них, ускоряет ход и минует стадо.

Видим, как он быстро удаляется и скоро исчезает из виду.

Теперь очередь Жана. Он в это время перебрался на другую сторону, к островку, где находится еще не потревоженная часть стада. Но тут его постигает худшая из неудач: каяк попадает на песчаную отмель и застревает. Бегемоты справа от него, метрах в десяти. До меня доносится сочная ругань Жана. Он быстро выходит из лодки, сталкивает ее в более глубокую воду, вскакивает и гребет энергичными взмахами, задевая дно и рискуя погнуть дюралюминиевые лопасти весла. Все это происходит под носом у разъяренных бегемотов, оглашающих воздух своим хрюканьем.

Нахожусь метрах в десяти позади Жана. На мне нет сухой нитки. Не захотят ли раздраженные бегемоты отыгаться напоследок на мне? Сжимая изо всех сил рукоятку весла и призывая всех святых, гребу, стараясь держаться на одинаковом расстоянии от песчаной отмели и бегемотов, что отнюдь не так просто. Животные напуганы не меньше моего, но не отваживаются напасть. Найдись среди них хоть один старый ворчун, и наша песенка на Ниле была бы спета. Но и на этот раз отделяемся только испугом.

Миновав острова, снова оказываемся на широком водном просторе, и это позволяет нам сохранять надлежащую дистанцию между каяками и нашими толстокожими приятелями. Усердно гребем. Вот вдали уже успокоительно мигают огоньки жилья: это Мангалла.

Первое знакомство с динками

На следующий день на берегу собираются динки, число их непрерывно растет.

Остроконечные соломенные хижины динков выделяются маленькими золотисто-желтыми пятнами на сером фоне равнины. Динки поселились здесь недавно. Сейчас как раз сезон, когда пастухи покидают свои постоянные селения внутри страны, где в это время почти нет воды, и перебираются со стадами к берегам реки. Пироги динков стоят в заливчике неподалеку. Причаливаем к ним, шагаем по тяжелым деревянным лодкам, составившим мост до берега, и высаживаемся.

Динки сбегаются со всех сторон, кучкой собираются вокруг нас.

— Вот и мы, вот и мы, — приветствуем их.

— Ну что же, вот и вы! — хором отвечают динки.

— Это мы, — продолжаем дружно.

— Это вы. Да хранит вас небо!

— ЭИ вас также.

Оказывается, существует около тридцати формул такого рода, которыми следует обменяться, прежде чем начинать с динками разговор на какую-либо тему. Миссионеры, встреченные нами на реке, выучили нас некоторым из них.

— Зная приветствия, вы всегда выйдете из положения, — сказали они. — Главное, не забывайте говорить их и ждите, чтобы вам ответили. Динки народ чрезвычайно вежливый.

Пользуемся каждой встречей, чтобы обогатить свой словарь и усовершенствовать произношение, но оказывается, у каждого племени новые приветствия, и наша задача не из легких. Сперва мы встречаем динков, затем нуэров, потом наступает очередь шиллуков. Все эти три группы нилотов говорят на разных, но родственных языках. Нам случалось перепутать

приветствия, но эти парни настолько поражены появлением трех необычного вида белых в их стране, что не обращают на наши ошибки ни малейшего внимания.

Динки * теснятся вокруг нас, словно мы ярмарочное чудо. Одни приподнимаются на носки, другие приседают и, вытягивая шею влево и вправо, оглядывают нас со всех сторон. Некоторые рискуют к нам притронуться, осторожно, кончиком пальца. Неграм не очень-то нравится наша белая кожа, она им кажется выцветшей и мертвенно-бледной, как у покойников. И это несмотря на то, что за три месяца, проведенных под африканским солнцем, мы стали черными, как мавры. Их очень забавляют наши волосатые ноги. Ведь у них самих кожа на теле гладкая, и они не могут себе представить, чтобы оно зарастало волосами. Не знаю, как они удержались, чтобы не начать их у нас выщипывать.

Динки народ высокорослый. Большой рост (в среднем метр восемьдесят сантиметров) характерен для всех нилотов вообще. Но они кажутся еще более высокими, чем на самом деле, потому, что худощавы и конечности у них очень тонкие.

Динки большие охотники до украшений. У подростков талия перетянута поясами, сделанными из белых и красных бус. У женатых мужчин на руках и ногах надето множество металлических браслетов и колец из слоновой кости, украшенных пучками слоновьих волос. Металлические браслеты, надетые на руку (от локтя до плеча) еще в детстве, не снимаются никогда и, сильно мешая кровообращению, вызывают заметную припухлость предплечья. Однако это как будто несколько не стесняет динков.

Некоторые мужчины выбривают голову и покрывают ее золой или коровьим пометом. Другие выбривают только виски, а курчавые волосы на макушке мажут

красной охрой, смешанной с коровьим маслом или другим животным жиром. Этот вид прически распространяет аромат далеко не из приятных — к нему нужно привыкнуть, но, уверяю вас, перестанешь ощущать его довольно скоро. Впрочем, все эти запахи быстро развеивает широкое дыхание суданской саванны.

И бритые и небритые головы украшаются: одни обматывают голову нитками стеклянных бус, другие надевают убор из многоцветных перьев.

Странное впечатление производит ряд выпуклых бугорков и шрамов у большинства динков над бровями. Операция, при помощи которой создается это украшение, чрезвычайно болезненна. Ее осуществляет искусный "лекарь". Он сначала наносит на кожу надрезы согласно заданному рисунку, сильно варьирующемуся у разных племен и в зависимости от социального положения пациента. Делают сплошную линию, ряд точек либо параллельные черточки. Затем в надрезы вводится раздражающий раствор из трав, который вызывает вздутие кожи и способствует образованию мясистых валиков или бугров, порой значительных размеров. Это настоящие искусственные опухоли. Нам говорили, что "лекари" умеют регулировать развитие этих опухолей, но пока что ни одна попытка узнать, как они это делают, не увенчалась успехом, так как они ревниво оберегают тайну своего искусства.

Женщины у динков куда менее кокетливы, чем мужчины. Представительницы слабого пола разгуливают в небольших передниках. Девушки пренебрегают и этой одеждой. Зато на шее они носят целые коллекции красных и белых бус. Такая манера одеваться просто восхитительна.

Пастухи

Динки — скотоводы. Еще в древнем Египте корова считалась священным животным и осталась таковым у современных нилотов. По существующему у них обычаю женщины обмывают всю кухонную утварь коровьей мочой. Это не мытье в подлинном смысле этого слова, а ритуальное очищение. Так же динки очищают и своих детей: мать подставляет новорожденного, тотчас же как он появился на свет, под струю мочи коровы. Таким же образом предохраняют раны от заражения.

На мясо коров не режут. В пищу употребляют только молоко. В торжественных случаях, например на свадьбах, коров приносят в жертву и мясо их съедают, но делают это с сожалением, как бы извиняясь. При этом с самым серьезным видом они говорят: "Мой живот доволен, но сердце и глаза печальны".

Известны случаи, когда во время голода динки предпочитали умереть среди своих стад, чем питаться говяжьим мясом.

Таковы наши друзья динки - всегда очень вежливые и милые с нами.

А все же, что думают о нас эти нильские великаны? Однажды через миссионеров (наших всегдашних услужливых переводчиков) мы задали им такой вопрос.

— Они считают вас сумасшедшими и не верят, что вы белые, — перевели нам ответ миссионеры. — Когда им случается видеть белых, те всегда сидят в огромных трескучих машинах, которые движутся сами по себе. Вы же появляетесь на крохотных суденышках, гребете и потеете, как каторжники, и при этом продвигаетесь, как черепахи. Это им непонятно. Но принимают они вас охотно, потому что не боятся.

Вот преимущество путешествия по Африке в каяке.

Глава VIII. У нуэров

Третьего февраля утром мы достигли Бора. Отсюда начинались болота — область Сэддов.

Расстояние в сто шестьдесят километров, отделяющее это селение от Джубы, мы прошли при благоприятном течении и ветре за три с половиной дня. В среднем мы преодолевали по сорок пять километров в день. Это наш лучший результат за все время пути.

Бор — небольшой административный пост. В период половодья его почти целиком заливают водой. На языке динков "бор" означает наводнение.

От одного чиновника узнаем, что на реке нередки несчастные случаи.

Как раз накануне бегемот, вероятно раздраженный незадачливым охотником, напал на лодку, проплывавшую недалеко от него. Это была долбленка длиной десять метров. Бегемот раздавил ее одним ударом челюстей вместе с находившимися там двумя местными жителями. Четыре других пассажира успели выпрыгнуть из лодки. Трое из них утонули, и только одному удалось избежать ярости животного и добраться до берега.

Этот рассказ заставляет нас призадуматься. До сих пор мы недоумевали, почему местные жители так боятся бегемотов. Эти славные животные вовсе не опасны, думали мы, разве что немного раздражительны. Теперь начинаем понимать, что лучше держаться от них подальше.

Собираем сведения о Сэддах. По-арабски "сэдд" означает "пробка". В самом деле, это пробка Нила, закупорившая его для всех путешественников, поднимавшихся вверх по реке. Вспоминаем рассказ о двух центурионах, посланных императором Нероном на

поиски легендарных истоков Нила. Им удалось, при содействии царя Нубии, подняться очень далеко к югу. Они достигли, наконец, огромных болот, жители которых "не знали и не надеялись когда-нибудь разведать их пределы. Это сплошные топи, заросшие травами, по ним нельзя пробраться даже на лодках". Так впервые стало известно о "пробке".

Сэдды простираются на пятьсот километров с севера на юг и достигают в самом широком месте восьмисот километров. Считается, что общая площадь этих болот составляет около шестидесяти тысяч квадратных километров — территория, равная озеру Виктория. Сэдды вместе с Бахр-эль-Тазалем являются, вероятно, самым обширным заболоченным пространством мира. Происхождение их объясняется ровным рельефом Суданского плоскогорья: на сотни километров нет ни одного холмика. Воды Нила не находят стока, они разливаются, распространяются вширь, не встречая нигде препятствий, и образуют лабиринт рукавов, протоков и лагун. Полагают, что Нил теряет в Сэддах три четверти своей воды. Деревья здесь редки, если не считать кустов амбача, из губчатой древесины которого местные жители делают поплавки для охоты на бегемотов.

Зато папирусы, камыши и всевозможные водяные растения встречаются в невероятном количестве, они развиваются очень интенсивно во влажной и теплой среде. В половодье от берегов отрываются куски земли с массой растущей на них растительности. Ветры, дующие почти непрерывно, подгоняют эти плавучие острова вниз по течению, загромождая и перегораживая рукава реки и тем самым все время изменяя ее облик. Лодкам грозит серьезная опасность быть раздавленными между такими островами.

В 1900 году англичанину Малькольму Пику удалось установить более или менее надежное сообщение по

Сэддам, но и он не смог определить русло Нила. В распоряжении Пика находилась целая армия местных жителей, прорубивших мачете девятнадцать растительных барьеров. Некоторые из них достигали в длину нескольких километров. Другие были столь плотными и широкими (до семи метров толщиной), что их взрывали динамитом. Понадобилось два года, чтобы завершить этот поистине титанический труд.

Последняя драма в Сэддах произошла в 1936 году, когда сеть болот была еще плохо изучена. Пароход, шедший в Джубу, зашел в протоку, из которой не было выхода. Он успел пройти около тридцати километров, прежде чем капитан обнаружил свою ошибку. Но было слишком поздно. Плавающая растительность сжала судно со всех сторон. Когда подоспела помощь, все двадцать три члена экипажа умерли от голода.

Под впечатлением этих рассказов начинаем понемногу сдаваться. Отказываемся от прохождения в каяках самого опасного участка болот (до озера Но) протяженностью около четырехсот километров.

Отправляемся в путь по Сэддам на пароходе "Реджаф", который делает последний рейс в этом сезоне. Тяжелый пароход лавирует между берегами, огибая илистые мели и рискуя каждую минуту застрять. С разбегу он заплывает в прибрежные заросли, и, стоя на верхней палубе, мы развлекаемся, хватая обеими руками папирусы и камыши. Застигнутые врасплох, крокодилы, виляя хвостами, поспешно скрываются в густой растительности.

На пароходе суматоха. Чрезвычайно озабоченный лоцман через рупор выкрикивает команду. Матросы носятся вдоль фальшбортов. Вот машина заработала полным ходом, плиты заднего колеса завертелись чаще. Громко зашелестели папирусы, и пароход, освободившись, выплыл на чистую воду. Спустя короткое время, повторяется то же самое. Слышно, как

плицы заднего колеса с грохотом скребут дно. Гортанный крик кормчего. Задний ход. Трещат раздавленные папирусы и тростники. Пароход, раскачиваясь, как пьяный, и вибрируя всем корпусом, с новым азартом устремляется вперед. Мы теперь понимаем, почему он весь окован железом. Без этой предосторожности корпус не выдержал бы долго. Экипаж все время начеку.

С мостика, на котором мы проводим большую часть дня, открывается вид, утомляющий своим однообразием. До горизонта простирается Суданское плоскогорье, покрытое зарослями папируса, камышей и умсуффа. Небольшие вкрапления открытой воды. Монотонность этого унылого пейзажа нарушают рассеянные тут и там по равнине стада буйволов и слонов.

Ночью берега, поросшие растительностью, темной лентой тянутся перед глазами. В свете месяца поблескивают треугольные стебли папирусов. Темноту ночи во всех направлениях бороздят бесчисленные светящиеся насекомые.

Однообразный гул машин и прерывистое дыхание колеса, без усталости черпающего воду, заглушают звуки животного царства болот.

Мы с сожалением вспоминаем о наших каяках, не нарушающих таинственных шорохов ночи.

Прибыв на озеро Но, мы покинули "Реджаф", чтобы возобновить плавание на каяках.

Озеро Но образовано слиянием Белого Нила и реки, длина которой полторы тысячи километров; причем три четверти своего пути эта река течет среди непроходимых болот. Она называется Бахр-эль-Тазаль, или Река газелей.

Чтобы добраться до следующего поселения — Малакаля, нам предстоит пройти около ста пятидесяти километров. Большая часть этого участка Нила

расположена в зоне Сэддов. Однако русло реки здесь уже не трудно определить.

Озеро Но интересует нас главным образом потому, что здесь живут нуэры. Однако за те дни, что мы провели на озере, мы, к сожалению, встретили их очень мало. Время от времени видим пастухов или рыбаков на берегах лагун, образованных Нилом, уровень которого продолжает падать. Они стоят в позе голенастых птиц, на одной ноге. Это их манера отдыхать, когда они пасут скот или занимаются рыбной ловлей.

Рыба кишит в заросших лотосами лагунах, как в огромных садках. При спаде воды она попадает как бы в западню. Рыбаки наготове — через короткие промежутки быстрым и резким движением они мечут в тину гарпуны, затем за веревку вытаскивают их обратно. Они действуют вслепую, но благодаря обилию рыбы лов всегда оказывается удачным.

Некоторые рыбаки охотятся с пирог: гарпунщик находится на носу, гребец — на корме лодки. Мы видим, как кто-то выудил крупную рыбу-кошку, и она бьется на дне лодки.

Болотистые пространства, по которым мы продвигаемся, населены бесчисленными перепончатопальцами, куликами и другими водяными птицами: тут марабу — горбатые, зобастые, линючие, откровенно уродливые; жабиру — длинные, голенастые, с ярко-красными лапами и клювом и еще множество разных птиц, каких мы уже встречали на Ниле.

Единственный раз посчастливилось нам увидеть китоглава — редкую и странную голенастую птицу с огромным клювом обтекаемой формы, похожим на днище лодки. Рост ее — около метра, и, так же как и марабу, она зобаста, горбата и наполовину голая. У нее пепельно-серое оперение, большие, круглые, ласковые глаза. При нашем приближении она открывает и закрывает их с удивленным видом, словно хочет

сказать: "Не трогайте меня. Я не желаю вам ничего дурного. Я не злая". Эта птица водится только в болотах Сэддов. Ее внешний вид настолько забавен, и встречается она так редко, что зоологические сады платят за нее бешеные деньги, до миллиона франков.

В этом необычном крае живут нуэры, отгороженные болотами от остального мира. Это неизбежно привело к исключительному своеобразию уклада их жизни, свойственного только им и их соседям — другим нилотам.

Следует подчеркнуть, что нуэры не располагают ни одним из материалов, которые легли в основу человеческих цивилизаций, — у них нет ни дерева, ни камня, ни металла!

Так, нуэры не выдалбливают лодки из ствола дерева, как это делают повсеместно в тропической Африке: в их болотах нет больших деревьев, и они мастерят пироги из крепко соединенных друг с другом кусков дерева или пластов коры.

Нуэры, населяющие эти районы, почти не носят украшений. Они делают себе на обеих щеках ряд параллельных надрезов, на месте которых остаются рубцы. Тело нуэры посыпают беловатой золой, которая спасает их от комаров — этого подлинного бича болот Сэддов.

Английский пресвитерианский миссионер, проживший много лет в стране нуэров и превосходно ее знавший, рассказал нам очень подробно, как проходит у них свадьба.

— Дело было в январе, — начал он свое повествование. — Дожди прекратились два месяца назад. Пастбища покрывала густая трава, и не было надобности далеко угонять скот в поисках корма. У Дара, моего хорошего знакомого, был взрослый сын Луал. Подошло время женить Луала и надо было думать о подготовке свадьбы.

"Сын завтра на рассвете отправится в соседний крааль, — сказал Дар. — Там есть девушка, которая ему нравится".

Отец добавил, что ему известна родословная родителей красавицы и что нет никаких запретов, которые могли бы препятствовать свадьбе^[18].

Луалу было около двадцати двух лет. Он отличался довольно открытым характером. С некоторых пор Луал усердно посещал танцы, пользующиеся большой популярностью у нуэров. Знал я и крааль, о котором шла речь: он отстоял километров на двадцать от дома Дара. Мне давно хотелось познакомиться со свадебными обрядами нуэров, поэтому я решил на следующий день сопровождать Луала.

Ночь я провел вместе со всеми около костра, в который периодически подкладывались дрова и помет. Хижина настолько наполнилась дымом, что было трудно дышать. Таким образом мы спасались от комаров.

На зорьке мои соседи зашевелились. Они рассыпали по земле теплую золу из очага и стали в ней валяться. Это предохраняет от укусов комаров на весь день. Я последовал их примеру и натер золой лицо и руки — способ оказался очень действенным. Покончив с утренним туалетом, мы пустились в путь.

Луал отправился не один, а в сопровождении лучшего друга, будущего посредника во всех переговорах. У обоих было по браслету из слоновой кости на запястье, а в руке — трехметровое копье. Сначала мы плыли в лодке, затем высадились на берег и пошли по тропинке, едва заметной в траве. Когда показался крааль Ниадинг — так звали девушку, — Луал мне сказал: " Подожди меня здесь, отец".

Он и его друг исчезли в кустах. Я знал, что они отправились на поиски девушки, пасшей, вероятно, вместе со своими сверстницами поблизости коров.

Прошло довольно много времени, прежде чем Луал вернулся.

"Теперь пойдём, пора", — весело произнес он.

Крааль родителей Ниадинг состоял из десятка конических хижин, крытых соломой. В нём жило около шестидесяти человек, все кровные родственники. Имелось три загона для скота. Луал провел нас к самому большому загону, около которого уже собрались родственники невесты. Все церемонно друг друга приветствовали, затем расселись на земле. Переговоры начались.

Луал говорит, что он намерен жениться на Ниадинг, он только что с ней виделся, девушка согласна, и теперь он хочет выслушать мнение её семьи. Ему не дают, конечно, никаких обещаний. Однако осведомляются о поголовье его стада. Луал молчит: ему не подобает самому касаться столь щепетильного вопроса. Отвечает его друг. Родные невесты, видимо, удовлетворены и соглашаются продолжать переговоры.

Мы тотчас покидаем крааль, поскольку Луал не должен задерживаться в месте, где живет его нареченная,— это вопрос приличий. Возвратившись домой, Луал советуется с родней. Они длительно обсуждают подарки, которые придется делать будущей родне. Дар объявляет, что отдаст черноголовую белую корову с теленком и самого красивого быка из стада. Затем дяди Луала перечисляют свои взносы, после них — остальные члены рода, причем каждый соразмеряет дар со степенью родства с Луалом. Набирается около пятнадцати голов крупного рогатого скота — их впоследствии распределяют между родственниками невесты по такому же признаку родственной близости с ней.

Три месяца спустя мне посчастливилось, — продолжал рассказывать миссионер, — присутствовать при обряде ларсинг — церемонии передачи скота семье

невесты (нечто вроде помолвки). Как и в первый раз, Луал в сопровождении друзей на заре отправился в крааль своей нареченной. Они гнали скот, выделенный для подарков родне невесты. Главным козырем был великолепный бык с рогами, украшенными кистями. Достигнув крааля, молодые люди с пением обошли вокруг него. Остановившись возле хижины матери Ниадинг, пропели песню в ее честь.

К этому времени на площадке перед краалем собралось много народу, обе семьи в полном сборе. Принесли барабаны. Начинаются танцы, длящиеся до захода солнца.

Отец Ниадинг велит привести быка из собственного стада. Старший дядя невесты закалывает его, произнося соответствующие случаю заклинания.

Подруги Ниадинг хлопчут у костров: пекут лепешки, варят пиво из проса, готовят для гостей мясо.

Пиршество продолжается всю ночь. Поют песни, танцуют. Утром Луал берет веревку и забрасывает ее в хижину будущей тещи. Та прекрасно понимает в чем дело: ей предлагают пожертвовать гостям корову. Этими дарами семья Ниадинг отвечает на подношения со стороны семьи жениха. Тем самым невеста не оказывается проданной за несколько голов скота: она свободно выходит замуж после принятия обеими сторонами ряда взаимных обязательств. Спустя несколько недель после ларсинга происходит нгут — первый свадебный обряд.

В течение всего времени между ларсингом и нгутом обе семьи продолжают деятельно вести переговоры. Родне Луала приходится прибавить еще несколько голов скота, чтобы удовлетворить запоздалые притязания какого-то дальнего родственника Ниадинг, доказавшего свои права ссылкой на генеалогическое древо.

Пока старшие занимаются всеми этими делами, Луал не теряет времени. При всякой возможности он старается повидать невесту. Однако обычаи требуют, чтобы он приходил в сопровождении друзей, а Ниадинг принимала его в присутствии подруг.

В день нгут вся родня Луала перекочевывает в крааль Ниадинг, и церемонии возобновляются. Одна из главных состоит в том, что та и другая сторона публично оглашает свою генеалогию для доказательства отсутствия родства между обеими семьями.

Через восемь или десять дней происходит мут, обряд, завершающийся фактическим браком. Но и он еще не знаменует окончательного соединения четы. В глазах нуэров союз считается состоявшимся лишь после рождения первого ребенка.

Луал отправляется за Ниадинг в ее крааль. К его приходу невеста надевает самые лучшие украшения и натирает тело маслом. Ее мать варит просяное пиво. Все поют и танцуют, происходит обмен подарками. И, наконец, Луал с большой пышностью уводит невесту к себе. Невеста, находясь у жениха, должна проявлять крайнюю застенчивость. Она должна делать вид, что впервые познает мужчину, хотя нравы у нуэров настолько свободны, что именно этого практически никогда не случается. Молодая может быть даже беременной или овдовой к моменту выхода замуж — это не имеет никакого значения, поскольку девственность у нуэров расценивается не как физический факт, а как социальный. Невеста девственна по отношению к новому супругу. Брак, который она собирается заключить, как бы возрождает ее девственность.

На следующий день утром приносится в жертву еще бык — как видите, свадьба недешево обходится семьям

нуэров. На этот раз быка должен дать отец Луала, так как церемония происходит у него.

Последний обряд состоит в бритье головы Ниадинг. Это означает, что ее положение изменилось. Она стала супругой и тем самым вошла в другую семью.

Однако брак все еще не вполне завершен. Пока не родится ребенок, Ниадинг продолжает жить у своих родных, куда она возвращается на другой же день после свадьбы. Теперь ее родители отводят ей отдельную хижину.

Луалу разрешается посещать жену, но тайно, в сумерках, когда все расходятся по домам. Рано утром он должен покинуть ее хижину так, чтобы никто его не заметил. Таков обычай.

В обеих семьях с большим волнением ждут появления первого ребенка. Отсутствие его может расстроить все дело. Луал имеет право отречься от бесплодной жены, и в этом случае скот, подаренный женихом семье Ниадинг, будет возвращен. Однако у Ниадинг рождается мальчик, и обе семьи безмерно довольны.

Едва оправившись после родов, Ниадинг принесла показать ребенка мужу. После этого она проводит несколько дней в его доме, а затем возвращается к родителям. Ее окончательное водворение в супружеском доме происходит лишь после того, как она кончила кормить ребенка.

Луал строит жене и сыну хижину. Ниадинг своими руками воздвигает перед дверью маленькую глинобитную стенку в знак того, что теперь она по-настоящему у себя.

Товарищи помогают Луалу соорудить загон. Отец дает ему несколько голов скота, чтобы он начал разводить собственное стадо. Молодая чета отныне должна жить самостоятельно.

Конец болотам

Неподалеку от Малакаля, (который мы проплываем в середине февраля, кончаются болота. Река в этом месте становится широкой, берега — плоскими. Тут и там красивые купы деревьев. По-прежнему много обезьян, крокодилов. Однако стада бегемотов встречаются все реже.

Вечером в Люле заходим в католическую миссию. Нас встречает веселый голландский патер. На следующий день посещаем его владения. Позади часовни вытянулись в ряд маленькие цилиндрические хижины из красного кирпича.

— Вы видите эти хижины, — говорит нам патер. — Они предназначены для моих вдов.

Немеем от удивления — вдовы патера?

— Нет ничего проще, — объясняет он нам. — Здесь, когда умирает человек, его брат или дядя наследуют не только его достояние, но и его вдову. Вдове это не всегда по вкусу. Некоторые из них приходят искать убежище в миссии. Они знают, что найдут здесь приют и защиту. Я стараюсь подыскать им мужа-христианина, и тогда все устраивается.

Святой отец представляет нам несколько заплаканных вдов, старых беззубых матрон, стыдливо завернувшихся в покрывала.

В пути знакомимся с католическими миссионерами и протестантскими пасторами всех национальностей — итальянцами, англичанами, ирландцами, американцами, голландцами, реже французами. Европейские пасторы принадлежат к старой школе; они бедны, живут в ветхих помещениях, равнодушны к лишениям. В Малакале нас поразили епископ в шортах и белой сорочке. Лишь по небольшому кресту на шее мы признали в нем миссионера. Сначала мы приняли его за молодого местного чиновника.

Совсем иначе обстоит дело с американскими пасторами. Благодаря поддержке своих богатых организаций, они устраиваются со всеми удобствами, обзаводятся приемниками, коллекциями пластинок, у них нет недостатка в книгах. Создается впечатление, что они живут тут временно и занимаются этим делом так, между прочим.

Я и сейчас точно вижу перед собой Патрика, молодого пресвитерианского пастора из Бостона, в темных очках с золотой оправой, одетого с иголки, ангельски кроткого и такого недоступного для местных жителей.

Весь день 21 февраля в лицо нам дул свирепый ветер с севера. Мы в изнеможении. Трудно себе представить, как тяжело часами бороться с встречным ветром на реке. Весь день сидим скрючившись в лодочках нагнувшись вперед всем телом, как велосипедисты на своих машинах, чтобы уменьшить сопротивление ветра. Продвигаемся как черепахи, хотя и гребем изо всех сил.

За день прошли не больше двадцати километров, т. е. значительно меньше, чем средняя норма, которую мы для себя установили.

Нельзя сказать, чтобы пейзаж был способен поднять наше настроение. Кругом безнадежно ровная местность. Река пустынна. Мы не встретили здесь и двух пирог. Берега окаймлены густыми папирусами и камышом. Тут и там виднеются силуэты пастухов-шиллуков, но у нас нет сил, чтобы выйти из каяков и подойти посмотреть на них поближе. После такого дня мы невольно задаем себе вопрос — хватит ли у нас упорства выдержать до конца?

Появились большие стаи нильских гусей, бесчисленные колонии диких уток, аисты, пеликаны и целые сонмы маленьких куликов. Вид разнообразных птиц, тысячами рассеявшихся друг возле друга или

летающих над водой, развлекает нас и помогает коротать часы.

Удачным выстрелом Джон убивает нильского гуся и с торжеством показывает его мне издали. Ну что же, еще не все потеряно! Начинаю обдумывать наше вечернее меню.

Около девяти часов вечера мы замечаем на берегу мигающие огоньки. Это стан шиллукских пастухов. Тут мы и остановимся на ночлег. Пастухи ужинают: они едят своеобразную похлебку из дурры, в которой сварены головы усатой рыбы; ею буквально кишат все лагуны Нила.

Коровы находятся в загоне, сооруженном неподалеку от костров; слышно, как они ударяют копытами о землю и пережевывают жвачку.

Как ни неожиданно наше появление, на шиллуков оно не производит большого впечатления. Они поглядывают на нас, не двигаясь с места.

Спокойно принимаемся каждый за свое дело.

Жан и Джон ставят палатку, я готовлю ужин. Трофей Джона оказывается великолепным: гусь в меру упитан. Решаю его потушить с луком, прибавив мизерную толику маргарина — из меня понемногу вырабатывается настоящий кулинар.

Подхожу к одному из костров со своими котелками. Пастухи отодвигаются в сторону. Мальчик любезно нагребает мне углей, на которых я начинаю тушить гуся.

Жан и Джон все еще возятся с палаткой, которую нелегко поставить в темноте. Как и каждый вечер, раздается брань нетерпеливого Джона: он не то запутался в веревках, не то споткнулся о корень или не может найти один из колышков. И опять, как каждый вечер, ему на помощь приходит Жан и терпеливо доводит дело до конца. Потом слышится лязг и стук металла. Это из оранжевых полотняных чехлов

вынимаются наши раскладные металлические кровати. Джону редко удается справиться и с этим, требующим терпения делом. К счастью, Жан опять вмешивается. Если бы не он, мне не часто доводилось бы спать в постели.

Наши друзья-шиллуки по-прежнему невозмутимы, но чувствуем, что они пристально за нами наблюдают. Разговоры прекратились.

На следующий день странное появление трех белых будет живо обсуждаться на более многочисленном собрании, и год нашего посещения запомнится надолго. Через двадцать пять лет шиллуки будут говорить: "Вы знаете, это было в тот год, когда по Нилу проплыли трое сумасшедших".

Благодарим пастухов за их доброжелательный нейтралитет, предложив им полный котелок сладкого чая. Он обходит по кругу, и каждый со вкусом делает несколько глотков драгоценного напитка.

Фашода

Приближаемся к Фашоде, испытывая сильнейшее любопытство. С этим названием связана целая эпоха, еще не слишком далекая от нас. Мы проскочили бы мимо, даже не заметив этого места, если бы не скромная надпись, прибитая к источенному червями столбу в конце заброшенной пристани.

Кодок (Фашода) находится вдали от реки. Это небольшое селение, насчитывающее несколько сот жителей. Тропинка, вьющаяся по зарослям, приводит нас к строению, на фасаде которого полустертая надпись: "Маршан, 1898". Вот единственное воспоминание, которое мы увезем о Фашоде. Едва различимая лаконическая надпись — свидетельство эпопеи Маршана, англо-французского соперничества в Африке.

В декабре 1898 года Китченер, только что подавивший восстание махдистов в Судане, спешно отправился на кононерке на Верхний Нил. Ему стало известно, что французская военная экспедиция, проникшая из Конго несколько месяцев назад, расположилась у начала Сэддов и заключила соглашение с вождем шиллуков в Фашоде. То была экспедиция Маршана. Именно ему удалось это невероятное предприятие. В сопровождении тридцати трех белых и пятисот сенегальцев Маршан преодолел болота Бахр-эль-Газала, более обширные и предательские, чем сами Сэдды.

10 июля 1898 года он вышел к Нилу у Фашоды и там закрепился. Спустя некоторое время у Фашоды появился Китченер, который привел с собой тысячу восьмьсот суданских солдат и сотню шотландцев. У Маршана к тому времени осталось всего двести сенегальцев.

Англия не собиралась допустить, чтобы французы укрепились на Верхнем Ниле, в пункте скрещения путей между английскими владениями в Африке от Каира до мыса Доброй Надежды.

Китченер расположился в пятистах метрах от лагеря своего противника и приказал поднять напротив французского трехцветного флага... флаги Турции и Египта. Разыгрывая невинность и стремясь в то же время присоединить к Англии новые территории, он прикрывался авторитетом хедива Египта, владеющего Суданом с 1820 года, а также турецкого султана, номинального сюзерена Египта.

Из Парижа пришли инструкции. Французское правительство, не желая идти на конфликт с Англией, уступило.

Убитый этим, Маршан покинул Фашоду 1 декабря 1898 года. Он гордо отказался от транспортных средств, предложенных его отряду англичанами,

направился на восток, пересек Абиссинию и через несколько месяцев вышел к Джибути.

Шиллуки

Шиллуки, чьей скромной "столицей" является Кодок-Фашода,—близкие родственники нуэров и динков.

Одеждой шиллукам служит короткий кусок материй, завязанный на плече. Это придает им античный вид. Зато они любят сложные прически. У некоторых волосы сплетены в форме полумесяца; эта операция требует длительных и терпеливых усилий.

Когда мы прибыли в Фашоду, шиллуки готовились к празднику танца по случаю полнолуния.

Праздник должен был состояться на берегу реки, за селением. К концу дня сюда стали стекаться маленькими группами жители соседних деревень. Женщины держатся в стороне — чувствуется, что они веселы и возбуждены.

Тела шиллуков покрыты красной охрой, на груди золой нарисованы большие белые круги. Множество всевозможных украшений — разноцветных птичьих перьев, ожерелий, браслетов, стекляшек. Дротики, копья, парадные щиты из бегемотовой кожи — чего только нет!

Едва солнце скрывается за горизонтом, как тамтамы бьют сбор, покрывая глухими звуками шумное оживление толпы. Танцоры становятся в большой круг так, что против каждого кавалера находится дама.

Круг трогается. Мужчины и женщины медленно повертываются, подпрыгивая на носках, словно выполняют гимнастические упражнения. Тела, раскрашенные в красное и белое, ритмично двигаются под удары тамтамов и звяканье бубенчиков на ногах. Танцоры, возбуждаемые криками женщин и военным кличем распорядителей танцев, постепенно убыстряют

темп. Внезапно хоровод останавливается как вкопанный. Женщины отходят в сторону, а воины вызывающе оглядывают друг друга. Неожиданно они срываются с места и, потрясая оружием и щитами, громко крича, начинают военный танец.

Давно наступил вечер. Комары принимают все более деятельное участие в празднике. Как нам ни хочется остаться, мы вынуждены ретироваться в маленькую хижину для приезжих, предоставленную в наше распоряжение на ночь.

Глава IX. Двенадцатый градус северной широты — демаркационная линия между югом и севером Судана

До Хартума, столицы Судана, остается восемьсот километров, на этот путь нам придется затратить около трех недель. Здесь мы станем свидетелями полной метаморфозы страны — пейзажи Северного Судана в корне отличны от пейзажей Южного. Вид самого Нила совершенно иной. Теперь реке словно хочется отдохнуть после приключений молодости. Покончено с болотами, где она терялась и утрачивала силу, с беспрестанными изменениями направления, с глубокими ущельями, куда устремлялись стесненные воды, с пенистыми порогами, на которых река грохотала с дикой силой, заставлявшей нас восхищаться, а нередко и трепетать. Нил становится мирной и величавой рекой и медленно несет свои воды на север по почти прямому руслу.

За двенадцатой северной параллелью облик Судана изменился окончательно. Болота сменили степи и пустыни. Бегемоты исчезли. Папирусы уступили место финиковым пальмам. Вместо высоких нилотов мы видим малорослых суданцев с очень смуглой кожей, одетых во все белое, мусульман до мозга костей.

Со своих каяков, удобнейших наблюдательных постов, мы будем день за днем следить за этими поразительными превращениями.

Вот несколько записей из моего путевого дневника:

23 февраля. Сорок километров против ветра. Ночью прибыли на пост Детвок. Несмотря ни на что,

продвигаемся вперед. Преодолеть за день как можно больше километров — наша главная задача.

Наблюдали за бесчисленными стаями птиц на песчаных отмелях и илистых топях, образованных спадом воды. Нам все-таки попало несколько бегемотов, но река так широка, что мы, очевидно, с ними не столкнемся. В болотистом месте заметили небольшое стадо слонов. Теперь они встречаются очень редко.

24 февраля. Отплыли поздно. Ночь спали плохо из-за комаров, неизвестно каким образом проникших в наш полог-палатку. Чувствую себя порядочно разбитым после вчерашнего перегона. Джон хромает — у него нарываюи царапины на ноге, кроме того, распухли кисти рук, но он не жалуется и раздражается, когда с ним об этом заговаривают.

По-прежнему дует встречный ветер. Стемнело. Выбившись из сил, причаливаем к берегу, не достигнув поста Мелут, до которого уже совсем недалеко. Для ночлега выбираем бухточку, защищенную деревьями. Сотни птиц, приютившихся там до нас, поднимаются в воздух, поливая нас вонючим пометом. Приходится купаться в реке и чистить полотняную обшивку каяков. Перебираемся подальше от деревьев. С наступлением сумерек ветер сразу стихает.

25 февраля. Прошли Мелут утром. Суданские чиновники нас успокаивают — северный ветер скоро прекратится. По времени он должен бы уже спастъ, но пока продолжает дуть нам в лицо и в конечном счете в тысячу раз опаснее бегемотов и порогов: он может заставить нас отказаться от нашего предприятия.

Папирусов почти не видно. Берега плоские и покрыты высокой травой. На большом расстоянии друг от друга тут и там разбросаны по степи легкие хижины; иногда издали доносятся звуки рожка.

Плывем вдоль берегов, красиво окаймленных лесом. Нередко они украшены группами пальм разных видов (дум, рафии, масличных, дикорастущих, финиковых)

Привлеченный галдежом, поднятым ватагой обезьян, причаливаю, выхожу на берег и проникаю в густой кустарник. У подножия дерева лежит небольшой узел, дротик и кусок вощины с медом, только что вырезанный в улье диких пчел. Владелец всего этого находится на вершине столетнего дерева, занятый ограблением другого улья. Он орудует голыми руками, и я не могу понять — как он ухитряется уберечься от укусов пчел? Устремляюсь к берегу, чтобы предупредить товарищей о своей встрече. Однако, когда мы уже втроем возвращаемся к дереву, там нет ни человека, ни его вещей. Очевидно, местный житель, обеспокоенный моим появлением, предпочел скрыться.

26 февраля. Затишье все еще не наступило. Северный ветер дует с безнадежным постоянством. Однако и мы упорно рассекаем веслами воду на реке, покрытой барашками. У Джона кисти рук по-прежнему пухнут и болят. Что делать? Не можем не двигаться дальше, ведь кругом почти пустынная местность.

С нетерпением ждем наступления вечера. Уже знаем, что в это время ветер регулярно стихает и Нил становится зеркалом, по которому легко скользят наши каяки.

В этот час все речные птицы — жирные нильские гуси, дикие утки, цапли, ибисы и серые журавли — покидают песчаные отмели, где проводят весь день под палящим солнцем, и укрываются в чаще. На фоне заката вереницы ибисов, легко узнаваемых по их длинному изогнутому клюву, напоминают зерна четок, а аисты образуют в небе огромную римскую цифру пять.

Солнце быстро скатывается к горизонту, озаряя реку и степь последними пылающими отблесками. За несколько минут рыжеватое небо, исчерченное

красными, синими и фиолетовыми полосами, темнеет, и сразу же наступает ночь.

Оживление дня сменяется великим покоем. Из степи доносятся звуки запоздалых пастушьих рожков. Слышно, как вдали позванивают колокольчики коров...

Один за другим зажигаются огни — огни деревень, огни рыбачьих становищ и пастушьих костров. Местность, которая казалась нам пустынной, оказывается населенной. В этот вечер жители запалили степь, и высокая трава пылает, потрескивая и отбрасывая красные отсветы: они пляшут на нильских водах, как огромные блуждающие огни.

27 февраля. За весь день не видели ни одного бегемота. Что ж они, так и покинут нас, не попрощавшись?

Небезынтересно отметить, что некогда бегемоты встречались по всему Нилу. Солдаты Бонапарта, высадившись в Египте, видели их в болотах Дельты, и вполне вероятно, что еще лет тридцать назад они водились севернее Хартума.

Все более густая заселенность берегов Нила людьми, искусно владеющими огнестрельным оружием, заставила бегемотов отступить на несколько тысяч километров к югу. Мы это наблюдали и можем подтвердить, что толстокожие животные полностью исчезли к северу от двенадцатой параллели. Точно так же отступили за эту параллель и папирусы, обильно произраставшие в энтичные времена в дельте Нила [\[19\]](#).

Ветер неожиданно спал в полдень, значительно раньше, чем обычно. Мы пошли хорошим ходом и смогли остановиться на ночлег как только стало смеркаться. Уже давно нам не удавалось этого делать.

28 февраля. Событием дня оказались стреноженные верблюды, пасшиеся в степи. Это первые встреченные

нами верблюды — мы подошли вплотную к новому миру.

Нил сделался менее однообразным, его течение образует большие излучины, и мы постоянно меняем свое положение по отношению к ветру: он дует нам то в лоб, то сбоку, но увы, никогда не подгоняет- с кормы!

На берегах высокая трава уступает все больше места колючим кустарникам, приютившим множество птиц. Стайками они вылетают из кустов при нашем приближении, таинственно скользят над степью и, описав круг, возвращаются к насиженным местам, едва мы минуем их.

Видели больших варанов, невероятно проворных ящериц, достигающих двух метров длины. Они неподвижно лежат на ветвях акаций на берегу реки, но при нашем приближении мгновенно скрываются из глаз, так что даже невозможно уследить, куда они спрятались.

Исчезли лагуны, местность становится засушливой. Солнечный свет стал настолько ослепительным, что его трудно выносить без темных очков.

1 марта. Ренк. Начальник поста угощает нас, по обычаю гостеприимства, чаем. Это—суданец с ритуальными рубцами на щеках, одетый в военный костюм цвета хаки. Он подтверждает, что ветер с севера скоро прекратится. По его словам, это должно было произойти несколько дней назад. Очень уж нам не везет!

В Ренке имеется отделение связи, пост жандармерии и несколько правительственных контор, размещенных в зданиях самого примитивного стиля, выстроенных из красного кирпича.

Не задерживаясь здесь, устремляемся дальше. Надо торопиться.

2 марта. Показались первые нильские фелуки. Их большие треугольные паруса видны издали. Эти лодки

возвещают о нашем приближении к Северному Судану.

Рыбачьи фелуки на Ниле придают реке более обжитой вид. Народы с севера во все времена доходили до этих мест, но не могли проникнуть дальше. Сэдды служили непреодолимой преградой. У нас впечатление, точно мы покинули таинственный фантастический мир и вступили в страну, чуть ли не с детства знакомую.

Немного позднее заметили стоянку рыбаков, сильно отличающуюся от виденных до сих пор. Несколько рыбаков хлопчут у развешанных на кольях вдоль берега огромных плетеных решеток, на которых рыба вялится под палящим солнцем. Это уже не нилоты, а суданцы из Омдурмана. Они ловят рыбу артелями. Рыбаки поднимаются по Нилу в фелуках, используя северный ветер, очень устойчивый в это время года — в чем мы убедились на собственном горьком опыте,— в течение нескольких месяцев ловят сетями, затем с грузом вяленой и соленой рыбы возвращаются в Омдурман, подгоняемые ветрами, дующими в обратном направлении.

3 марта. Над полупустынной степью возник не большой скалистый кряж — Эль-Гебелейн, что значит "Две горы". Это первая возвышенность, которую мы увидели на протяжении сотен километров.

У подножия скал стоят в шахматном порядке грубо сложенные глинобитные дома кубической формы. Можно различить несколько пальмовых рощ, песчаные дюны. По дорогам трусят ослики с седоками в белой одежде, тюрбанах и остроносых туфлях. Поодаль — скромная мечеть, купол которой скрывается в зелени акаций. На берегу Нила — поля, где растут овощи и дурра.

4 марта. Первые песчаные дюны, поросшие мясистыми растениями и колючим кустарником. На водопое у реки большое стадо верблюдов. Сотни

животных, заполонивших берег на протяжении нескольких сот метров, стоят вплотную бок о бок и жадно утоляют многодневную жажду. Задние, желая поскорее припасть к воде, напирают так, что головная часть стада оказывается погруженной в реку.

Вытянув шею и уткнув морду в свежую влагу, верблюды пьют без конца; иногда они поднимают голову и с удовлетворенным видом стряхивают воду с губ. Утолив жажду, они облегчают переполненное брюхо, и струи Нила уносят маленькие катышки помета, которые рыбы тут же алчно начинают оспаривать друг у друга.

Верблюды, точно настоящие передвижные цистерны, способны, как нам говорили, поглотить за короткое время около ста литров воды. У животных, поднимающихся от реки, брюхо раздуто, как бурдюк.

Наше приближение заставляет их приподнять головы. Животные обращают к нам огорченные взоры, затем принимаются отчаянно реветь, видимо, не оценив оригинальности зрелища. У верблюдов вид возмущенных старых дев. Удаляемся на почтительное расстояние, так как вовсе не собираемся вступать с ними в спор: эти старые девы могут всполошиться и вызвать на реке опасное для наших каяков волнение.

Однако сигнал тревоги дан. Стада коз и овец, благоразумно расположившиеся поодаль, задвигались, явно придя в волнение. Затем звучно заревели ослы, задрав головы с опущенными ушами, — такое впечатление, словно заработали старые ржавые насосы. Эти звуки — довольно приятная "симфония" над притихшими просторами Нила.

Пастухи жестами приглашают нас пристать. Это суданцы. Старики одеты в белые галабии. У молодых торс обнажен, а вокруг бедер — короткая повязка, сколотая между ног. Они очень удивлены, увидев нас и наши лодки на своей реке. Вопросы так и сыплются, но

наше знание местного наречия арабского языка настолько ограничено, что разговор сам собой обрывается. Мы смогли все-таки понять, что они пригнали стада от эфиопской границы, с обширных пастбищ, а теперь поведут их небольшими перегонами вдоль Нила до Омдурмана.

Пока мы знакомимся, подросток успел подоить верблюдицу и возвратился с калемасой, полной молока. Пожилой человек, по-видимому старший среди пастухов, протягивает ее нам двумя руками. Сосуд чрезвычайно грязен, и я не поручусь, что он служит только кружкой, но с нашей стороны было бы неучтиво отказываться от приветственного дара, и мы по очереди стоически пьем это имеющее сильный привкус верблюжье молоко.

5 марта. Ветер немного стих. Пользуемся этим и нажимаем на весла. Джону стало легче. Опухоль на кистях заметно спала. Жан гораздо лучше переносит последствия своего гаймарита в этом сухом климате. В целом можно сказать, что мы удовлетворительно выдерживаем испытание.

Нам хочется скорее добраться до Хартума, столицы Судана, до которого осталось еще более четырехсот километров.

На песчаном берегу несколько человек занято починкой фелуки. Их просторные белые одежды и тюрбаны резко контрастируют с очень черным цветом лица.

Энергично жестикулируя, они приглашают нас остановиться и приветливо встречают, что нам очень приятно.

— Фаддаль, фаддаль, располагайтесь. Добро пожаловать.

Мы подплываем, высаживаемся, пожимаем им руки, восхищаемся их работой. Они пользуются

металлическими инструментами, но скрепляют доски строящегося судна при помощи нагелей.

Нас усаживают на циновки в тени гурби и приглашают выпить три обязательных для арабского гостеприимства стаканчика чая.

Этот горячий, очень сладкий, ароматный и любовно приготовленный в маленьком металлическом чайнике напиток — сущий дар небес. Можно пить его не переставая, настолько сильна жажда в этом сухом и жарком климате.

Отъехав немного дальше, слышим скрип первых водочерпалок — сакие. Эти оросительные сооружения напоминают нории Средиземноморья, однако еще более примитивны. Большое колесо, к которому прикреплены горшки, окунается в реку, вычерпывает оттуда воду и затем выливает ее в канавки из утрамбованной земли. Эти водочерпалки имеют довольно сложное устройство, состоящее из шестерен и шкивов, смонтированных без единого гвоздя, без единой металлической части при помощи дерева и веревок. Машина приводится в движение волами или верблюдами, которые ходят на площадке по кругу. Их подгоняют вооруженные прутьями мальчишки, усевшиеся на дышле и осыпающие бедных животных градом ударов.

При нашем появлении все останавливается. Крестьяне растерянно смотрят на нас. Мальчонки проворно скатываются с берега и заходят в воду, чтобы разглядеть нас поближе. Затем они возвращаются по уши мокрые, карабкаются на свои насесты и сильно хлещут животных, заставляя их тронуться с места. Возобновляется непрерывный и медленный скрип колеса — теперь он будет слышаться на реке весь день, а иногда и ночью. На орошенных таким способом берегах Нила — поля дурры, гороха и бобов. Низко склонясь к земле, с мотыгами в руках работают

женщины. На них длинные черные, доходящие до пят покрывала, но лица открыты.

Часто видим, как они, стирая на берегу, украдкой следят за нами, но тотчас отворачиваются, едва мы начинаем на них смотреть или намереваемся сфотографировать.

Пользуясь отсутствием ветра, продолжаем плыть даже в самый солнцепек. Полдень. Зной нестерпимый, но у нас в голове одна мысль: как можно скорее добраться до Хартума. В настоящий момент он манит нас своими огнями сильнее, чем Париж или Нью-Йорк

Местные жители спешно покинули берега Нила, поля, водочерпалки: все попрятались в тень, под деревьями или в тростниках. Все, кроме нас.

Когда же и нам становится невтерпеж жариться на солнце, вытаскиваем свои каяки на песок, при этом дикие гуси и утки поднимают невероятный крик, точно мы собираемся их резать. Сняв с себя то немногое, что служит нам одеждой, с наслаждением погружаемся в прохладные воды Нила. Только это и помогает выдерживать зной.

Сегодня мы шли удовлетворительно: пройдено километров сорок-сорок пять. Хорошо бы придерживаться такой нормы изо дня в день!

Останавливаемся до захода солнца, соблазненные чудесным песчаным пляжем, окаймленным мимозами и лугом с густой травой. На песке нежатся зеленовато-коричневые, как окрестный пейзаж, крупные вараны и черепахи. Последние ныряют в реку с быстротой, какую никак у них не заподозришь, а вараны молниеносно исчезают в чаще.

Расположившись на облюбованном месте, решаем спать под открытым небом, а не в палатке. Местность настолько сухая, что комары как будто совсем исчезли.

Жан раскладывает наши кровати. Джон отправляется с ружьем на поиски дичи, а я готовлю вечернюю трапезу.

Джон все больше становится похож на Робинзона. У него такая же борода, такой же несложный костюм и те же удачи на поприще добычи пищи.

Джон внимательно изучает следы пресмыкающихся на песке. Нам видно, как он опускается на колени, что-то разыскивает, поднимается, останавливается и всматривается, пока не скрывается от нас за поворотом отмели.

У Джона, великого следопыта, очевидно, есть кое-что на примете.

Еще не совсем стемнело, когда он вернулся и, торжествуя, преподнес мне в своей бойскаутской шляпе штук тридцать шариков для настольного тенниса. Это черепаши яйца, которых вполне достаточно, чтобы приготовить хороший омлет. Яйца совсем свежие. Сказать, что мы отменно попиrowали — было бы преувеличением, но омлет вполне съедобен. Джон даже нашел, что блюдо имеет привкус икры, я же про себя подумал, что оно скорее пахнет дымом от костра, на котором приготавливалось.

Во всяком случае это блюдо внесло разнообразие в обычное меню и пользовалось огромным успехом даже у Жана, который вообще не имеет своего мнения в вопросах кулинарии и ест одинаково невозмутимо и молча все, что я ему ни подаю. Мы уже лакомились жареной саранчей у бари на Бахр-эль-Гебеле, ели поджаренных термитов у баганда, дурру с подливкой из вареных муравьев у нилотов, но еще никогда не пробовали омлета из черепаших яиц. Теперь мы удовлетворены сверх ожиданий.

В этот вечер мы впервые за много времени чувствуем во время сна нежное дуновение прохладного ветерка, который нам хотелось бы ощущать в течение

дня вместо беспощадного северного ветра, сделавшегося нашим главным врагом с тех пор, как нас перестали терзать комары.

Растянувшись на своих алюминиевых ложах, долго еще созерцаем усеянный звездами небесный свод, красоту которого не опишешь никакими словами. Кажется, Псикари, офицер, прошедший всю жизнь в пустыне, сказал, что созвездия тропической ночи словно притягивают к себе человека. Это очень верно. Испытываешь чувство, будто расстаешься с телесной оболочкой и уносишься в бесконечное пространство, затем витаешь в глубокой синеве небес, ненадолго задерживаешься на серпе луны, переносишься от звезды к звезде по тверди, сверкающей мириадами огней, скользишь по туманностям, пока не погружаешься в прозрачную ткань Млечного Пути. Грезим с открытыми глазами, теряясь в таинственном мерцании светил, а когда становится свежо, забираемся в спальные мешки и погружаемся в сон.

Мои звездные сны нарушает громкий храп, и я просыпаюсь. Звуки доносятся с койки Жана, у которого дыхание затруднено гайморитом. Но усталость валит меня, и я тотчас же засыпаю.

6 марта. Поутру ветер возобновился с новой силой. Плыдем по реке, покрытой барашками. Жан учит нас с Джоном держать лопасть весла так, чтобы уменьшить поверхность сопротивления ветру, но тем не менее мы продвигаемся со скоростью улитки, ползущей по капустному листу. Мы с досадой смотрим, как убийственно медленно проплывает мимо нас берег. Вот скрипучая сакие, потом скала, понемногу сползающая в реку, фелука с надутыми парусами, хорошим ходом идущая нам навстречу, снова скрипучее колесо сакие... Решительно, этому не будет конца!

День начался плохо. Джон неудачно повернул лодку бортом к волне и опрокинулся. Хорошо, что это

произошло в десяти метрах от берега, на неглубоком месте.

Мой фотоаппарат, который я ему только что передал, выкупался, так что до Хартума он выбыл из строя. Выудив поплывшую по реке кладь Джона, решаем остановиться в бухточке и дожждаться более благоприятной погоды.

Ветер не дает нам выбраться почти целый день. Это тем более досадно, что мы рассчитывали к вечеру достигнуть Кости, значительного центра перед Хартумом. Об этом нечего больше думать.

К концу дня ветер, как всегда, стихает, и мы пускаемся в путь, но наши злоключения еще не кончились.

С наступлением темноты обнаруживаем, что плывем по затопленному лесу. Что бы это значило? Каяки то и дело натываются на пни, залитые водой, и цепляются за ветки, распростершиеся над самой поверхностью реки. Уж не произошел ли внезапный паводок? Но течение очень спокойное, поэтому такое предположение отпадает. Чтобы не продырявить обшивку каяков, решаем сделать остановку. Выбираемся на берег. На этот раз ставим палатку, так как вновь появились комары.

7 марта. Проснувшись, отправляемся смотреть затопленный лес. Низкие берега Нила залиты водой (глубина тридцать или сорок сантиметров). Деревья — колючие, с искривленными суками, покрытыми зеленой листвой. Это свидетельствует о том, что они не всегда стоят в воде. Дело, очевидно, в плотине, регулирующей уровень воды в реке. Вспоминаем о плотине Гебель-Аулия, главном распределителе вод Белого Нила, находящейся в четырехстах километрах на север. На этом участке Нил течет с таким незначительным уклоном, что влияние этой плотины ощущается и за

сотни километров вверх по реке, даже теперь, когда вода в ней не доходит до максимального уровня.

Вновь пускаемся в путь, но держимся середины реки, подальше от пней и сучьев.

Вскоре впереди на горизонте видим линию, перегораживающую Нил. Это металлический мост в Кости длиной пятьсот метров. По нему проходит железная дорога от Кордофана до Красного моря...

Это второй встретившийся нам в пути мост. Первый был в Джинджи, выше водопада Рипон, в двух тысячах километров к югу.

Далее лежит Гезира, где выращивается высококачественный длиноволокнистый хлопок, один из лучших в мире.

Город Кости — крупный речной порт. Это перевалочный пункт между Кордофаном, знаменитым своим производством гуммиарабика, Нилом и Красным морем.

Порт забит крупными судами, и мы решаем не делать здесь привала. Спешим к Хартуму.

9 марта. Уже двое суток как на реке много фелук. Матросы редко упустят возможность дружески нас поприветствовать. Мы отвечаем традиционным "салам-алейкум", которому успели обучиться.

Нам случается плыть вместе с теми или иными судами, идущими в том же направлении, что и мы. Подплыв к фелукам, затеваем разговор, насколько позволяет наше знание арабского языка. На фелуках народ очень любопытный: нам задается множество вопросов — по счастью, почти всегда одних и тех же.

— Откуда ты? — кричит нам матрос.

— Из Эль-Гебелейна, из Малакаля.

Широким жестом поясняем, что прибыли из еще более далеких мест.

— Куда едешь? — кричит другой.

— Кости, Хартум, — и снова жест, обозначающий путь дальше — в Каир, к морю.

— Зачем? Что ты делаешь на реке?

Тут мы в большом затруднении, и я задаю себе вопрос — могли бы мы удовлетворительно объяснить, что делаем на реке, даже если бы знали арабский?

Отделяемся неопределенными ссылками на желание узнать страну, написать книгу. Мужчины важно кивают с таким видом, словно понимают, в чем дело.

Едва мы немного освоились с арабским языком, как стали задавать животрепещущий вопрос: "Далеко ли до следующей деревни?". Это давало нам возможность хотя бы приблизительно определять пройденное расстояние. Наш собеседник, как правило, указывал пальцем на солнце, потом на какую-то воображаемую точку:

— Когда солнце будет там, вы доберетесь.

— У тебя есть рыба?

Обычно она у них есть, и очень хорошая. Подходим, выбираем из кучи и расплачиваемся за нее местными деньгами. Рыбы, купленной на сумму, соответствующую нашим пятидесяти франкам, хватает на хороший обед для всех троих.

10 марта. Мы — в Гезире.

Оба Нила, Белый, по которому мы плывем, и Голубой, спускающийся с Абиссинских нагорий, находятся теперь в ста километрах один от другого, но в четырехстах километрах отсюда к северу, в Хартуме, опять соединяются. Таким образом, обе реки образуют полуостров — Гезиру, который превращен в хлопководческую область ^[20].

Здесь в Нил на определенном расстоянии спущены толстые трубы. Через них вода поступает в ирригационные каналы. Эти насосные станции с

гудящими и сверкающими генераторами рядом со старыми сакие, оставшимися неизменными в течение тысячелетий, дают представление о тех сдвигах, которые произошли за последние тридцать лет.

Под вечер попадаем в гости к суданским хлопковым плантаторам. Они принимают нас в большом одноэтажном доме. Такие постройки типичны для Судана.

Нас вводят в просторные комнаты, меблировка которых состоит из диванов и покрытых чехлами табуретов. В них голо, пусто, холодно. Стены выбелены известью, а на потолке совсем по-деревенски выступают балки, поддерживающие плоскую крышу.

Эти комнаты отведены для приезжих гостей и, по-видимому, редко используются. Помещения для семьи расположены в той части дома, которая не имеет окон. Доступ в них разрешен лишь ближайшим родственникам. Там проводят время женщины, скрытые от нескромных взглядов.

Хозяева пригласили своих знакомых, и вскоре мы оказываемся в обществе двух десятков суданцев, завернутых в праздничные галабии. Они молча к нам приглядываются.

Наши познания в арабском языке настолько ничтожны, что с нами не считают возможным заводить беседу. Правда, хозяева говорят немного по-английски, и пока слуги вносят столики, уставленные сладостями, чашками чая и сигаретами, мы успеваем узнать, что их — три брата и что они владеют обширной хлопковой плантацией.

Затем снова водворяется молчание и похоже, что все потихоньку дремлют. Впоследствии мы узнали, что правила восточного обращения не требуют, чтобы поддерживался непрерывный разговор с гостями, (разве только для него находится действительно важная тема. В странах ислама молчание — золото.

Ну что ж, будем придерживаться правила, не укладываемого в рамки европейской вежливости. Это избавит нас от риска схватить мигрень в напряженных поисках слов на языке, который мы так плохо знаем и "а котором всегда рискуем сказать какую-нибудь двусмысленность.

11 марта. Весь день дул северный ветер, и мы продвигались так медленно, что вынуждены продолжать путь ночью, дабы наверстать упущенное.

Нам не везет. Ветер, как обычно затихший было на закате, принимается дуть с новой силой. Он вызвал на Ниле волнение, и в темноте нам трудно следить за направлением поднятой зыби.

По мере приближения к плотине Гебель-Аулия река все шире разливается по долине. Плыдем между деревьями, залитыми водой. Идти ли нам дальше, рискуя каждую минуту опрокинуться, или попытаться пристать к берегу, не зная, где находится твердая земля? Заметив вдали свет, решаем во что бы то ни стало до него добраться. В продолжение нескольких часов боремся с волнами, держа курс на мигающие впереди огни, которые то и дело исчезают из виду. Находимся посредине большой излучины, и нам начинает казаться, что мы в морской бухте, окаймленной огоньками. Наконец среди всех этих огней, тянущихся вдаль на километры, различаем ярко освещенные окна бунгало. Удваиваем усилия.

Хотя ночь черным-черна, нам кажется, будто впереди вырисовывается темная полоска. Уж не пристань ли это? Джон рядом со мной и, как я, гребет вовсю. Жан исчез. Тщетно зовем его: наши крики теряются в порывах ветра. Слышим плеск волн у дебаркадера. Мы у цели. Пологая набережная позволяет пристать к песчаному берегу. Вопим во всю силу легких, чтобы помочь ориентироваться Жану. Тот

отвечает. Все в порядке. Он с разгона обошел нас, и теперь ему придется возвращаться.

Наши крики взбудоражили местных жителей. Бегут люди с фонарями. Судя по их виду, они приготовились спасти потерпевших кораблекрушение.

Нас заливают набегающие волны. Ноги не слушаются, пальцы, долго сжимавшие весло, затекли и не гнутся. Совершенно измученные мы едва плетемся. Наши новые друзья забирают палатку и тащат нас за собой. Мы оказываемся в комфортабельном, радушном доме, столь же ярко освещенном, сколь только что была черна ночь.

Рассевшись в мягких креслах, подкрепляемся виски и, осаждаемые вопросами присутствующих, число которых на глазах растет, в пятидесятый раз рассказываем про наше путешествие. Потом в свою очередь узнаем, что находимся в Эд-Дуэйме, в двухстах километрах к югу от Хартума. Это не слишком плохо!

Хозяйка дома велит немедленно разбудить повара, и мы; три голодных гостя, вместе с другими приглашенными заканчиваем этот вечер настоящим пиром.

Мы чувствуем себя снова в форме и готовы, если нужно, хоть сейчас отправиться в дорогу, но хозяева уже приготовили для нас комнаты в соседнем бунгало.

Все это как сказка: будто мы внезапно перенеслись во дворец Шехерезады.

14 марта. Ветер продолжает мешать нашему продвижению. Средняя дневная норма пути, которая должна доходить до тридцати — тридцати пяти километров упала бы до десяти, если бы мы не продолжали наше плавание и в ночное время.

Встретили много груженных тюками хлопка лодок, шедших вдоль берега против ветра.

В полдень останавливаемся около сакие, чтобы заснять несколько видов. На песчаный берег

спускаются суданцы, чтобы полюбоваться нашими каяками. Они словно заморожены маленькими белыми суденышками и хотели бы их испробовать в деле. Усаживаем одного из них в каяк, вооружаем его двухперым веслом. Он начинает беспорядочно хлопать им по воде, и вскоре течение выносит его на середину реки. Парень, видимо, окончательно растерялся: каяк так раскачивается, что того и гляди зачерпнет воды и перевернется. Жан вскакивает в лодку и устремляется на выручку. Зрители от души хохочут, но нам не до смеха.

Суданцы тащат нас в свои маленькие глинобитные домики и угощают лепешками из дурры, приправленными острым соусом. Эти лепешки нелегко разжевать, а переварить и того труднее, но отказаться просто невыносимо!

16 марта. Осталось сорок пять километров до Хартума. Впереди уже видна красивая плотина Гебель-Аулия. Горим нетерпением поскорее туда добраться! В длину эта плотина имеет пять километров, в высоту — пять метров. Она образует водохранилище с запасом воды три миллиарда кубических метров. Это одно из главных водорегулирующих сооружений на Ниле. Оно было построено Египтом и для Египта. Орошение Гезире — лишь подсобное назначение плотины Гебель-Аулия, основная же ее задача — давать воду нижнему плесу Нила весной и в начале лета, когда уровень Голубого Нила самый низкий. Тогда постепенно открываются все пятьдесят затворов плотины и водохранилище опорожняется. Спустя несколько недель эта вода приходит к египетским крестьянам, имеющим возможность благодаря Гебель-Аулии и Асуанской плотине не прерывать орошения своих полей.

Более скромную плотину — Сеннарскую — суданцы построили на Голубом Ниле, в ста километрах к зостуку

от Кости [\[21\]](#).

Эти сооружения позволили широко поставить орошение миллионов акров хлопковых полей в Гезире. Суданцы имеют право отводить для себя точно обусловленное договорами количество воды из хранилища в Гебель-Аулии, построенного на их территории, в возмещение потерь от затопления участка, находящегося в четырехстах километрах к югу от Хартума.

В Гебель-Аулии нас уже ждали. Оказывается, из Хартума в последние дни регулярно справлялись о нашем прибытии. За ходом путешествия, по-видимому, следят.

Глава X. "Марсельеза" в Хартуме

Спустя два дня, 18 марта, подплываем к Хартуму. Река здесь очень широка, в русле много песчаных отмелей, на которых сидят небольшие стаи диких гусей. Джон убил две или три птицы, чтобы явиться в Хартум с трофеями. На низких берегах видны поля; на них повсюду работают суданцы — мужчины и женщины. Овощи они перевозят в город на лодках.

Сделав остановку, чистим каяки, у которых все еще очень нарядный вид, несмотря на сто двадцать семь дней пути, тщательно приводим себя в порядок. Жан достает флажки и укрепляет их на носу всех трех суденышек.

Затем трогаемся дальше. Вот на горизонте появляется железный мост на восьми бетонных быках. Он связывает Омдурман и Хартум в точке слияния двух Нил — Белого и Голубого.

Возле моста в дрожащей над водой знойной дымке можно различить несколько расплывчатых белых пятен. Усердно гребем. Пятна растут, и контуры их определяются — у входа в город выстроились сторожевые катера. На одном из них поднят флаг. Это катер генерал-майора Скусса, каида (губернатора) Хартума и главнокомандующего вооруженными силами Судана. Помимо этого высшего должностного лица, посчитавшего нужным лично приветствовать нас в столице Судана, на борту его катера находятся Сайд Салех Щингетти, председатель нового суданского национального собрания, барон Шаброль, издали горячо нас приветствующий, и американский консул из Асмары в Эритрее, бывший проездом в Хартуме, а также

многочисленные представители местных суданских властей.

Журналисты, фотографы и множество любопытных разместились на других катерах и даже на лодочках с подвесным мотором, снующих во всех направлениях по реке.

Мы торжественно проплываем мимо суданской флотилии, гребя как можно быстрее. Катера следуют за нами, сбавив ход, чем пользуются фотографы, щелкающие аппаратами у нас под носом.

Теперь надо быть начеку. В месте слияния зеленоватых вод Голубого и желтоватых вод Белого Нила под хартумским мостом — глубокие водовороты: было бы чрезвычайно конфузно опрокинуться на глазах почтенной публики.

Однако каяки ведут себя хорошо, и мы благополучно подплываем к столице Судана. Выходим на берег сильно похудевшие после столь сурового плавания, мокрые от брызг и пены, поднятых нашими веслами, бешено погружавшимися в воды Нила, но сияющие.

Неожиданно грянули звуки "Марсельезы". Замираем по стойке "смирно". Пусть швейцарский оркестр, проездом очутившийся в Хартуме, несколько вольно исполняет национальный гимн, все равно мы взволнованы. А вот и американский гимн, исполняемый в честь Джона. Комитет по приему все предусмотрел.

Газеты трубят о "прибытии трех путешественников на каяках", и незнакомые англичане, отбросив свою обычную сдержанность, горячожимают нам руки.

Приемы, обеды, коктейли, официальные визиты следуют непрерывной чередой, не давая нам вздохнуть. Шампанское и вина, от которых мы отвыкли за последние месяцы, льются рекой. Пьянеем от славы и спиртных напитков. Все наперебой приглашают нас к себе. К концу нашего пребывания в Хартуме мы с

Джоном гостили у публициста, которого я с удовольствием здесь называю — Мухаммеда Ахмеда Омара. Он приходится родственником старому суданскому вождю Абд-эль-Рахману-эль-Махди, руководителю знаменитого восстания в Судане в конце прошлого века; этот исключительно любезный человек открыл нам доступ в политические круги суданской столицы. Жан оказывается гостем британского чиновника, женатого на француженке, что особенно по душе нашему товарищу, недолюбливающему иностранные языки.

В Хартуме стоит тропическая жара, и Жан раскладывает свою кровать из дюралюминия в саду бунгало. К сожалению, он находится совсем рядом с зоологическим садом города. Импровизированный дортуар Жана отделен от бассейна с бегемотами зыбким тыном, так что по ночам у него полное впечатление, что он опять на Ниле, окруженный грозной ватагой этих толстокожих.

Все в Хартуме интересуются нашими каяками (еще бы!), и нам пришлось проделать на Голубом Ниле несколько водных упражнений, стяжавших дружные аплодисменты.

Несмотря на это, у нас остается чуточку времени, чтобы ознакомиться с городом.

Хартум, Омдурман и Голубой Нил

Столица Судана Хартум — большой и красивый город, с улицами, затененными пышными баньянами, с нижних ветвей которых свисают на тротуар корни. Центр города, с его банками, министерствами, колледжами типа Оксфорда, католическими, протестантскими и православными храмами, соседствующими с мечетями и коптскими часовнями, имеет вполне европейский вид.

Подлинный суданский город Омдурман находится по другую сторону большого моста через Нил. Этот город представляет собой как бы огромный восточный базар с извилистыми улочками, по которым снуют ремесленники, грузчики и бедняки и где купцы в туфлях на босу ногу заключают в полутемных лавчонках сделки на тысячи фунтов стерлингов; счета их в банке заставили бы позеленеть от зависти немало европейских дельцов.

Бродим по этому необычайному городу в сопровождении нашего друга Мухаммеда Ахмеда Омара, заглядывая в крохотные мастерские, где обрабатывают золото, серебро, слоновую кость, кожу варанов, змей и крокодилов, делают деревянные вещицы испытанными дедовскими приемами, изготавливают тонкие ткани и парчу, ворсистые ковры и множество нужных и ненужных вещей, которые найдешь только на восточных базарах.

Затем, повернув на восток, смотрим на воды Голубого Нила, вероятно, самой удивительной реки на свете (к сожалению, мы не можем по ней отправиться!), матери большого наводнения, которое ежегодно приносит Египту плодородие.

Голубой Нил берет начало на высоте двух тысяч семисот метров. Там он зовется Аббаем. Совсем еще юная река впадает в озеро Тана, на Гондарском плато, и, вытекая из него, направляется к югу. Образуя серию порогов и водопадов неслыханной мощи, устремляется она далее по крутым склонам Абиссинского нагорья, вплоть до соединения у Хартума с Белым Нилом.

С июня по октябрь на Голубом Ниле происходит сильный паводок. Он вызывается обильными тропическими дождями, выпадающими благодаря муссонам на эфиопский горный массив. Река, подобно смерчу, без предупреждения обрушивается на равнину. Ее зеленовато-серые воды, почти голубые в сухое время

года, тут, насыщенные илом, приобретают свой характерный коричневый цвет. Именно этот ил в течение тысячелетий удобряет нижнюю долину Нила и Дельту.

В сухое время года, например в апреле, дебит Голубого Нила у Хартума составляет одиннадцать миллионов кубических метров, в июле эта цифра поднимается до ста восьмидесяти двух миллионов, а в августе достигают пятисот миллионов. В декабре дебит снижается до сорока пяти миллионов кубических метров.

В противоположность Голубому Белый Нил не знает подобных резких колебаний, поскольку болота Кьога и Сэдды выполняют роль регуляторов его стока.

Впереди еще три тысячи километров

Мы воспользовались десятидневным пребыванием вХартуме, чтобы подвести итоги путешествия.

За четыре с лишним месяца нами пройдено три тысячи семьсот километров по течению Нила, из них — большая часть на каяках. Мы несколько раз терпели крушение, испытали кое-какие неприятности из-за бегемотов и крокодилов, но в общем-то каждый раз выходили из положения без особого ущерба. Самым большим нашим недругом на последних перегонах был ветер.

Физически мы оказались на высоте. Что до морального состояния, оно всегда было отличным.

До Средиземного моря нам осталось пройти три тысячи километров. Если мы сможем преодолевать в среднем по тридцать километров в день, то нам нужно затратить еще три-четыре месяца. Однако эти три тысячи километров таят для нас много неизвестного. Река перегорожена порогами, о которых мы решительно ничего не знаем, кроме того, что некоторые из них

тянутся на много километров в районе, где река протекает по самой суровой из африканских пустынь — Нубийской.

Один высокопоставленный британский офицер настойчиво советует нам не идти на риск.

— Вы не пройдете Большие пороги, — говорит он, — поверьте мне. Я знаю неистовую силу некоторых из них. Кроме того, вы не найдете на месте никого, кто бы смог вам помочь или дать совет, ведь это пустыня. Придется вам сложить там свои головы. После успеха в Хартуме — похороны в Каире — этого вы, что ли, добиваетесь?

У нас уже накопился некоторый опыт по части таких предупреждений, и мы нисколько не смущены. Нам даже не приходит в голову мысль отказаться от нашей затеи, когда все идет так хорошо.

Глава XI. Большие пороги

Утром 27 марта мы попрощались с городом Хартумом.

Нас пришли провожать на берег Нила многочисленные друзья. Вручаем нашему лучшему другу Мухаммеду Ахмеду Омару благодарственное письмо для тех, кто не смог прийти на проводы. Он в восторге и уверяет нас, что в тот же день опубликует его в своей газете "Судан геральд". Вскокиваем в каяки и отчаливаем. Мы растроганы прощанием с городом, оказавшимся для нас маленьким раем, но сейчас не время для умиления.

И снова впереди неизвестность, почти как в то ноябрьское утро, когда мы простодушно пустились по быстрым и бурным волнам Кагеры. Правда, теперь мы знаем, что делаем, — у нас уже накопился опыт плавания на каяках. Но что нас ждет в пути, который лежит перед нами? Скоро будем в огромной и грозной Нубийской пустыне. Как она выглядит? Каков там Нил? Много ли в этом районе деревень? Там находятся знаменитые пороги, но каковы они? В Хартуме мнения на этот счет так разошлись, что мы не смогли извлечь из почерпнутых сведений ничего полезного.

На современных картах обозначена двадцать одна группа главных порогов, однако об их размерах и структуре сведений нет. Мы возбуждены и встревожены. Воспоминания о крушении на Кагере еще свежи в памяти. Посчастливится ли нам на этот раз?

В каньонах шестого порога

Как известно, в древности счет порогам велся с севера, и насчитывали их всего шесть. Следуя с юга, мы

таким образом, первым встречаем шестой порог.

Начиная от Хартума течение сделалось быстрее, ветер не мешает. Мы набрались сил в столице Судана и исполнены задора: за сорок восемь часов проходим расстояние, отделявшее нас от этого первого препятствия.

Нам известно, что шестой порог неопасный, во всяком случае в это время года, при низкой воде. Удачно, что приходится начинать с решения более легкой задачи: так мы сможем постепенно набить себе руку. Все же держимся настороже и принимаем меры на случай, если порог не окажется таким уж легким.

В первую же ночь теряем Жана. На реке появляется большое количество островов, покрытых густой растительностью, среди которых очень легко заблудиться. Поэтому у каждого из нас в каяке есть почти все, что нужно, чтобы самостоятельно обойтись день-другой. Комары давно исчезли, и полог-палатка нам не требуется.

Находим своего товарища на следующее утро преспокойно гребущим вниз по реке, словно ничего не произошло. Жан объяснил, что, потеряв надежду обнаружить нас, он остановился в прибрежной деревеньке, где его очень радушно приняли. Ночь он провел на песке, рядом с каяком.

Теперь все трое приближаемся к рыжеватым нагромождениям скал, называемым Гебель-Раувияна. Гряда перегораживает дорогу Нилу и заставляет его отклониться на восток. Это и есть шестой порог, который арабы на своем образном языке называют "Шаблука" (желоб).

Разбиваем лагерь неподалеку. Завтра начнем спуск через порог. Утром тщательно увязываем свой груз на дне лодок, укрываем все, что боится воды. Жан и Джон пристегивают полотняные крышки к краям отверстия, где сидит гребец. Эти крышки стягиваются вокруг

талии, так что полость лодки оказывается непроницаемой для воды. Я потерял на порогах Кагеры эту ценную принадлежность и теперь полагаюсь на провидение.

Вход в ущелье очень живописен. Наши каяки всплывают в каньон из разноцветных скал. Господствуют красные, фиолетовые и оранжевые цвета. Но есть и глыбы блестящего черного цвета; вода придала им странные формы — кажется, будто они вышли из-под резца скульптора-футуриста.

Серые линии на прибрежных скалах показывают постепенное падение уровня воды. Несколько выше, над водой, расположены крохотные возделанные террасы, на которых Нил отложил тонкую пленку ила. Местные жители, очевидно, приходят издалека, чтобы обрабатывать их, ущелье кажется совершенно необитаемым. Шаблука, за исключением этих карликовых полей, — сплошное нагромождение скал и песка.

Шум порога до нас пока не доносится. Соблазненные красотой этих диких мест, останавливаемся на ночлег, когда солнце стоит еще высоко в небе. Располагаемся на прибрежной террасе у подножия скал.

На следующий день, рано утром, взбираемся по осыпям на самую вершину гряды. Гебель-Раувияна простирается до горизонта без единой складки. Земля вокруг усеяна каменными глыбами. Отсюда Нил кажется серебряной лентой, вьющейся по дну ущелья. Полотнища густых теней уже легли на скалы противоположного берега.

Плывем дальше. Ущелье порой суживается до нескольких десятков метров, и у нас по обеим сторонам оказываются вертикальные стены скал, затем снова расширяется. Иногда на его склонах видны потоки застывшей лавы. Они чередуются с базальтовыми

"органными трубами", призматическими формациями всевозможного вида, выстроившимися тесным строем. Вот где раздолье для ученого, занимающегося минералогией.

А порогов все нет — мы чуть ли не разочарованы. Внезапно плато опускается, скалы исчезают, и Нил, стесненный на протяжении пятнадцати километров Шаблукой, здесь расширяет свое русло и растекается между сотнями зеленеющих островков и подводных камней. Его берега расступаются, течение ускоряется, река мчится через перекаты, но мы плывем без затруднений, потому что у скалистого порога, через который она несет свои воды, скат пологий и нет ни одного значительного перепада. В половодье тут, очевидно, совершенно иная картина. Быстрота и сила течения, так же как и многочисленные подводные камни, загромаждающие русло реки, делают ее чрезвычайно опасной.

Начало шестого порога Нила к северу от Хартума

Берега покрыты большими растениями с колючками и пальмами. Островки и скалы населены дикими гусями и утками. Их можно настрелять сколько угодно, так как птицы, сидящие сотнями на самом крохотном островке, не обращают на нас ни малейшего внимания. Они лишь поднимают пронзительный крик, который эхо разносит по всей реке.

Миновав этот скалистый порог, вплываем в тихие воды озера, усеянного зелеными островками. Еще очень

рано, и жара не наступила. Солнце яркое, и воздух необычайно легкий: природа словно справляет праздник. Это она отдыхает перед большим наводнением. В вершинах деревьев воркуют горлинки. Черепахи, подняв заостренные головы кверху и крепко уцепившись лапами за скалу, греются на солнце. Время от времени в реку ныряют вараны и крокодилы. Последние значительно меньше своих собратьев на Верхнем Ниле и еще более осторожны, чем те. Лишь изредка нам удастся заметить вдалеке крокодила, готового скрыться в глубине вод при малейшей опасности. Но следов этих животных на прибрежном песке очень много.

Водный оазис, через который мы плывем, — как бы прощание Нила с щедрой тропической природой перед вступлением в зону пустыни. Здесь Нил снова мирно течет вдоль однообразных песчаных дюн.

Шестой порог окончился. Мы не видели ни одного водопада, всего лишь несколько небольших стремнин. Скорость течения очень умеренная, не более шести, максимум семи километров в час. Как раз тип порога, подходящий для новичков.

Первые нубийские развалины

Вступаем на территорию джаалинов. Некогда они были сильным племенем, осевшим на правом берегу Нила. По имеющимся сведениям, у них было войско; воины носили шлемы и кольчуги. Джаалины были истреблены во время восстания махдистов. Центр джаалинов — Шенди, расположен в двухстах километрах севернее Хартума. Это небольшой и очень деятельный торговый городок, куда кочевники пригоняют на продажу верблюдов и откуда караваны уходят вглубь страны.

Первые заслуживающие внимания развалины верхней долины Нила находятся в окрестностях Шенди. До Нагаа и Мусаварата — километров шестьдесят, и мы, конечно, не можем добраться туда пешком.

В Шенди мы первым делом отправляемся на поиски транспортных средств. Нам удается устроиться на военный грузовик. Трогаемся. Дорога погребена под толстым слоем песка. Наша машина неоднократно застревает. Солдаты, вооружившись лопатами и досками, проворно соскакивают и быстро раскапывают колеса грузовика. Видно, что для них это привычное занятие.

Вокруг нас степь, покрытая низкорослыми колючками. Вдали, на юго-востоке, — цепь скалистых возвышенностей. Они видны сквозь знойное марево, дрожащее перед глазами. Горы словно жарятся под палящими лучами солнца.

На шестьдесят километров пути уходит три часа. Кругом бесплодная ложбина с редкими акациями. Несколько верблюдов и коз пасутся поблизости (уж не знаю, что они едят!). И — удивительная вещь! — видим колодец, свидетельствующий о том, что в этом месте некогда жили люди.

Два ослика без усталости тянут веревку, к которой привязана колодезная бадья. За ними наблюдают две молодые бедуйки с черной кожей и голой грудью: они выливают воду из ведра в глиняное корыто, из которого пьет скот.

Надо всем возвышаются развалины Нагаа. Разбитые колонны, остатки обвалившихся стен, скульптуры львов, сброшенные с пьедесталов, груды камня и кирпича говорят о том, что Нагаа представляла некогда внушительный архитектурный ансамбль, который время превратило в прах. Археологи, работавшие здесь, с невероятными трудностями освобождали развалины от засыпавшего их песка, но теперь он снова понемногу их

погребают. Песок — великий хранитель развалин на Востоке.

Далее высится превосходный египетский храм, напротив которого — "портик", по стилю напоминающий римский. Представляющее большую ценность здание обнесено колючей проволокой.

Эти памятники древнего искусства в пустыне, в двухстах километрах к северу от Хартума и в сотнях километров от нынешней египетской границы, невольно вызывают удивление.

Нам известно, что нубийские цари^[22], подчинившие себе Египет в период его упадка, были впоследствии сами оттеснены на юг и укрылись как раз здесь.

Египетский храм Нагаа покрыт барельефами, позволяющими с уверенностью определить его эпоху: он относится к первым годам нашей эры. Хорошо сохранился его главный пилон с изображением нубийского царя Нетекамана и царицы Амантере, приносящей в жертву пленных по образцу древних египтян.

В эпоху Нетекамана и Амантере Рим уже прочно господствовал в Египте, и его влияние распространилось далеко на юг. Этим объясняется существование римского павильона в Нагаа.

У нас, к сожалению, не хватило времени на посещение развалин Мусаварат, точного местоположения которых наши проводники, кажется, даже не знали. Нам вовсе не улыбалось блуждать ночью по пустыне, и мы возвратились в Шенди.

На следующий день — Мероэ. Его развалины были открыты более ста лет назад французским ученым Кайо. Они находятся на берегу Нила, и на этот раз нам не предстоит разрешать никаких транспортных проблем. Развалины ограждены крепкой загородкой и

охраняются старым суданцем. Он водит нас по ним очень охотно, ведь мы первые клиенты за год!

В Мероэ сохранились только фундаменты храмов и дворцов. Кое-где встречаются высеченные в грунте ванны.

В нескольких километрах на восток от Мероэ, на крайнем юге древней Нубии, стоит ряд маленьких пирамид, также хорошо сохранившихся. Это надгробия нубийских царей. В Напате мы увидим некрополи с десятками таких нубийских пирамид, значительно отличающихся от египетских.

Мероэ был метрополией нубийских царей в римскую эпоху. Гордая царица Кандака успешно сопротивлялась римлянам в течение ряда лет, но была побеждена ими в 23 году до нашей эры, укрылась в Мероэ, где и умерла.

Атбара

Плывя несколько дней вдоль песчаных дюн, окаймляющих Нил, мы достигли Атбары, младшей сестры Голубого Нила. Как и он, Атбара стекает с эфиопских нагорий. Предстала она перед нами в виде узкого ручья, через который переброшен бетонный мост. Однако во время половодья Атбара превращается в могучий поток, несущий свои воды в Нил. Отсюда до дельты, на участке в две тысячи семьсот километров, Нил не получает ни капли воды.

На юге Судана выпадают дожди, иногда даже катастрофические ливни, но не в те месяцы, которые мы тут проводим.

На севере Судана и в Египте почти не бывает дождей. В течение трех месяцев, которые нам еще осталось провести на Ниле, мы убедимся в этом на собственном опыте. Здесь вся страна, за исключением берегов Нила, несущего божественную влагу, представляет собой бесплодную пустыню.

Для нас, находящихся на реке, это не слишком опасно, но для путешественников, отправляющихся в глубь страны, отсутствие воды всегда может обернуться катастрофой.

В месте впадения реки Атбары в Нил стоит город Атбара, по виду ничем не напоминающий старые суданские города: новые здания современной архитектуры, красивые улицы, обсаженные баньянами.

Железнодорожные мастерские "Судан рейлуэйз", обслуживающие все железные дороги страны, и цементные заводы — самые значительные предприятия Судана.

9 апреля прибываем в Бербер, древний полуразрушенный город. Целые кварталы, особенно на окраинах, представляют груды руин. Рядами стоят высохшие стволы пальм, оставшихся без поливки. Нас сопровождает стайка маленьких чернокожих суданцев, для которых этот мертвый город, вероятно, отличная площадка для игр.

Менее ста лет назад Бербер был цветущим городом, здесь снаряжались караваны, ходившие в Египет и к Красному морю. Железная дорога, соединившая Атбару с Порт-Суданом и Вади-Хальфой, сыграла свою роковую роль: свела на нет вождение караванов по пустыне. Она сократила также каботажное плавание вдоль Нила, очевидно представлявшее большие трудности в этих пересеченных порогами местах. Можно сказать, что от Бербера вплоть до египетской границы все поселения одно за другим пришли в упадок.

Песчаная буря

10 апреля располагаемся вечером на ночевку на песчаном пляже у реки. Здесь тихо, никого нет, и это неплохо: время от времени хорошо побыть одним. Нас повсюду постоянно приглашают в гости: то

деревенский вождь, который счел бы за обиду отказ переночевать под его старым патриархальным кровом, то

матросы-речники или крестьяне, встретившиеся нам на берегу реки, предлагают нам чай гостеприимства и задают множество вопросов, на которые мы не знаем, как ответить.

Вечером мирно наслаждаемся разлитым вокруг покоем. Свои каяки мы наполовину вытащили из воды и поставили рядом походные кровати. Комаров вокруг нет, и можно обойтись без палатки.

Звездная тропическая ночь всегда восхитительна. После знойного дня — в полдень на Ниле было +47 о по Цельсию — вечерняя прохлада чудесно успокаивает. Смолкло все: плеск реки, бесконечный скрип сакие, пронзительные крики птиц. Не смеем нарушить божественное молчание ночи.

Растянувшись в опальном мешке, чувствуя на лице ласковое прикосновение ветерка, люблюсь небом. Воскресают сонмы воспоминаний, непостижимо далеких, чуть ли не сказочных, так как они относятся к моей жизни в Париже, еще до отъезда в Африку. Думаю о своих родителях, которые с такой тревогой следили за моими приготовлениями и теперь полны беспокойства за благополучный исход нашей длинной поездки. Перед глазами всплывают родительский дом в Энгие, улицы Парижа, концерты и театры, товарищи, женщины... Отмечаю, что мы вполне обходимся без них. В самом деле, мы завели себе очень требовательную любовницу — реку Нил. Понемногу приходит сон.

Около полуночи ветер, до того потихоньку веявший вокруг, резко усилился — на нас налетает песчаная буря. Это грозный "тибли" нубийской Сахары. Песок уже успел густым слоем покрыть наши спальные мешки. Бесчисленные песчинки проникают повсюду: мы дышим

песком, едим его, он заставляет нас плакать, завтра мы, несомненно, будем им мочиться.

За несколько минут песок заполонил все. Буквально задыхаемся, съежившись в мешках. Трепещем при мысли, что нас может окончательно засыпать и похоронить под дюной. Но, к счастью, песок накапливается с одной стороны и сметается с другой. Часы идут..

Мы не спим. Ветер дует с неослабевающей силой. Наши легкие койки из дюралюминия дрожат при каждом порыве. Такое ощущение, словно ураган намеревается подхватить нас с кроватями, и всем снаряжением и унести в пространство. Наконец после наполненных тревогой бесконечных часов забрезжил рассвет. День робко пробивается сквозь окутавшие нас тучи песка. Чувствуем огромное облегчение. Ничто так не будоражит нервы, как ожидание опасности в темноте. Однако радость наша недолговременна. Решаем выглянуть. Небо наглухо затянуто густой серо-желтой пылью, которую ветер крутит в воздухе. Осматриваем лагерь. И о ужас! Два каяка исчезли. Третий лежит на песке, в нескольких метрах от нас. Это лодка Жана. Две другие, по-видимому, унесли волны Нила. Их наверняка опрокинуло, снаряжение пошло ко дну, затем каяки выбросило на берег, или они утонули и утеряны для нас безвозвратно.

Мы ошеломлены — нам уже мерещится конец плавания по Нилу.

Наспех надеваем шорты и отправляемся на поиски. "Гибли" усиливается, и ничего не видно в десяти шагах из-за густой пелены песка, поднимаемого ветром. Мелкие камешки больно стегают по лицу. Песок накалился и проникает во все поры тела. Бредем наугад, нагнув головы, с полузакрытыми глазами, как животные, застигнутые пожаром в саванне. Нам удается вскарабкаться на дюны. Продвигаемся на

четвереньках, вглядываясь в камыши, покрывающие образованные рекой островки.

Джон, зоркий как орел, вдруг испускает радостный крик: на островке, посередине реки, лежит каяк; кажется, он цел. Джон тут же бросается в воду, плывет и скоро возвращается с лодкой: он нашел мой каяк. Это уже победа! Остается отыскать лодку Джона со всем киносьемочным снаряжением.

Я и Джон продолжаем поиски вверх по реке, тогда, как Жану приходит в голову гениальная мысль отправиться вниз по течению.

Пока мы нервничаем, вглядываясь в окрестности до ломоты в глазах, Жан обнаруживает третий каяк, приткнувшийся носом к песчаной отмели, где его захлестывают волны. И эта лодка невредима.

До сих пор не могу понять, как обе лодки, движимые одной и той же силой, были унесены в разные стороны. Во всяком случае они с честью выдержали встречу один на один с бурей и лишний раз доказали свои навигационные качества.

Поиски длились более четырех часов. Трогаемся в путь в полдень. Буря еще не улеглась, и мы бесполезно растрачиваем силы, борясь с ветром. Лучше где-нибудь укрыться и переждать.

Вот как раз небольшая бухточка, в которой сооружен сакие. Причаливаем. Настроение у всех скверное. Жан упрекает нас в небрежности: накануне вечером мы недостаточно далеко оттащили наши лодки от воды, и это едва не привело к катастрофе. Мы с Джоном ссылаемся на песчаную бурю, последствий которой невозможно было предусмотреть. Бесплодные препирательства.

Деревенский ома

Пока шли эти споры, на тропинке, проложенной по прибрежной террасе, появился человек — плотный и круглый суданец лет пятидесяти, завернутый в просторную белую галабию, в тюрбане и туфлях без задников. Незнакомец с достоинством восседает на осле, подгоняя его легкими ударами прутика. Заметив нас, всадник останавливается, слезает с осла и направляется в нашу сторону. Занимаемое этим человеком положение, очевидно, заставляет его чувствовать себя обязанным оказать гостеприимство незнакомцам, остановившимся по соседству с его деревней.

Оставив каяки под "охраной" сакие, следуем за своим ментором через поля, перерезанные арыками, углубляемся в пальмовую рощу, полную прохлады, и, возбуждая всеобщее любопытство, вступаем в живописную суданскую деревню, изрядно засыпанную песком и словно разморенную обилием света и жары.

Вдоль извилистых улочек, тесно прижавшись один к другому, стоят дома, издали напоминая маленькие глинобитные кубики. Когда-то они были выбелены известью, но сейчас все приобрели одинаковый желто-коричневый цвет.

Оказываемся перед большим домом, окруженным высокими стенами. Над входом прибиты три головы крокодилов, похожие на безобразные зевы водосточных труб. Это дом встретившего нас на берегу незнакомца: он — староста деревни (омда). Нас приглашают в зал, всю мебель которого составляют скамеечки, покрытые пылью. Помещение напоминает привокзальный зал ожидания или гостиную деревенского зубного врача. Стены голые. Потолок подпирают грубо обтесанные пальмовые стволы. Это помещение для приезжих гостей, которых, если судить по толстому слою пыли, очевидно, бывает немного в этой деревне. Жилые

комнаты, как и везде в Судане, расположены в задней половине дома, подальше от посторонних взглядов.

Для нас тотчас устанавливают на террасе, где прохладно, три раскладные кровати. Их покрывают одеялами и кладут на них подушки. Тут же вносят ковер и вытряхивают его возле нас, но после песчаной бури нам это нипочем. Бесшумно ступая, появляется расторопный и молчаливый слуга с большим медным подносом. На нем чай — предмет наших всегдашних мечтаний. Это единственный напиток, способный утолить постоянную жажду. Он обжигающе горяч, с наслаждением пьем его маленькими глотками.

Один за другим к омада приходят именитые лица деревни, церемонно кланяются и рассаживаются на скамейках. Их исполненные достоинства жесты и манеры—сама медлительность и серьезность.

Беседовать трудно. Хотя мы и сделали кое-какие успехи в арабском языке, на котором говорят в Судане, однако наши возможности объясняться все еще очень ограничены. Наступают длинные паузы, которые мы изо всех сил стараемся укоротить. Разворачиваем карту Нила, показываем на ней их деревню — это, впрочем, не слишком их заинтересовывает,— достаем семейные фотографии, также не имеющие того успеха, на который мы рассчитывали. Они же не делают никаких усилий, чтобы поддержать разговор. Завернутые в белые одежды, не шелохнувшись, сидят на лавках, предоставляя нам возможность созерцать их немые фигуры. Очень трогательно, но под конец становится скучновато. Нам остается последовать их примеру и молчать. Это сильно упрощает положение!

Так мы и проводим остаток дня, подремывая на лежанках, — после ночных приключений чувствуем себя разбитыми. Один за другим старейшины удаляются. Но к вечеру они снова возвращаются, чтобы почтить своим присутствием вечернюю трапезу.

Впервые принимаем участие в настоящем суданском ужине. Усаживаемся вокруг низенького стола, на котором стоит поднос со всякой снедью. Слуга из медного кувшина льет нам воду на пальцы рук — это тем более уместно, что нам предстоит обходиться без ложек и вилок.

На подносе грома аппетитного вида лепешек — "кессера"; это хлебцы не из дурры, грубые и неудобоваримые, которые в ходу у простых людей, а чудесные пшеничные. Рядом остро приправленное рагу из баранины, много яиц и жаренной в растительном масле рыбы, фиников и других местных фруктов, а также "мулукия". Это неотъемлемое блюдо суданского стола представляет собой зеленоватый бульон, густой и вязкий, сваренный из овощей, напоминающих шпинат. Откровенно говоря, вид у него малопривлекательный. Однако мы быстро к нему привыкаем, как, впрочем, и ко всему остальному.

Прежде чем приняться за еду, приглядываемся к нашим хозяевам. Каждый берет по лепешке, отламывает от нее небольшую толику, свертывает ее, как блин, и начинает вылавливать из блюда то, что ему по вкусу. Разрешается даже вытаскивать приглянувшийся кусок пальцами. Омда, сидящий рядом со мной, пользуется ими усердно и гостеприимно протягивает мне лакомые куски.

На следующее утро нас будит щебетание маленьких птичек, гнездящихся под старой кровлей дома, приютившего нас на одну ночь. Они приветствуют первые лучи солнца и словно уверяют, что жить хорошо. Хотелось бы верить им.

Ветер стих окончательно. Кошмар песчаной бури позади. Пора в дорогу. Омда с сыновьями, его друзья и слуги провожают нас до бухточки, где причалены наши лодки. Я словно сейчас вижу четырех сыновей омда, гордо выступающих рядом с ним, — Ахмеда,

Мухаммеда, Абду и Фарука. Ахмеду страшно хочется сесть в каяк. Пока мы укладываем вещи, он внимательнейшим образом разглядывает лодку и просит разрешения попробовать в ней прокатиться. Было бы нелюбезно ему отказать. Он усаживается. Его широкие развевающиеся одежды свисают за борт, рукава а воде, но он, вооружившись веслом, устремляется на простор реки. Однако его неловкие движения вызывают смех и шутки у присутствующих. Бедный Ахмед теперь рад был бы поскорее причалить к берегу. Спешим ему на помощь и благополучно возвращаем на твердую землю.

11 апреля. Ровно шесть месяцев назад мы начали поездку по Кагере. С тех пор около четырех тысяч километров осталось у нас позади. Впереди еще почти две с половиной тысячи километров. Если проплывать в день по тридцати километров, то нам предстоит провести в дороге три месяца, прежде чем мы доберемся до Средиземного моря.

Сухой климат, в котором мы живем уже больше месяца, благоприятно влияет на наше здоровье. Приступы малярии не повторяются, Жан больше не страдает от гайморита, у Джона восстановилось нормальное кровообращение. Под влиянием жары мы страшно похудели, но чувствуем себя превосходно. Сегодня форсируем пятый порог. Судя по карте, до него осталось около двенадцати километров.

Около одиннадцати часов течение стало стремительнее, и вода, скользящая по камням, забурлила. Быстро приближаемся к первым стремнинам. Русло Нила и на этот раз становится шире, теряясь среди множества островков,— в этом лабиринте приходится все время быть начеку и лавировать. Малейшая оплошность — и, зацепившись за камень, порвешь прорезиненную обшивку каяка или

попадешь в водоворот, а то и на коварный перепад, где неминуемо опрокинешься.

Перепады становятся все выше. Рев воды усиливается. Делаем остановку и приводим себя в боевую готовность. Упаковываем все, что лежит открыто, в мешки, тщательно увязываем их и крепко принайтовываем в углублениях, специально устроенных на носу и корме. В случае крушения эти мешки должны сыграть роль поплавков и не дать каяку потонуть. Решаем держаться как можно ближе друг к другу, чтобы в случае аварии оказывать помощь. Кроме того, троим легче, чем одному, правильно ориентироваться в пути.

Трогаемся, выстроившись гуськом. Каяки мчатся по воде, подпрыгивая на волнах. Иногда задевают каменистое дно или сильно вздрагивают на водоворотах. Однако серьезных препятствий пока нет.

День на исходе, а мы все еще на пороге. Не дав темноте застигнуть нас на воде, останавливаемся, предусмотрительно выбрав для этого большой скалистый остров. Вытащив каяки на берег, осматриваем их днища. Они сплошь в ссадинах от камней. Накладываем на них заплаты, как на обыкновенные автомобильные камеры.

На следующий день раню утром танец на волнах возобновляется. Нам приходится непрерывно отталкиваться веслом, лавируя между подводными рифами. Серьезной опасности пока нет: нам благоприятствует низкий уровень воды в реке. Можно себе представить, какие бешеные потоки устремятся по этим скалам в половодье через несколько месяцев. Тогда, вероятно, тут и костей не соберешь!

Около полудня минуем, наконец, порог. Чтобы пройти его, мы затратили более суток. Общая протяженность порога, по-видимому, значительно

больше двенадцати километров, как это указано на карте.

В конце порога мы заметили развалины крепости, построенной, вероятно, во время восстания махдистов. Она венчает огромную базальтовую скалу, постепенно разрушающуюся и нагромодившую свои обломки на берег Нила. Ветер понемногу засыпает обширный внутренний двор крепости песком и наметает пологие склоны у глинобитных стен. Спугиваем шакала: поджав хвост, он убегает от нас. Через пролом забираемся на крепостную стену и обходим ее кругом. Отсюда открывается замечательный вид. Внизу, среди зеленых островов и блестящих на солнце черных камней, течет Нил — отражающая голубое небо лента воды, окаймленная зеленью и скалами. А дальше раскинулась желто-серая пустыня.

Еще сто десять километров порогов

15 апреля. Прибываем в Абу-Хамид. Полдня отдыхаем, перед тем как форсировать четвертый порог. Температура продолжает подниматься: в три часа пополудни она достигает +50°. Однако сухой климат позволяет сравнительно легко переносить этот тропический зной. В Сэддах температура никогда не превышала 35°, но влажность воздуха заставляла нас буквально обливаться потом.

От Абу-Хамида Нил поворачивает к югу и петляет по пустыне на протяжении почти тысячи километров вплоть до египетской границы. Здесь на обширной площади залегают глубокие базальтовые отложения. Покидаем Абу-Хамид в середине дня, запасшись необходимой провизией. Нам пришлось буквально охотиться за яйцами, овощами и фруктами по лавкам арабских торговцев, в которых почти ничего не было, если не считать сушеных фиников, — их можно было

достать в любом количестве. Они — один из главных продуктов питания местного населения. С финиками мы не рискуем погибнуть от голода.

Существует бесчисленное количество сортов фиников. Самые хорошие — небольшие, круглые, красивого оранжевого цвета и очень сладкие. Можно подумать, что они засахарены, хотя подверглись всего-навсего вялению. Этот сорт фиников встречается как раз в Абу-Хамиде, но спрос на них большой, и купить их не всегда удается. Самые дешевые финики — продолговатые, с большой косточкой, темно-красного, почти шоколадного цвета: они мучнистые, довольно безвкусные и вдобавок покрыты бугорками.

Каяк Жана. Лапорта у залитого водами Нила храма Исида на острове Филе

Но, как бы то ни было, у каждого из нас под рукой на дне каяка кучка фиников того и другого сорта. Это — манна пустыни. Вымыв финики в речной воде, грызем их понемногу в ожидании обеденного часа, из-за превратностей плавания наступающего в самое разное время. Случается, что в полдень приходится довольствоваться одними финиками. Они очень питательны и избавляют от длительных остановок для приготовления обеда.

Наше пребывание в Абу-Хамиде не прошло незамеченным. Мы были очень хорошо приняты главой небольшого городка. Этот внимательный человек подарил нам на прощание два великолепных кочана цветной капусты, выращенной на его огороде, поливаемом при помощи электрических насосов. Нужно знать чрезвычайную засушливость края и редкость

овощей в здешних местах, чтобы по достоинству оценить этот подарок.

И вот мы снова в пути, движемся к западу.

Несколько второстепенных порогов, называемых на карте Мограт и Шеллал. Пока ни одного значительного водопада. Но вскоре усилившийся шум предупреждает о приближении более трудных мест.

Теперь река течет в юго-западном направлении. Оставляем каяки в углублении между скалами и отправляемся на разведку. Карабкаемся по огромным глыбам базальта. Джон пошел босиком, и ему приходится прыгать, как обезьяне: камни нагрелись так, что жгут подошвы.

Взобравшись на вершину скалы, господствующей над Нилом, видим, что река настолько загромождена скалами, что невозможно проследить за ее течением. В нескольких сотнях метров ниже Нил резко поворачивает к югу. Остается лишь предположить, что мы — перед большим порогом: об этом можно судить по грохоту воды ниже по течению. Ну что ж, придется положиться на волю божью и... остерегаться крушений!

Течение медленно подхватывает наши каяки. Следуем цепочкой друг за другом. Усаживаюсь плотнее на сиденье. Ногами, упертыми в днище, ощущаю, как скользит снаружи по прорезиненной обшивке вода. Кажется, что теперь я и каяк — единое целое. К сожалению, этого недостаточно, чтобы чувствовать себя совершенно спокойным. Думаю, что моих товарищей терзают те же сомнения, особенно Джона, не забывшего, как он едва не утонул на Катере.

На этот раз предстоит нешуточный спуск. Грохот воды, устремляющейся между скалами, становится все сильнее. Видно множество торчащих из потока камней.

Нам никак не удастся определить путь, по которому можно рискнуть двигаться дальше.

Сидя в каяке трудно ориентироваться — находишься почти на уровне воды. Можно подняться на колени и даже встать во весь рост (Жан мастерски выполняет такое подчас опасное упражнение), но и это не очень помогает.

Выигрывая время, тормозим изо всех сил.

Первый порог расположен в месте поворота реки, которая течет здесь между двумя скалами. Каяк ныряет носом в кипящий поток. Инстинктивно всем туловищем откидываюсь назад. Чувствую, как суденышко гнется. Деревянный каркас трещит. Однако удачно миную опасное место. Теперь каяк бросает в водовороты, которые вот-вот его поглотят. Короткими ударами весла о воду стараюсь держать лодку перпендикулярно сильным волнам. Малейшее неправильное движение может оказаться роковым. Однако теперь мы научились управлять своими лодками, а месяцы, проведенные на воде, выработали в нас так называемое чувство воды.

Благополучно минуем порог и оказываемся все трое на небольшом песчаном пляже. Да, попали мы в жаркую переделку!

За день проходим несколько порогов, более или менее значительных. Ночь проводим на берегу. Грохот воды не мешает спать: мы совершенно измотаны.

На следующий день продолжается та же скачка с препятствиями.

Посреди этих диких порогов Нила, где нет ни одного живого существа — ни животных, ни людей, — встречаем вторую крепость, построенную во время махдистского восстания.

Но вот грохот водопадов сменяет тишина глубоких ущелий. Теперь Нил окружают высокие скалистые стены. Из воды торчат подводные камни, черные, отполированные и блестящие, как эмаль. Течение придало им самые причудливые очертания.

Вечером Эль-Каб. В сумерки возникает романтическое видение: скалу над Нилом венчают стены укрепленного замка. Мелкие феодалы, взимавшие дань с проходивших мимо караванов, господствовали там в эпоху анархии в Судане, около ста лет назад.

На другой день новая цепочка порогов, однако на этот раз не таких опасных. Уверенные в себе, без оглядки мчимся по каменистому руслу реки. Если случается застрять на небольшом пороге, соскакиваем в воду, сталкиваем каяк с камней и отправляемся дальше. В таких местах недостаток воды предпочтительнее ее избытка. И снова наклеиваем заплаты на днища наших лодок. Около полудня посещаем маленькую деревушку, прилепившуюся на самой вершине скалы над рекой, среди каменных глыб, округленных и отполированных песчаными бурями.

Несколько женщин сбивают масло в примитивных маслобойках, сделанных из козьей шкуры. Едва увидев нас, они поспешно прячутся в гурби. Успеваем только заметить их длинные черные, ниспадающие на спину покрывала да намазанные маслом и заплетенные в косы волосы.

Старик на деревянном костыле приглашает нас, красноречиво заявляя о своем дружелюбии, разделить с ним лепешку у порога его лачуги. Проводим с ним порядочно времени. Медлим в надежде, что женщины решатся выйти из убежищ и возобновят дела по хозяйству, что дало бы нам случай заснять, еще один интересный кадр. Но это напрасная потеря времени. Пока мы здесь, женщины не выйдут. Старик, которому мы стараемся объяснить, что нам нужно, делает вид, что нас не понимает. Мы не сдаемся. Тогда он уходит к себе и возвращается с... подростком, которого засаживает за работу. Мы одурачены.

У нас почти совсем нет кадров, на которых были бы засняты женщины. И не только потому, что мусульманская религия, которую они исповедуют, запрещает им показываться мужчинам, но и потому, что они опасаются дурного глаза для себя и главным образом для своих младенцев, которых всюду таскают с собой. Они убеждены, что взгляд чужого человека; может принести тысячу бед их потомству. Нам случилось заставить их на берегу реки за стиркой или наполняющими кувшины водой, но едва мы подготовляли аппараты, как они бросали все и так быстро убежали, как будто за ними гнался сам сатана.

Продолжаем быстро плыть в юго-западном направлении. Течение, значительно замедлившееся вчера после полудня, сегодня ускорилось. Впереди стал опять слышен могучий и неумолкающий грохот порога. В 11 часов миновали без затруднений порог средней величины, в 12 — другой, на этот раз, пожалуй, самый опасный из всех, пройденных до сих пор, Каяк Джона зачерпнул изрядное количество воды; ему пришлось остановиться, чтобы вылить ее из лодки.

Песчаное русло Нила загромождено крупными черными камнями. Пенистые потоки бешено бегут по ним. Волны швыряют нас, крутят на водоворотах, и нам приходится прилагать невероятные усилия, чтобы не наткнуться на подводные камни.

Вдруг слышим крики где-то впереди. Они доносятся с реки. Недоумеваем, что бы это могло означать: крики звучат, словно голоса из загробного мира. Джон первый указывает нам на две точки, плывущие у берега по течению, — из воды торчат две головы. Кто они? Утопающие? Потерпевшие кораблекрушение? Быстро нагоняем их. Оказывается, это приречные жители проплывают небольшой участок по Нилу, отдавшись на волю течения. Одной рукой они удерживают под животом надутый бурдюк, другой правят, лавируя

между камней. Деревушки, которые состоят всего-навсего из нескольких пурби, возвещают конец могучего и прекрасного четвертого порога. Скорость течения уменьшилась, рев воды стих, скал становится все меньше. Берега расступаются, их вновь покрывают поля, орошаемые при помощи сакие.

Со времени отплытия из Абу-Хамеда — за пять дней — мы прошли сто десять километров почти непрерывных порогов. Позже мы убедились, что четвертый порог не самый опасный из всех, но во всяком случае самый длинный.

Хотя течение и благоприятствовало нам, мы проплывали в день значительно меньшее расстояние, чем раньше. Нам приходилось по двадцать раз останавливаться и взбираться на прибрежные скалы, чтобы осмотреться и выбрать правильный путь.

Теперь мы в сердце древней легендарной Нубии.

Глава XII. Древняя Нубия открывает свои сокровища

За четвертым порогом Нил дает нам короткую передышку: триста километров пути без порогов. Находимся как раз в середине большой петли, по которой начали спускаться к югу из Абу-Хамеда. На этом участке берега Нила нередко покрыты зеленью и ласкают глаз. Появляются виноградники. Наши дни сотканы из воды и солнца, ночи — из звезд.

Затем рев водопадов возобновляется и становится все грознее: это третий порог, Кагбарская ступень, где потерпит крушение Жан. Затем будет второй, самый трудный из всех, тот, который прибрежные жители справедливо окрестили "Каменным чревом".

Пересекаем Нубию, древнюю библейскую страну Куш, край золота и рабов. Несколько тысячелетий назад она, как и другие области Сахары, имела гораздо более влажный климат, была богаче и гуще населена. За три недели пути нам не раз попадались многочисленные наскальные изображения жирафов, львов и антилоп, свидетельствующие о том, что в Нубии некогда было много степных пространств, где в изобилии водилась дичь и жили охотничьи племена.

Напата, царская резиденция Нубии

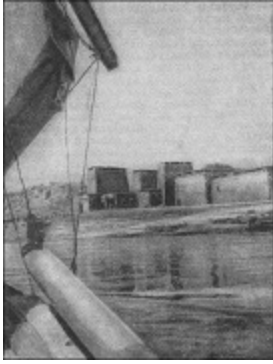
Наша первая остановка после перехода через четвертый порог была в Мераве, который англичане называют Мероэ, что ведет к путанице, так как это название совпадает с названием знаменитого Мероэ, развалины которого в трехстах километрах к северу от Хартума мы посетили.

Своим существованием Мераве обязан большой равнине, по которой течет Нил. Это единственная значительная территория, орошаемая рекой на участке порогов. Ирригационная система, на создание которой было затрачено много труда, позволила возродить обширные пальмовые рощи, возобновить обработку полей и возделывание садов. Орошаемая земля родит здесь прекрасно, как, впрочем, и везде в Сахаре при таких условиях.

В Мераве, маленьком городке, имеющем вполне современный вид, мы останавливаемся в "бунгало для проезжих", обширном, темном и прохладном доме. Путешествующих здесь немного. Мераве, расположенный в глубине большой нильской петли, находится в стороне от больших дорог.

Дом, где мы поселились, стоит на возвышенном месте, среди песков. Отсюда видны маленький египетский храм и пирамида, окруженная надгробными памятниками. Начиная с глубокой древности, в этих местах происходило немало сражений, а полвека назад здесь сошлись под алым стягом восставшие махдисты и войска англичанина Китченера. Если подняться на стену ограды, видишь другие памятники прошлого Нубии: вдали на востоке вырисовываются силуэты пирамид, на этот раз очень древних, а по другую сторону Нила подымается среди развалин одинокая отвесная скала: это Гебель-Баркал — священная гора древнего Египта^[23]. Таким образом, едва очутившись в Нубии, видим перед собой исторические памятники, повествующие о ее прошлом.

Гебель-Баркал — это холм из мягкого песчаника, высотой сто метров, пологий склон его обращен в сторону пустыни, крутой — к Нилу. У подножия скалы, на берегу реки, лежат развалины храмов, а недалеко от них возвышается около десятка пирамид.

Остров Филе и храм Исида после спада воды

Это очень любопытные сооружения, сильно отличающиеся от больших египетских пирамид. Высота их от четырех до двадцати с лишним метров, тогда как пирамида Хеопса имеет в высоту сто тридцать восемь метров. Нубийские пирамиды сооружены из местного строительного материала — мягкого и хрупкого песчаника Гебель-Баркала. Не удивительно, что некоторые из них сильно разрушены и походят на груды соли, кристаллы которой наполовину растаяли под дождем.

Как и другие подобные им памятники долины Нила, эти пирамиды — усыпальницы царей и князей. В основании каждой пирамиды расположена погребальная камера. В эту комнату ведет узкий наклонный, подчас очень глубокий ход, похожий на вертикальный колодезь. К сожалению, песок снова засыпал все ходы, некогда откопанные археологами.

Впрочем, многие находящиеся в погребальных камерах ценности были разграблены задолго до прихода археологов. Сохранившиеся могильники свидетельствуют, что древних нубийцев погребали не только со всей домашней утварью и запасами продуктов, необходимых для предстоящего им длительного путешествия, но и с домашними животными и слугами, предназначенными служить господам в загробном мире. В некоторых царских усыпальницах были обнаружены скелеты лошадей,

кошек и собак, а также десятки человеческих скелетов, расположенных вокруг саркофага. Неизвестно, убивали ли слуг на могиле их господина, давали ли им яд или погребали живыми.

В Нури, возле Мераве, мы увидели десятки пирамид, растянувшихся на двадцать километров по пустыне. Они по своим размерам превосходят пирамиды Гебель-Баркала. Все их погребальные комнаты засыпаны песком. Нури был главным некрополем древних нубийских царей, а Напата — их священным городом.

Мне кажется необходимым привести здесь некоторые данные о прошлом Нубии. Бронзовые, почти черные нубийцы, нередко с негроидными чертами лица, населяющие берега Нила вплоть до Асуана, принадлежат к народу с древней историей, имевшей блестящие страницы.

История Нубии изучена плохо. Известно, что египетские фараоны стали очень рано направлять в Нубию экспедиции. Их привлекали огромные богатства страны, славившейся тогда медными и золотыми рудниками, скотом и рабами, каустической содой, рощами финиковых пальм и миндального дерева, рыбой и черепаховыми щитами — то есть всем, что так высоко ценилось у древних египтян. Нубия, кроме того, играла роль торгового посредника между Египтом и Верхним Нилом. Она имела непосредственные связи со сказочными странами Юга, дававшими ценные породы дерева, слоновую кость, страусовые перья, шкуры диких животных и множество других разнообразных товаров, составляющих предмет интенсивной торговли по всему Средиземному Востоку.

Во времена Среднего царства владычество Египта распространяется до четвертого порога, который мы с таким трудом преодолели. В 1450 году до нашей эры фараон Аменхотеп III воздвигает храм Амону Ра под сенью Гебель-Баркала, как об этом гласит надпись на

стеле в Напате. Цари Нубии становятся вассалами фараонов^[24]. Тысячу лет спустя, воспользовавшись анархией в Египте, цари Напаты завоевывают нижнюю долину Нила, и великолепный Тахарка разъезжает с победоносным видом на колеснице по улицам Фив. Он вмешивается в дела Ассирии и, по свидетельству Библии, освобождает иудейского царя Езекииля из когтей грозного Сеннахериба. Пирамиды Нури относятся к этой славной эпохе.

Но блеску нубийской династии суждено было быть кратковременным. Потомков Тахарки вынудили покинуть Египет. Они снова обосновываются в Напате, но под давлением армий фараонов, а позднее римских легионов отступают к югу и окончательно оседают между Нилом и Атбарой. Так, в то время как царская резиденция Напата приходила в упадок и пески засыпали обширные пальмовые рощи, была основана империя Мероэ, которая стяжала в античные времена почти легендарную славу.

Нубийские развалины к северу от Хартума, которые мы посетили, насчитывают около двух тысячелетий^[25] и являются единственными до сих пор следами империи Мероэ^[26], о которой мы только и знаем, что она просуществовала еще несколько веков и приняла христианство.

Христианство в Нубии

Население Нубии в течение нескольких веков исповедовало христианство.

В эпоху Великой восточной империи (Византийской) Египет был без труда обращен в христианство византийскими монахами^[27]. Как сообщают, жена Юстиниана, императрица Феодора, ободренная этим, решила направить христианского миссионера в

Нубийское царство. Он быстро добился успеха, и в Северном Судане начались массовые крещения, однако христианство не смогло долго противостоять мощному натиску ислама.

Арабы завоевали Египет в VII веке и вскоре стали осуществлять рейды в Нубию. Сначала нубийцы успешно защищались. Они будто бы даже отправили на помощь угнетаемым христианам Египта тысячу триста боевых и транспортных слонов.

История не донесла до нас сведения о том, что стало с этой курьезной экспедицией. Доподлинно известно, однако, что Нубия не смогла долго противостоять напору арабов. Завоеванная Нубия должна была теперь платить своим новым хозяевам дань рабами. Христианские царства исчезают одно за другим. Последнее царство Алоа, возможно бывшее преемником империи Мероэ, пало в XV веке — его унес шквал, поднятый воинами пророка. Постепенно жители Алоа отступали через Нубийскую пустыню, оставляя рубеж за рубежом, пока не дошли до подножия Абиссинских гор. Но и расстояние не спасло их.

Так исчезло в Нубии христианство.

Нам доведется вскоре посетить в Верхней и Нижней Нубии монастыри и церкви. Некоторые из них хорошо сохранились. Все они — волнующее свидетельство давно ушедших эпох.

Однажды в деревне, расположенной в конце второго порога, нам показали часовню, одну из самых красивых в Нубии. Это была Абд-эль-Гадира.

Все вокруг сожжено солнцем. Стоит изнуряющая жара. Нас встречает старый нубиец. Он сочувствует несчастным иностранцам, пришедшим, несмотря на жару, посмотреть на стены из засохшей грязи, и приносит нам чаю.

Шлепая туфлями, с огромным ключом в руке, он ведет нас к сараю с крышей из гофрированного железа.

Мы поражены: уж не принимает ли он нас за торговцев, собирающихся посмотреть его запасы фиников и дурры? Отворяются настежь створки двери — и каково же наше удивление, когда в сарае оказывается изящная часовенка.

Здание сооружено из необожженных кирпичей. Портал романского стиля архаической чистоты. Приделы представляют собой узкие и темные галереи, расписанные фресками, с которых иконоборцы соскребли лики.

Не была ли эта часовня выстроена в честь Богородицы Скорой Заступницы матросами, предпринимавшими плавание через грозные перекаты второго порога, причинившие и нам столько хлопот?

Нам хотелось бы в это верить и поставить свечу благодарности за наше счастливое плавание, но — увы! — здание мертво и скрыто под железной крышей, паломники не стекаются сюда помолиться святыням. Еще хорошо, что управление по охране памятников взяло часовню под свою опеку.

Нам представится случай посетить развалины древних христианских монастырей, расположенных к северу от второго порога. Там еще сохранились кельи монахов, часовни и сводчатые кладовые для хранения продовольственных запасов. Поражает миниатюрность всех помещений. Все настолько маленькое, словно построено в стране карликов.

Мертвый город, аромат старины и забытого уклада жизни

Через неделю после отплытия из Мераве мы прибыли в Эль-Хандак, находящийся в самой глубине петли, образуемой Нилом. Это старый, заброшенный и наполовину разрушенный город. Местоположение города оказалось для него роковым. Редко

останавливаются здесь путешественники, проходят мимо и транспортные суда, плывущие по реке.

Повсюду царит запустение. Со стен древней разрушенной крепости, превращенной в мечеть, открывается вид на покрытое обломками пространство — это бывшие городские кварталы. Сохранились отдельные населенные островки, несколько чудесных площадей, окаймленных старинными домами желтого цвета и древними мечетями с полумесяцем на куполе.

В Эль-Хандаке нас принимает шейх, исполненный благородного и утонченного гостеприимства. Дом шейха заставлен старыми резными сундуками, парадными ложами под балдахинами из небесно-голубого или нежно-розового шелка, на стенах, обитых тяжелыми обоями пурпурного цвета, развешано дамасское оружие, в комнатах множество золоченых кресел в стиле Людовика XV. Впервые видим такую обстановку в суданском жилище.

Завтрак протекает с соблюдением самых благородных традиций. Слуги в белом носят большие медные подносы с блюдами, но подает гостям сам хозяин. Он стоит позади нас и вместе со своим старшим сыном следит за тем, чтобы у нас ни в чем не было недостатка. Это ужасно неудобно: мы бы с удовольствием попросили его сесть рядом и поменьше о нас заботиться, но боимся допустить бестактность и трусливо разрешаем за собой ухаживать, стараясь как можно серьезнее разыгрывать свою роль.

После того как подали кофе, шейх достал из сундука старинную гравюру. На ней видны красивые фелуки с треугольными парусами, гордо плывущие по Нилу мимо цветущего и деятельного Эль-Хандака. Гравюра относится к 1822 году. Под ней стоит вполне французское имя — Линан де Бельфон. Этот выдающийся путешественник, так же как и археолог Кайо, сумел добиться расположения Мехмета Али, паши

Египта, и исколесил во всех направлениях таинственный Судан. Кстати, ему первому пришла мысль о Суэцком канале, которую впоследствии подхватил Фердинанд де Лессепс. Вид Эль-Хандака полтора-два года назад показывает, насколько с тех пор захирела эта часть нильской долины, изолированная порогами. Понемногу отсюда ушла жизнь. Только орошение способно вернуть краю его былую жизнедеятельность, как это мы увидим в Донголе.

Поливные виноградники в Донголе

Донгола находится в ста пятидесяти девяти километрах к северу от Эль-Хандака. Ее пристани отстоят далеко от реки. Уровень воды в Ниле все падает, и на нем местами образовались обширные илистые отмели. Поручаем охрану наших каяков крестьянину, чья лачуга находится у воды: он выбрал себе подсохшее, богатое илом место, чтобы выращивать там овощи и арбузы. Прежде чем выбраться на твердый берег, бредем около трехсот метров по колена в густой грязи.

В сумерках порядочно перепачканные входим в тихий город. К счастью, мы очутились как раз у местного клуба, и чиновник округа весьма своевременно выручает нас, устроив на ночлег.

На следующий день ливанец, говорящий по-французски, приглашает нас посмотреть его владения на берегу реки. Мы впервые после Хартума слышим французскую речь, и Жан, которому очень мешает его незнание английского языка, чувствует себя на седьмом небе и наворачивает слезы, без конца расспрашивая о здешних местах. Земли нашего друга-ливанца орошаются посредством мощного электронасоса. Тут все растет на зависть: пшеница, кукуруза, овощи, фруктовые деревья, виноградные

лозы. Виноградарство— не новшество в Нубии. На стеле в Напате изображен знаменитый царь Тахарка, подносящий богу Амону Ра одной рукой чашу вина, а другой — белый хлеб. В античные времена здесь было множество прекрасных виноградников. Спустя несколько столетий приверженцы победоносной мусульманской религии вырубили виноградные лозы все до одной. Как известно, ислам запрещает алкогольные напитки. Позднее виноградарство возродилось.

Поливные сады ливанца словно свежий оазис в пустыне. Они приносят большой доход, но требуют услуг мотопомп, каждая из которых стоит несколько миллионов французских франков. Такая сумма — целое состояние в Нубии, и покупка этих машин совершенно недоступна для бедных феллахов. Им, таким образом, не остается ничего другого, как заставлять этих тощих животных — волов и верблюдов — вертеть сакие. Но выполняющие эту работу восемь тягловых животных могут дать за день лишь десятую часть воды, которую качает насос средней мощности. Свой жалкий клочок земли бедный нильский феллах должен постоянно поливать, чтобы хоть как-нибудь прокормить семью. У него, как и у его скота, лишь кожа да кости: здесь живут одни из самых обездоленных людей во всем мире.

Перед отъездом из Донголы богатый землевладелец-копт преподнес нам корзину винограда, выращенного на его земле. Такие подарки, как этот или цветная капуста в Абу-Хамиде, исполняют нас сердечной признательностью.

У левого берега Нила в районе Данголы цветущий вид. Его окаймляет узкая полоса полей. Сейчас время жатвы. Хлеб лежит в снопах на жнивье. При молотье используют ослов или коров. Наблюдаем, как по току ходит иногда до десятка животных, выстроженных в ряд.

Если же скота нет, то феллахи молотят цепами. Солому складывают на крышах.

Все эти сцены деревенской жизни поразительно напоминают барельефы на стенах храмов древнего Египта и фрески усыпальниц. Здесь ничего не изменилось за тысячи лет. Жизнь крестьян осталась прежней, методы обработки земли те же. Однако мелкие помещики живут богаче, чем на крайнем юге Нубии. Их дома затенены зеленью, несущей прохладу. Порталы затейливо украшены многоцветными узорами, а в комнатах расставлены лари и круглые столики. По стенам развешаны семейные портреты. Здесь ислам словно сбавил свои строгости.

Правый берег в противоположность левому не заселен, песчаные дюны там с каждым годом становятся все выше, обрастают тамариском и какими-то деревцами под названием "урак", которые жители используют как средство для придания белизны зубам.

В продолжение целого дня плывем вдоль острова Арго, он делит Нил на два рукава и имеет в длину тридцать пять километров. Это самый длинный остров на Ниле. Берега его живописны, крестьянские хижины, расположенные на нем, увиты виноградными лозами.

В Арго молодежь выступает против стариков

Вечером мы останавливаемся в городе Арго и встречаемся с местными учителями — устанавливаем таким образом контакты с молодой интеллигенцией страны.

Обучение детей в школах ставит перед властями порой курьезные проблемы. В Судане не ведется запись актов гражданского состояния, и дети, как правило, точно не знают своего возраста. Поэтому в начале учебного года медицинская комиссия приблизительно определяет возраст детей. На каждого ребенка заводят

метрическое свидетельство; снабженные ими, маленькие суданцы начинают ходить в школу.

Преподавателям в Арго не часто удается видеть иностранцев, и они осаждают нас вопросами. Им приходилось читать в иллюстрированных журналах ошеломляющие рассказы о жизни на Западе: оказывается, там юноши и девушки свободно встречаются, ходят вместе, танцуют. Этого не могут понять люди Востока, привыкшие к строгим запретам ислама в области отношений между мужчинами и женщинами. Как пример можно привести хотя бы такой факт: за несколько месяцев пути нам ни разу не удалось поговорить с суданкой или египтянкой (за исключением знатных семей Каира и Александрии). Наши знакомые учителя смутно чувствуют необходимость радикальных изменений в этом направлении, но в застывшем и приверженном догмам религии обществе они слишком одиноки, чтобы сдвинуть вопрос с места. Их изолированное выступление лишь вызвало бы нежелательную реакцию общественного мнения, и им пришлось бы уехать отсюда.

Группа преподавателей — наших знакомых — живет в старой английской вилле, светлой, просторной, удачно расположенной среди цветущих кущ. Занимавший ее прежде суданец решил, что дом слишком выступает на улицу. Чтобы укрыться от нескромных взглядов, он не нашел ничего лучшего, как загородить вход большой стеной и устроить себе таким образом настоящий замок. Занявшие после него виллу учителя сочли такую предосторожность чрезмерной и решили снести стену. Это вызвало вопль всеобщего негодования. Им пришлось отказаться от своего намерения и уложить на место снятые кирпичи.

Жители Северного Судана, с которыми мы постоянно встречаемся в последнее время, отличаются

радушием, но у них свои строгие правила. У нас не бывает с ними почти никаких недоразумений. Женщины здесь не закрывают лицо, как в странах классического ислама. Свободно отправляются они на полевые работы, полоскать белье или за водой, но лучше не разглядывать их чересчур близко на перекрестках и тем более не наставлять на них объектив аппарата.

Однако Джон, дипломат и добрый малый, умеет порой усыпить бдительность жителей. Как-то раз вместе с нашими друзьями-преподавателями мы направились к колодцу на острове Арго, вокруг которого всегда толпится народ. Этот колодец — попросту вырытая в глине яма. Там женщины и девочки наполняют свои кувшины, крестьянин останавливается, чтобы напоить осла. Неподалеку вороны с блестящими черными крыльями вьются над скелетом какого-то животного, уже побелевшим на солнце. Джон в широкополой шляпе и с бородой патриарха прямо подходит к колодцу.

— Салям алейкум. Я несу вам мир.

Все хором отвечают:

— Алейкум салям.

Джон продолжает:

— Как поживаете?

Он уже в толпе, пожимает руки налево и направо. Он не мог бы раздавать рукопожатия более щедро, будь у него даже десять рук.

Люди у колодца недоумевают, покорены, и уже никто не обращает внимания на камеру, гудящую у Джона в руках. Учителя потихоньку посмеиваются и следят за съемкой с завистью.

Наскальные рисунки

Едва мы покинули остров Арго, как очутились у третьего переката. Это гранитный порог длиной в

несколько километров, но не очень крутой.

В моем дневнике об этом отрезке нашего пути записано:

5 мая. Сегодня утром без затруднений миновали третий порог. После ста пятнадцати километров пути по четвертому порогу, причинившему нам немало хлопот и пройденному за пять дней, едва отдаем себе отчет, что сплываем по перекатам.

На следующий день впервые увидели наскальные рисунки на огромных глыбах, обрушившихся в Нил. Их необычайно много, причем одни рисунки часто сделаны поверх других. Некоторые из них хорошо сохранились и легко расшифровываются. На рисунках изображены жирафы, страусы, львы, леопарды, антилопы. Все эти животные исчезли из этого края тысячи лет назад. Рисунки, отличающиеся большой реалистичностью, относятся к тому времени, когда Нубия, как и вся Сахара, имела значительно более влажный климат. Страна изобиловала дичью и привлекала внимание охотников, которые, кочуя по ней, оставляли на камнях следы своих охотничьих подвигов. К сожалению, среди этих рисунков не встречаются изображения людей, что позволило бы сделать какие-нибудь заключения о первых насельниках Нубии.

На других рисунках, несомненно более позднего времени, можно видеть длиннорогих коров, всадников, верблюдов. Они сделаны менее искусной рукой. Фигуры людей и животных грубо стилизованы. Эти рисунки, по-видимому, принадлежат представителям скотоводческих племен, позднее появившихся в долине Нила.

На обломках скал встречаются древнеегипетские иероглифы, поздние мероитские надписи, иерусалимские кресты христианского периода и арабские письмена — следы разных цивилизаций, сменявших друг друга в Нубии в течение тысячелетий.

Наше третье крушение

Между относительно безопасным третьим порогом и вторым, который обещает быть грозным, на протяжении двухсот километров по реке рассеяны каменистые уступы, рифы и стремительные перепады, тем более опасные, что они не обозначены на наших картах.

Местные жители также не могли сообщить нам никаких полезных сведений, так как очень мало плавают по реке и знают ее лишь как место, откуда они берут воду для орошения полей.

Незнание нами местности и послужило причиной небольшой катастрофы, подстерегавшей нас на подходе к Кагбару. Начиная с Хартума мы довольно благополучно миновали столько порогов и стремнин, что уже начали пренебрегать опасностью. Осмотрев с ближайшей скалы Кагбарский порог, решаем, что он не представляет ничего необычного. Это всего лишь скалистая гряда, протянувшаяся в один ряд от одного берега к другому. В шуме воды не усматриваем ничего угрожающего, ниже порога вода пенится и блестит против солнца. Подплываем к нему без опаски. Я держусь у правого берега, Жан и Джон правят к середине реки. Первым подплыл к гряде Жан. Он встал на ноги, чтобы оглядеть ее сверху. Не заметив никакой опасности, Жан вновь усаживается в лодку и, ничего не подозревая, направляет ее к порогу. В свою очередь тоже становлюсь на ноги в каяке. Вижу, как каяк Жана врезается в воду носом вперед и... исчезает в водовороте. Это катастрофа.

"Выброшенный под водой из каяка, — рассказывал позднее Жан, — я стал терпеливо ждать, когда меня вытолкнет на поверхность в соответствии с законом, Архимеда. Одной рукой я крепко уцепился за лодку, в другой держу весло. Однако погружение продолжается,

лодка под водой кувыркается. Не хватает воздуха, я почти тону. Наконец, мне все же удастся вынырнуть на поверхность, но водовороты тотчас же увлекают меня снова ко дну. Едва успев, немного вдохнуть, тут же начинаю задыхаться и захлебываться. Вода прозрачна, и мне видны тени больших камней, мчащиеся мимо меня. К счастью, я не ударился ни об один из них. Снова всплываю на поверхность на мгновение, достаточное, однако, чтобы глотнуть воздуха и увидеть, что порог все еще не кончился. Опять меня поглощает пучина. Отрывается планшет с картами: в нем наши главные документы. Если он потеряется, дальше придется плыть вслепую. Мне удалось схватить планшет в момент, когда его уже уносила струя. Принайтованный к лодке мешок с одеждой развязывается. В нем экспанометр и множество записей. Лишь бы сохранилось достаточно воздуха и мешок не утонул! Тут меня окончательно выталкивает на поверхность. Водовороты слабеют, дышу полной грудью. Всплывает и каяк. Крепко цепляюсь за него и плыву в спокойные воды".

Джон ничего не заметил. Он и не подозревает о драме, разыгравшейся в нескольких метрах от него.

Пока Жан отчаянно барахтается в глубине пучины, Джон приближается к гряде, спокойно направляя каяк короткими ударами весла. Его голова почти на уровне воды, и он не замечает, что делается внизу за грядой.

Издали мне видна вся сцена. Чувствую, что второй катастрофы не миновать — Джон уже подплыл к порогу, еще несколько секунд, и он нырнет туда с головой. Он только что достал киноаппарат, чтобы заснять вид. Изо всех сил ору, тщетно стараясь перекричать грохот воды, отчаянно машу руками — все напрасно: Джон глух и слеп. Он по-прежнему плывет вперед.

Выхожу из себя, жестикулирую так, что того и гляди сам опрокинусь. Наконец Джон замечает меня и,

зацепившись за траву островка, резко останавливается на краю пропасти. Меня охватывает чувство огромного облегчения: я испытал одно из самых сильных волнений в жизни.

Однако Жан вместе со своим каяком все еще под водой. Лихорадочно ищу проход, чтобы нестись к нему на выручку, и натыкаюсь на нечто вроде наклонного желоба. Пускаюсь по нему. Каяк задевает дно, но все-таки проходит беспрепятственно.

Метрах в ста ниже по реке, где вода уже течет спокойно, вижу маленькую серую точку, которую сносит течение. Это каяк Жана, перевернутый вверх килем. Неподалеку от него плывет и его хозяин. Буквально на крыльях лечу к нему на помощь. Кажется, что еще никогда я не проявлял такой резвости на каяке. Потерпевший крушение вдруг останавливается. У его лодки разматалась чалка и зацепилась за подводный камень. Лодку начинает вертеть вокруг него. Плыву кругом, собирая уносимые течением предметы, в то время как выбившийся из сил Жан плывет к ближнему берегу. Подоспевший Джон помогает мне завершить операцию по спасению уплывающего снаряжения.

За все время плавания по большим порогам Нила это единственное крушение. Жан, подкрепившись бульоном, отдыхает на песке, пока мы с Джоном просушиваем его вещи. Каяк Жана получил повреждения, однако в ближайшей деревне рассчитываем его починить. За семь месяцев пребывания на Ниле мы и не то видели!

Пекло

Местность вокруг становится все более пустынной; Нил снова течет среди гор. Склоны их ребристые, изрезанные оврагами, в долинах нагромождения горных обломков и высокие конусы песка.

Нам еще не приходилось находиться под лучами так нещадно палящего солнца. Кажется, что мы попали в пекло и поджариваемся на медленном огне. Днем в тени температура поднимается до +50°. Жан собирается проделать опыт. Он достает из мешка свой термометр, но тот, оказывается, уже лопнул, так как на его шкале +52°. По счастью, воздух сухой, что позволяет нам выдерживать эту адскую жару. Гораздо труднее приспособиться к слепящему отражению солнечных лучей в воде. Тщательно смазываем лицо кремом, чтобы избежать ожогов; на губах и загрубевших от гребли руках у нас уже болезненные трещины. То и дело опускаем кисти рук в воду, чтобы их освежить. Регулярно купаемся, без конца обливаемся водой, чтобы не зажариться, как цыплята на вертеле. И весь день пьем нильскую воду (для этого достаточно нагнуться) и чай, по возможности горячий. Пользуясь всяким удобным случаем, кипячу кастрюлю чая. Поглощаем мы его благоговейно, маленькими глотками. Горячий чай освежает рот по крайней мере на час. Затем неутолимая жажда возобновляется, и мы снова прибегаем к нильской воде.

Больше всех не везет Джону, у которого образовалась флегмона на правой руке. Бедняга стиснул зубы и гребет молча, морщась от боли. Он не разрешает нам его лечить, сам мажет нарыв пенициллиновой мазью, и она помогает ему справиться с болезнью.

В этой обширной долине смерти все выжжено солнцем. Скалы накаляются днем и остывают по ночам. Иногда слышим, как они с шумом лопаются из-за резких перемен температуры, и видим, как их обломки катятся под гору и падают в Нил. Прибрежные скалы порой нависают над рекой, и огромные глыбы, трескающиеся от ночного холода, словно готовы каждую минуту свалиться мам на голову.

В сумерки горы, прежде чем сделаться темно-фиолетовыми, освещаются алым светом. Вплоть до наступления темноты Нил представляет красивейшее зрелище. В торжественном молчании вечера слышно лишь, как тихо плещется вода, набегая на плот из пальмовых бревен, на котором нубийский крестьянин перевозит охапку пожелтевшей травы для скота.

Благодаря Нилу в этой огненной пустыне все же теплится человеческая жизнь. На прибрежных скалах кое-как прилепились жалкие деревушки. Иногда из-за дюн виднеются финиковые пальмы "с подножием в воде и главою, опаленной небесным огнем". Их поят худосочные ирригационные канавки.

Как ухитряются люди не умереть здесь от голода?

Нубийский крестьянин имеет тощее поле, несколько финиковых пальм и крохотное стадо. У омада Укмы — одной из бедных деревень к югу от второго порога — нам приносят на ужин большую миску козьего молока, в котором намочена лепешка из дурры. Где вы, бывшие пиршества?

И все же, если бы не суданское гостеприимство, я, право, не знаю из чего мы варили бы себе обед в пути: почти невозможно раздобыть продовольствие, а наши собственные запасы на исходе — осталось немного затвердевших фиников и горстка риса. Река, правда, рыбная, но среди нас отсутствует любитель-рыболов, да и времени на ловлю в сущности нет.

Джон мне поведал, что с некоторых пор он день и ночь мечтает об обильных яствах, зеленых лугах и приятном обществе.

Наши ночи стали беспокойными. Нас изводят укусы, причем в начале мы не знали чьи. Комары исчезли, и мы не обнаруживаем следов блох или клопов. Вскоре, однако, устанавливаем, что кусают нас крохотные мошки — "нимиты", такие маленькие, что они

пролезают сквозь ячеи полга, и почти такие же зловредные, как комары.

Недостаток сна и напряженная гребля в пекле пустыни начинают сказываться — ощущаем сильнейшую усталость. Но прежде чем сделать продолжительную остановку, в необходимости которой мы убеждены, надо пройти второй порог, до которого осталось с сотню километров. Затем мы окажемся в Вади-Хальфе (что означает Счастливая долина), где сможем восстановить силы.

Золотоискатели

К вечеру подплываем к Абу-Сари. Нам известно, что здесь неподалеку проживает несколько европейцев, занятых геологическими изысканиями. Мы давненько не видели европейцев и волнуемся в ожидании предстоящей встречи.

Местные жители приводят нас к глинобитной лачуге, примостившейся в нескольких сотнях метров от реки, среди нагромождения скалистых обломков.

На пороге стоит человек лет шестидесяти, седой, с брюшком. Он прихрамывает, одет в шотландскую юбочку и тельняшку, на ногах у него сандалии. Оскар Дюрхэм встречает нас, не выказывая ни малейшего удивления, словно наше появление — самая обыденная вещь на свете. Входим в его гурби: там уютно, не очень тесно. Ковры, пуфы, холодильник, столы с образцами минералов, заваленные книгами полки, где руководства по геологии и "Памятка примерного золотоискателя" соседствуют с библией и кораном, "Семью столпами мудрости" и трудами моего друга Луи Гольдинга о Моисее, заполняют все помещение.

Предупрежденный о нашем приезде, появляется второй человек, похожий на заговорщика ирландец Падди Бишоп, двадцати восьми лет, с пышной

шевелюрой, на которой примостилась маленькая английская кепочка.

Два обнаруженных нами оригинала живут совершенно одни, пребывают, так сказать, в томительном уединении. Падди встречает нас с изъятиями восторга, идущими вразрез с чисто британской сдержанностью его товарища. Вот уже полгода, говорит Бишоп, как у них не было посетителей. Оскар с гордостью присовокупляет, что он около тридцати лет не был в Европе и что, открыв эту пустынную обитель, обрел, наконец, вожделенный покой. Он читает, пробавляется случайными заработками, собирает камни. Падди ведет изыскания и руководит бригадой бурильщиков. С перевозкой руды справляется одна грузовая машина, с ее переработкой — небольшая электрическая установка.

Мы напали на золотоискателей. Падди приглашает нас к себе. Поднимаемся по каменистой тропинке на возвышенность, где он построил прямо на скале гурби из необожженных кирпичей. Рассевшись на обтесанных топором лавках, пьем из жестяных кружек какой-то крепкий напиток, от которого дерет горло. Чувствуем себя так, словно очутились в гостях у золотоискателя в Клондайке или Трансваале.

Наш хозяин хлопчет, открывает одну за другой банки консервов, которых хватило бы, чтобы накормить целый взвод, и без усталости говорит, говорит... В Абу-Сари ему так редко удается поговорить.

На следующий день нас увозят на грузовике в пустыню: мы едем по иссушенным, окаменевшим от солнца ложбинам. Дорога обозначена кучками камней, насыпанных на некотором расстоянии друг от друга, так что нет риска заблудиться. Взобравшись на вершину какого-то склона, машина останавливается. Здесь идет разведка. Контуры обширных прямоугольников разведанных площадей выложены

камнями. Поднимаемся еще выше. Вдоль хребта тянется ряд наполовину засыпанных колодцев.

— Здесь работали бельгийцы, — объясняет нам проводник. — Они пришли сюда лет сорок назад, занялись разведкой, потом все забросили. Не хватило упорства.

Дальше видна выемка в скале. Внимательно приглядевшись, можно ясно различить следы кайла на камне.

— Это осталось от египтян. Рабочие фараонов разработали этот рудник. Они делали углубления, которые вы видите перед собой, выламывали глыбы кварца, выбирали из них крупные самородки, а остальное бросали.

Он передает нам отбитый кусок кварца.

— Вот, посмотрите. Они не умели дробить породу. Ясно, что после них есть еще чем поживиться. Как тут не быть золоту?!

Бригада рабочих грузит на машину обломки породы из античного рудника. В углублениях темно-фиолетовой глыбы с зелеными и желтыми прожилками осела мелкая золотистая пыль. Осторожно собираем несколько щепотей этого блестящего порошка. Падди жестом останавливает нас.

— Не стоит стараться. Собранное вами — что угодно, но не золото.

На память о руднике Падди дарит каждому из нас по кусочку кварца с вкраплениями золота.

— Ну что ж, — заключает Джон, — в Судане есть золото, и оно принадлежит всем, раз прячется в глубине пустыни. Искателям, которых оно может привлечь, придется приучить себя к здешней температуре, к насекомым-кровососам и время от времени — к веселенькой песчаной буре.

"Каменное чрево"

Спустя несколько дней мы уже на подступах ко второму порогу. Нам известно лишь, что он тянется на двадцать километров и очень опасен. У начала порога находится Семне. Течение Нила тут сжато скалами высотой до сорока метров. На обоих берегах видны развалины древнеегипетских крепостей, которые, словно стражи, возвышаются на скалах.

В одной из крепостей на левом берегу недавно производили раскопки. Ученые с большими предосторожностями отрыли ее от песка. Это обширный четырехугольный у основания замок, окруженный оборонительным поясом из плоских камней. Стены, достигающие у земли нескольких метров толщины, построены из необожженного кирпича. В их толще сохранились почерневшие куски балок, очевидно, служившие опорой для прилегающих некогда к стенам построек.

Внутри крепости и сейчас еще видны места, где были казармы для солдат, офицерские квартиры, склады и кладовые. Сохранились следы каменных водоемов и канализации, а также плоские плиты, которыми были вымощены улицы: они стерты ногами тех, кто ходил по ним несколько тысячелетий назад.

Семне дает представление о разнообразии развалин, сотни которых нам предстоит увидеть в долине Нила. Это — храмы, пирамиды и некрополи, а также замки, вроде этой цитадели в Семне, напоминающей о военных походах древнего Египта и старых, наслаивавшихся один на другой городах, постепенно погребяемых песком.

На всем протяжении славных веков Среднего царства Семне была крайним пограничным пунктом^[28]. Надпись, высеченная на камне в крепости, гласит: "Нубийцам, их судам и их стадам запрещено пересекать

эту черту". Размещенный в Семне гарнизон должен был следить за соблюдением этого запрета.

Семне одновременно служила и перевалочным пунктом для экспедиций, снаряжаемых в сказочные страны юга в погоне за золотом, слоновой костью, рабами, ценными породами дерева и черепаховыми щитами.

Перед вторым порогом, на прибрежных скалах и на островках, расположена цепь из десяти крепостей, отстоящих на километр одна от другой. Для древних египтян это имело большое стратегическое значение. Семне была прочно запертыми воротами в Черную Африку.

Находясь здесь, невольно представляешь себе, как жили некогда на этом форпосте воины фараона, отдохавшие в Семне перед тем, как отправиться дальше в зеленые просторы Нубии (а они были такими в те времена), в таинственную страну негров, где в изобилии выпадала небесная вода, а обширные леса укрывали самых фантастических животных.

У подножия увенчанной цитаделью скалы в Семне, отвесно падающей в Нил, видны высеченные на камне горизонтальные линии. Это первые встретившиеся нам "ниломеры". Они насчитывают несколько тысячелетий; по этим отметкам древние наблюдали ход большого нильского наводнения. Как только оно здесь начиналось, скороходы и матросы, расставленные цепочкой на сотни километров вдоль реки, сообщали великую новость повелителям Фив или Дельты. Это известие, передаваемое в наши дни по радио, уже много тысяч лет ежегодно вносит смятение в жизнь прибрежных жителей, принося им как надежду на хороший урожай, так и страх перед разрушениями.

Скалистый порог Семне открывает путь к Бант-эль-Хагару — "Каменному чреву". Меткость такого определения поразительна. В этом месте русло Нила

вдруг расширяется до двух или трех километров. Среди хаоса скал и камней, искрясь на солнце, несутся пенистые воды реки. Скопления беловатой пены указывают на наличие больших водопадов. Северный ветер то и дело доносит рев реки, мчащейся через пороги. Зрелище величественное, но не успокаивающее.

Значительную часть дня проводим в поисках проходов. В тех местах, где дно особенно густо усеяно камнями, но течение спокойное, пускаем каяки плыть вдоль береговых скал, крепко удерживая их за чалки, привязанные к носу и к корме. Сами бредем по воде... Это рискованная операция: в любую минуту течение может их подхватить и унести вместе с нами. Приходится крепко упираться в камни ногами, которые совершенно изранены и покрыты синяками. Однако мы не сдаемся. Дважды меня словно ударило электрическим током, да так сильно, что я не сразу пришел в себя. Позднее узнал, что виновником был сом особого вида, у которого электрические разряды служат средством самозащиты.

Пороги становятся все мощнее, плыть по ним совершенно невозможно. Остается единственный способ двигаться дальше — переносить лодки на себе. Кругом голая пустыня. Солнце печет немилосердно. Песок настолько накалился, что по нему невозможно ступать босыми ногами. Вытащив каяки из воды, выгружаем из них всю кладь и начинаем двигаться по берегу. Бредем весь день, в сумерках измученные ложимся отдыхать на песке. Поужинав финиками, засыпаем.

На следующий день все начинается сначала. Около полудня подходим к реке: течение ударяется о высокую скалу, которая заставляет реку изменить направление. Пенистые потоки мечутся во все стороны, однако уклон реки здесь как будто не очень значительный.

Вдруг, неизвестно откуда, потому что местность кажется необитаемой, появляется нубиец и подходит к нам. Мы показываем ему на наши лодки и усеянную камнями реку. Он, не говоря ни слова, исчезает ненадолго за скалами и возвращается с пустым бурдюком.

Мы никак не возьмем в толк, что он собирается с ним делать. Надув его, нубиец раздевается и бросается в воду. Теперь мы поняли: он хочет показать нам путь сквозь рифы. Одной рукой пловец придерживает бурдюк под животом, другой гребет. На первом водопаде он плывет по течению и затем появляется внизу на своем бурдюке. Так он всплывает с одной стремнины на другую, пока его не выносит в тихие воды. Тут он спокойно выходит на берег. Теперь мы знаем, каким путем можно плыть.

После того как мы миновали без каких-либо приключений оставшиеся стремнины последнего порога Нила (как известно, Асуанский порог затоплен благодаря возведенной плотине), нас охватило, несмотря на усталость, чувство огромного удовлетворения. Самая трудная часть пути завершена.

Вдали сверкают огни Вади-Хальфа, словно глаза доброго гения, манящие к себе. Граница Египта рядом. Позади — почти четыре месяца, проведенные в Судане, шесть месяцев пути и пять тысяч километров, пройденных по реке.

До Средиземного моря остается еще около полуторы тысяч километров.

Глава XIII. В Египте

Мы достигли границ Египта. Впереди еще отрезок дикого и пустынного Нила, протяженностью в триста пятьдесят километров. Это Нижняя Нубия, протянувшаяся от границ Судана до Асуанской плотины. За ней — тысяча километров до Средиземноморского побережья по плотно населенному Египту.

Злоключения наших каяков

Вади-Хальфа, где нам предстоит отдыхать двое суток, отнюдь не Счастливая долина, как окрестили ее арабы, а весьма неприглядный административный пост, расположенный между Нилом и самой что ни на есть каменистой пустыней. На следующий день, после нашего прибытия обнаруживаем исчезновение двух каяков с песчаного берега, на котором мы их оставили. Местные озорники, которым наши суденышки пришлись по вкусу, воспользовались ими, чтобы покататься по реке. Эта шутка чуть не обернулась для них плохо.

Управление каяком — большое искусство, без привычки все время кажется, что опрокидываешься, настолько это суденышко неустойчиво на воде. С шалунами произошло то, что неминуемо должно было случиться. Эти молодцы, желая повернуть назад и не умея этого сделать, перепугались, их беспорядочные движения раскачали каяки, и они опрокинулись на самой середине реки. Кое-как уцепившись за борта

лодок, они пристали к песчаной отмели. Там мы и нашли свои каяки в весьма плачевном состоянии: несколько планок и обручей каркасов оказались поломанными, на обшивке зияли широкие прорехи.

Пройдены пять больших порогов и свыше двадцати стремнин, в одном только Судане, и вот из-за дурацкой случайности нам грозит полный срыв путешествия — есть от чего прийти в отчаяние!

Не без труда удастся нам починить каяки. Продолжаем свой путь к северу.

Колоссы Абу-Симбела

Река вновь течет по пустыне. Вода такого же темно-синего цвета, как небо. На западе, в сторону Ливии, пустыня приобретает золотисто-желтый цвет, на востоке — серо-фиолетовый. Это вызвано чередованием желтых песков и темных скал. Кое-где густо зеленеют купы пальм. Все это придает пейзажу очень яркий колорит.

20 мая увидели колоссов Абу-Симбела, один из самых поразительных памятников древнего Египта: четырех великанов двадцатиметровой высоты, высеченных из розового песчаника скалы на берегу Нила. Одна из фигур свалилась и лежит на земле, но три остальные сидят рядом, в точности похожие одна на другую, сохранившие потомкам черты Рамсеса II в юношеском возрасте. Фараон светел и беззаботен. Он загадочно улыбается поколениям людей, которые после его смерти проходят мимо храма и воздают дань его славе.

Говорят, Рамсес II страдал манией величия. Египтологи утверждают, что ему принесли славу не

воинские подвиги — он совершил их не так много, — а бесчисленные здания, которые он воздвигал в честь побед, по большей части воображаемых. Рамсесу II можно смело приписать добрую половину сооружений, развалины которых встречаются повсюду в долине Нила. Действительность превзошла все чаяния этого великого строителя, процарствовавшего шестьдесят семь лет (1317—1251 годы до нашей эры): он сделался звездой номер один древнего Египта.

На фризе, навверху скалы, в глубине которой высечен храм Абу-Симбела, изображены павианы, приветствующие восход солнца. На цоколе четырех гигантских статуй можно видеть серию барельефов с триумфальными сценами: на одном — длинные вереницы пленников следуют за колесницей Рамсеса, на другом — празднуется победа над хеттами Малой Азии, на третьем — над эфиопами. Закованные чернокожие пленники — ни дать ни взять наши старые знакомые шиллуки из Сэддов.

Фасад пещерного храма Абу-Симбела, сооруженного Рамсесом II

Чтобы как следует осмотреть храм, зажигаем фейерверковые факелы, которыми Жан запасся при отъезде. Мы пользуемся ими только в исключительных случаях.

Зрелище, открывшееся нашим глазам, поразительно. В красноватом свете факелов различаем просторный зал с колоннами, стены которого покрыты великолепными фресками, изображающими Рамсеса и

отдельные сцены из его походов. Мы углубляемся в таинственное подземелье, в котором выстроились саркофаги. В центре зала видим вишу, где находится покрытая иероглифами деревянная статуя солнечного бога, которого Рамсес считал своим прародителем. Статуя поставлена так, что первые лучи солнца, проникая внутрь храма, освещают ее в глубине зала. Таким образом, солнце каждое утро приветствует свое божество.

Бесчисленные храмы прибрежных скал

Берега Нила все больше сближаются. Вдоль реки выстроено множество храмов. Мы просто не в состоянии посетить их все. Чтобы это сделать, нам пришлось бы каждый день осматривать десятки храмов.

Чаще всего встречаются часовни-пещеры, высеченные в толще прибрежных скал. Некоторые расположены так высоко, что до них без особых приспособлений трудно добраться. Чтобы в них попасть, археологам приходится превращаться в альпинистов и спускаться на веревках с вершин скал.

Прежде чем проникнуть в эти мало посещаемые туристами пещеры, нужно подождать, пока оттуда вылетят тысячи летучих мышей, обитающих здесь.

Нескольких удачно брошенных камешков достаточно, чтобы прервать их дневной сон. Тогда они улетают плотными стайками с коротким пронзительным криком, который позволяет летучим мышам ориентироваться в потемках: эхо играет роль радара. После этого в пещере некоторое время стоит сильный аммиачный запах, заставляющий еще несколько повременить, иначе вы рискуете задохнуться.

Но это все пустяки. Летучие мыши, кажущиеся безобидными зверьками, являются источником гораздо более серьезных неприятностей. Оказывается, они разносчики чрезвычайно опасного для человека микроба.

Уайльс, бывший врачом до того как сделаться археологом, как-то заболел. Наблюдая свое недомогание, он пришел к выводу, что у него гистоплазмоз, болезнь, вызываемая микробом, паразитирующим на летучих мышах.

Внутренний вид часовен-пещер представляет подчас удивительную картину смешения египетских богов с христианскими святыми. В Гебель-Адди можно видеть на одной стороне часовни фараона перед богом Тотом с головой ибиса, а на другой — святого Епимаха верхом на коне. На потолке — благословляющий молящихся Христос.

Картина написана в чисто византийском стиле. Присутствие здесь христианских святых объясняется, очевидно, тем, что во время арабского завоевания эти пещеры служили убежищем преследуемым христианам.

На расстоянии нескольких километров отсюда мы посетили храм, относящийся к эпохе Среднего царства. Он находится в пещере. Стены переднего зала, высеченного в скале, покрыты барельефами, выполненными с поразительным реализмом. Справа показана дань, уплачиваемая фараону его вассалами из отдаленных стран: здесь закованные чернокожие рабы, обезьяны, борзые собаки, пантеры, жирафы, страусы, львы, горы золотых обручей на подносе, бивни слонов, веера и прочее. Фриз с левой стороны изображает бытовые сцены. Женщина несет двух младенцев в корзине, привязанной на спине ремнем, совершенно так же, как это делают до сих пор жители у истоков Нила. Нубийка, сидя на корточках под пальмами "дум", готовит на костре обед. Возле нее резвятся дети.

Несколько поодаль феллахи молотят на току зерно, другие подгоняют тяжело навьюченных ослов. Маленький ослик трусит рядом. Девочки с хворостинками пасут стадо гусей.

Эти сцены, высеченные четыре тысячи лет назад с такой непринужденностью, служат летописью повседневной жизни древнего Египта.

Крепость Ибрим

На следующий день посещаем Ибрим.

Это большая крепость, развалины которой возвышаются на сто метров над рекой. Как и повсюду, в Ибриме можно найти многочисленные следы разных эпох.

Разумеется, здесь высится египетский храм. За ним следуют римские укрепления — великолепно обтесанные и тщательно пригнанные камни, обнаруживающие работу подлинных мастеров строительного дела. На холме расположилась христианская церковь с колоннами и высеченным у входа иерусалимским крестом. Наконец, идут сложенные из необожженного кирпича стены и строения более поздней эпохи — свидетели того, что прочные архитектурные традиции древнего Египта и императорского Рима очень скоро были забыты в великом хаосе нашествий.

Рассказывают, что крепость Ибрим была занята босняцкими наемниками султана Селима, только что завоевавшего Египет. Это произошло в XVI веке. Триста лет спустя тут нашли убежище и удержались мамлюки, которых изгнал из Каира Мухаммед Али, основатель династии, прекратившей свое существование с Фаруком.

С дозорной тропинки, вьющейся по скале, сменявшие друг друга хозяева крепости могли

любоваться чудесным пейзажем Нила, несущего свои голубые воды сквозь узкое ущелье, склоны которого выжжены солнцем.

Напротив Ибрима, на другом берегу, прилепилась к скалам маленькая деревушка. Деревенский шейх встречает нас с традиционным местным гостеприимством и сразу же сообщает, что является прямым потомком завоевателей-турок. Один из его предков был офицером армии султана Селима. Он спустился из крепости Ибрим (вероятно, с полоненной женщиной) и основал здесь внизу деревню.

Родные места всегда дороги

Влияние Асуанской плотины начинает чувствоваться уже с Ибрима. Течение замедляется, вода заливают долину, у пальм — жалкий вид. Они продолжают жить, хотя большую часть года на три четверти затоплены. Под водой скрылось множество деревень. Однако жители этого безнадежно бесплодного края отказались его покинуть. Им предлагали земли, освоенные благодаря новой плотине, и домики в нижней долине. Они гордо отклоняли это предложение, поднялись выше по каменистым склонам и поставили себе новые лачуги среди скал и валунов. Поняв, что отныне им не придется обрабатывать свои поля и собирать достаточно фиников, чтобы прокормить семью, мужчины стали уходить на север на заработки. Там они нанимались рабочими или слугами.

В прилепившихся к скале между небом и землей деревнях, мимо которых мы проплываем, теперь редко можно видеть мужчин. Дома остались лишь женщины, старики и дети. Они должны стеречь очаг предков, ухаживать за уцелевшими финиковыми пальмами, скотом. Подспорьем для них служат сбережения,

которые привозят, приезжая раз в год домой, молодые мужчины, работающие в нижней долине.

Местные жители любят возводить у реки беседки, где собираются старики и подолгу в тени ведут беседы.

Переправа через Нил

Расписывая эти строения снаружи, живописцы стараются проявить всю свою фантазию. Тут можно увидеть наивные, напоминающие детские раскрашенные картинки, композиции с деревьями, верблюдами, львами, лодками. Рисунок обрамляют гирлянды или геометрический узор. Большинство этих творений создано в честь паломничества в Мекку. Преисполненный радости пилигрим (по-арабски хаджи) изображает или велит изобразить то, что больше всего поразило его во время долгого странствия. Он даже приукрашивает свое путешествие ребяческими химерами и выдумывает животных, никогда им не виденных. На Востоке фантазия всегда в почете и в ней никогда нет недостатка.

Фелуки также окрашены пестро. Преобладают белый и красный цвета. Сущее наслаждение смотреть на эти нарядные, богато орнаментированные суда, бесшумно скользящие по реке, текущей все медленней и величавей в расступившихся берегах.

В Короско Нил разливается на три километра. Старые кварталы города исчезли под водой. Двойной ряд пальм, почти до верхушки затопленных, обозначает прежнее русло реки.

Почтовый служащий Короско встречает нас трогательными изъявлениями дружбы. Он тащит нас к себе, в бедное жилище, где уютится вместе с другими семьями, приглашает разделить с ним трапезу — скудную "луббию", блюдо, приготовленное из местных бобов. Почтарь изо всех сил старается задержать нас подольше в своем славном городке, тогда как мы стремимся поскорее в путь. Эта история всюду повторяется; у нас очень мало времени, и мы торопимся, тогда как наши хозяева, для которых гости такого сорта — диковинка, хотят нас удержать.

Наконец нам удается залезть в каяки. Час мало подходящий для прогулок по Нилу: жара нестерпимая. Температура выше 50°, но мы уже кней привыкли и держимся твердо.

Деревенская свадьба и паломничество

Через несколько минут после отплытия из Короско наше внимание привлекают звуки барабана и праздничного веселья. Останавливаемся. Оказывается, это деревенская свадьба.

Жених, упитанный толстощекий малый, сияющий в предвкушении ожидающего его супружеского счастья, в окружении друзей стоит перед своим домом. Он великолепно одет: старомодный турецкий желтый жилет с широким позументом и крупными пуговицами, шаровары, шелковая феска и расшитые серебром туфли.

— Прямо зависть берет, — говорит мне Джон, — ведь этот молодец в скором времени обзаведется гаремчиком. До чего же хорошо живется мужчинам в Нубии!

Джон — мормон и испытывает смутное тяготение к гаремам: его предки, как известно, практиковали многобрачие.

Едва нас заметили, как мы были приглашены с большим почетом в беседку для мужчин. Приносят циновки и усаживают всех на них. Мужчины кланяются. К нам спешит жених, надушенный, как гейша. Слуга вносит странное блюдо, которое ставит у наших ног. Оно называется фишарр. Зерна пшеницы проращивают в воде и, когда они достаточно разбухнут, сушат в печке, после чего они становятся хлопьевидными и довольно пресными на вкус. Это блюдо — символ плодovitости.

Свадьба празднуется уже два дня и будет продолжаться еще столько же. Женщины то и дело подходят к жениху с подносами на голове, полными подарков и снеди. Украдкой наблюдаем за ними. Их черные волосы прикрыты легкой вуалью, под которой блестят большие медные полумесяцы. Одеты они в длинные темно-красные бархатные платья.

Музыка играет непрерывно: слышны звуки флейты, тамбурина и цимбал, иногда к ним примешиваются голоса женщин.

Насытившись фишарром, музыкой и красочными картинами, прощаемся и садимся в каяки. Чтобы поглядеть на отплытие, все, как по мановению волшебной палочки, высыпают наружу, женщины впереди. Затем прерванная свадьба возобновляется, в то время как мы уплываем по Нилу.

За несколько дней до этого нам довелось наблюдать паломничество к могиле мусульманского святого. Был конец дня. Бесчисленные фелуки, до отказа набитые пассажирами, плыли, лавируя по ветру, а по тропинкам на берегах шли толпы народа. Женщины и дети шагали по камням, бодро поднимая пыль босыми ногами. Мужчины, взгромоздившись на ослов и подгоняя их пятками, бойко трусили возле пешеходов. Мы на наших быстрых суденышках легко обгоняли их. Несмотря на сыпавшийся на нас град вопросов мы не

теряли присутствия духа и старались в свою очередь кое о чем расспросить. Наконец нам удалось выяснить, что в этот вечер деревня Феррас отмечает, день памяти марабу — шейха Абдаллы.

Феллах, обрабатывающий поле при помощи плуга

Могила марабу расположена на песчаном холме поодаль от поселка. Это небольшая постройка с куполом, увенчанном полумесяцем. Над гробницей изящно раскинул тенистые ветви куст тамариска. Внутри, в темном подвале, находится деревянный гроб с останками святого, прикрытый кусочками ярких тканей,— это набожные верующие вешают на него лоскуты своей одежды. Темный купол является убежищем нескольких десятков летучих мышей, распространяющих сильный аммиачный запах.

На дюне множество народа. Женщины, одетые в черное, но с открытым лицом, подходят к могиле, волоча по песку длинные шлейфы. Они собираются в группы, затем начинают петь и танцевать со сдержанностью, предписанной их полу. Наступает ночь. Теперь можем рассмотреть их на близком расстоянии, не вызывая подозрения у мужчин. Последние проявляют бурное оживление, суетятся вокруг разносчиков, разложивших под открытым небом свой скудный товар. Повсюду выросли чайные, где подают обязательный чай с мятой и прохладительные напитки с лимоном, апельсиновым цветом и айвой.

Всадники верхом на верблюдах врезаются на полном ходу в толпу народа, поднимая едкую пыль,

которая и заставляет нас в конце концов ретироваться.

На следующий вечер мы в Махдиге, деревне, примостившейся в углублении скалы. Мы попадаем в разгар страшной суматохи: повсюду вой, плач, злобный лай собак. Всеобщая растерянность, смятение. Наконец узнаем, что маленькую девочку укусил скорпион.

Во все время этого переполоха ома, принимающий нас на террасе своего дома, остается невозмутим, как статуя, да и окружающие не выражают никакой тревоги. Очевидно, дело в привычке.

В этот вечер у ома в гостях находится один старейшина. Сидя по-турецки на скамейке, завернувшись в "гандурах", он с невозмутимым видом делает большие затяжки из кальяна. У него, несмотря на возраст, живые глаза, и старейшина — случай исключительный — не прочь щегольнуть знанием английского языка.

В конце концов все проясняется — от служил проводником у Китченера (он произносит "Кинетчер") пятьдесят лет назад, во время вторичного покорения Судана, явно гордится этим и с удовольствием вспоминает о генерале, всегда ходившем в сопровождении пузатенького и вспыльчивого майора, о котором у него сохранились менее восторженные воспоминания.

Он знает, что в стране Китченера существует могущественный король — "малек" Георг.

Египетская деревня

— Есть ли в твоей стране, — спрашивает он меня, — малек Георг?

Отметить нелегко. Отвечаю вопросом на вопрос:

— А у тебя, в твоей стране, есть великий малек?

Его лицо становится непроницаемым, и он, не ответив, возвращается к своему кальяну.

Король Фарук, кажется, не слишком популярен в Нубии.

Затопленные храмы

25 мая пересекаем тропик Рака. Стоит невероятная жара, течение Нила совсем остановилось. На левом берегу видно все больше храмов, стоящих почти наполовину в воде. Вот храм в Дакке, затопленный до потолка; далее сохранившийся храм в Калабша, он под водой, как и многие другие.

Утешает лишь мысль о том, что вода не круглый год скрывает эти дивные творения и что путешественнику можно любоваться ими несколько коротких месяцев в конце лета, когда все затворы Асуанской плотины открыты, чтобы илистые воды паводка могли свободно растечься по египетской земле.

А что будет, когда огромная плотина поднимет уровень Нила почти на пятьдесят метров и затопит все храмы Нижней Нубии?^[29]

Триста деревень, в которых живет около восьмидесяти тысяч жителей, разбросанных на протяжении трехсот километров вдоль Нила, исчезнут с лица земли. Этот проект грозит затоплением даже Абу-Симбела. Новая плотина обеспечит благосостояние Египта, но в то же время погрузит в воду часть его богатств.

Чем ближе подходим к Асуанской плотине, тем шире разливается Нил по долине; течение в реке трудно заметить. Ил оседает, и вода становится почти прозрачной. Нам случается проходить мимо скоплений

микроскопических водорослей, придающих голубым водам Нила совершенно необыкновенный зеленоватый оттенок.

Прибываем в Эль-Шеллал; древние называли его Великим порогом. Он, возможно, красивейший из всех, исчез под водой пятьдесят лет назад, когда была сооружена Асуанская плотина. Знаменитый островок Филе вместе с его прославленной беседкой полностью погрузился в реку. Выступает лишь верхняя часть пилонов большого храма. Джон ныряет несколько раз, пытаясь отыскать беседку, но все напрасно. Глубина слишком велика.

Теперь в Эль-Шеллале царствует таможня — тут конечная станция Каирской железной дороги. Мы их побаиваемся, этих милейших таможенных стражей.

Беспокоят нас фотоснимки и пленки с фильмами, которых у нас полным-полно: в Египте на это дело смотрят косо.

Однако случается невероятное — с нами таможенники Эль-Шеллала необычайно выдержанны и корректны. Небрежно окинув взглядом каяки и разложенные перед ними на дабаркадере мешки, они с улыбкой нас пропускают. Приятнейший сюрприз! Не пытаюсь даже выяснить, чему мы обязаны таким исключительным обращением, поспешно сматываем удочки. Свое оружие мы заранее позаботились отправить в Александрию, опасаясь недоразумений с мнительными египетскими чиновниками.

Асуан

Местоположение Асуана — одно из красивейших на Ниле. Взору открывается узкое ущелье, отвесные скалы, которые купаются в зеленых прозрачных водах реки. Каяки скользят мимо фронтона последнего залитого водой храма, и вот ущелье заканчивается огромным

озером, усеянным островками — остатками прежних возвышенностей. Местные рыбаки уже понастроили на них свои гурби.

Некогда в Асуанское ущелье бешено устремлялись воды Нила. Это побудило древних считать, что как раз тут находится та знаменитая пропасть, из которой, как свидетельствовал Геродот, воды реки текут "одна половина на север, в сторону Египта, а другая — на юг, в Эфиопию".

На севере озера еще издали видна тонкая прямая линия на уровне воды — это Асуанская плотина.

Нагрузившись каяками и мешками, мужественно переносим свою кладь на другую сторону плотины, служащей одновременно мостом (четвертый мост через Нил на протяжении четырех тысяч километров), и совершенно неожиданно оказываемся вдруг в оазисе, представляющем разительный контраст с суровой пустыней, в которой мы задыхались последние несколько недель. Это маленький рай из зеленых кущ, пестрых цветов и птиц, созданный для лиц, обслуживающих плотину.

Первый порог в районе Асуана

Прибываем как раз в момент спуска воды: сто восемьдесят затворов плотины подняты, и через них проходят бурные потоки. Создаваемый ими шум так оглушителен, что не слышим предупреждения часовых, не разрешающих приближаться к плотине. Еще немного, и они насадили бы нас на свои штыки. Над водой стоит облако из мелких капель, оно вымочило нас до нитки. Мы бесконечно рады этому, как люди,

которым дождь не освежал лица вот уже несколько месяцев.

Водохранилище начинают наполнять около 15 октября, ко времени окончания наводнения на Голубом Ниле. К концу января водохранилище заполняется, и почти тотчас же приступают к его разгрузке, чтобы не допустить перебоя в водоснабжении Нижнего Египта. В конце июля к плотине подкатываются первые ревущие валы наводнения. Все затворы ее давно уже подняты, и их не опускают до середины октября. Так дается свободный сток водам, обеспечивающим плодородие нижней долины. Кроме того, ил не оседает в водохранилище, и нет опасности, что он его постепенно заполнит.

Таким образом, с июля по октябрь Нил находится в своем естественном русле и храмы Нижней Нубии делаются доступными для посетителей.

Асуанская плотина — довольно старое сооружение. К работам приступили в первые годы нашего столетия, в период, когда население Египта стало расти быстрыми темпами. Площадь обрабатываемых земель становилась явно недостаточной — надо было позаботиться о развитии ирригации. Сочли, что у Асуана самое подходящее место для сооружения плотины. Образующая первый порог гранитная гряда, на которую наталкивается течение, представляла двойную выгоду: она не только могла служить прочным основанием для плотины, но и давала первоклассный материал для ее постройки. Розовый асуанский гранит пользуется заслуженной славой. Он в течение тысячелетий обеспечивал древнеегипетское зодчество строительным камнем. Большинствоobelisks мира сделаны из розового асуанского гранита, в частности тот, что стоит на площади Согласия, столь дорогой сердцу парижан. В конце нашего путешествия мы сможем убедиться в том, что Розеттская плотина в

Дельте построена из этого же камня, против которого бессильно время.

Нил у Асуана

Строительство первой Асуанской плотины было завершено в 1902 году. Высота ее достигала тогда двадцати метров, а емкость водохранилища составляла около миллиарда кубических метров. Затем дважды — в 1912 и 1934 годах — плотину надстраивали и довели ее высоту до тридцати пяти метров, что позволило увеличить запас воды до пяти миллиардов кубических метров. Однако как бы значительны ни были работы по увеличению Асуанской плотины, они не поспевали за ростом населения Египта, увеличившегося с двух с половиной миллионов жителей во времена Бонапарта до двадцати миллионов в нашем веке.

Любопытно отметить, что на строительство Асуанской плотины было истрачено — по объему — меньше камня, чем на сооружение пирамиды Хеопса. Расход его составил полтора миллиона кубических метров в Асуане и около двух с половиной — на Великую пирамиду. Однако пирамиды воздвигались во славу и для упокоения одного человека, тогда как Асуанская плотина дает пищу миллионам людей, страдающим от голода.

Город Асуан находится в нескольких километрах к северу от плотины. Вдоль Нила протянулся бульвар с большими гостиницами, многочисленными торговыми агентствами и лавками, где продают древности, изготовленные специально для туристов. Это конечный пункт больших туристских маршрутов, оживленный и

деятельный осенью и зимой, нынче же дремлющий в майской жаре. Зато населенные кварталы, расположенные за бульваром, нисколько не утратили своего оживления. Прилавки торговцев под открытым небом полны фруктов и овощей. Нам особенно приятно это зрелище: вот уже месяцы, как мы не видели ничего подобного.

Несколько дней подряд в сопровождении египетского археолога осматриваем обширное поле раскопок вокруг Асуана. Здесь в древности стояли друг против друга два города: Элефантина, на зеленом острове, где громоздились храмы и виллы крупных чиновников, и Сиена — город торговцев. Остров Элефантина сплошь раскопан, точно изрыт кротовыми норами. Приходится опускаться в глубокие траншеи или влезать на кучи мусора, чтобы добраться до интересующего нас объекта. Кажется, что находишься в городе, разрушенном землетрясением или превращенном в прах взрывом атомной бомбы. Рабочие при помощи талей поднимают гранитные блоки в несколько тонн весом. Земля усеяна огромными обломками отбитых, расколотых, опрокинутых и приподнятых неизвестно каким катаклизмом камней. Колонны, еще наполовину находящиеся в земле, являют картину непостижимого нагромождения. Почерневшие обломки говорят о пожарах, свирепствовавших на острове. Тут прошел ряд поколений варваров. Элефантина — колоссальная головоломка для археологов, которые стараются ее решить, располагая самыми ничтожными средствами, не считаясь со временем.

Знатные люди Элефантины — "хранители ворот юга" — высекали себе усыпальницы в глухих скалистых берегах Нила, несколько севернее острова. Мертвые не должны были мешать живым. Свои некрополи древние

вельможи воздвигали не в удобренных илом местах долины, а на бесплодных скалистых возвышенностях.

В настоящее время открыто бесчисленное множество гробниц в Элефантине, а новые раскопки все увеличивают их число. Мы посетили могилу военачальника Хуефхора, жившего примерно в 2500 году до нашей эры. Надпись на его могиле свидетельствует о том, что египтяне того времени уже имели связи с тропической Африкой. В ней рассказывается, что генерал Хуефхор привел однажды из одной из своих дальних экспедиций маленького человечка из "Страны духов", т. е. пигмея. Хуефхор представил подробный отчет о походе своему молодому монарху — Пиопи II, которому было тогда восемь лет. Новость пришлась последнему по душе.

"Плыви вниз по течению ко двору немедленно, посылай донесения!, — приказал он генералу. — Карлика, которого привел ты из страны духов живым, здоровым и невредимым, доставь для плясок бога, для увеселения и развлечения царя Верхнего и Нижнего Египта Ноферкара (Пиопи), живущего вечно. Когда будет спускаться он с тобой на судне по Нилу, поставь вокруг него на обоих концах судна надежных людей. Сторожи, чтобы не упал он в воду, ночью поставь надежных людей, чтобы спали они позади него в палатке на палубе. Проверяй по десяти раз. Желает мое величество видеть карлика этого более, чем дары Синайских рудников и Пунта^[30].

Хуефхор отправился в путь, привез карлика юному фараону и велел высечь рассказ об этом на своей гробнице.

Возле гробницы Хуефхора во время раскопок были обнаружены и другие, также высеченные в скале. Археологи, прибывшие с Запада, работают там с увлечением. Египтология — наука очень точная и

развитая. Каждый делает свое дело с необычайной тщательностью. Испытанными методами, требующими исключительного терпения, предохраняют от повреждения мумии, предметы заупокойного культа, фрески, сохранившие яркие краски, но рассыпающиеся в прах или осыпающиеся, едва на них падает дневной свет.

О костях покойников обычно никто не заботится. Скопления черепов и берцовых костей находятся у подножия скал вместе с мусором, выбрасываемым рабочими. Им не уделяют ни капли внимания. Джон подобрал прекрасно сохранившийся череп архаической эпохи и унес его под мышкой. Эта находка причинит ему немало неприятностей в Нижнем Египте, где полиция, предупрежденная неистовствующей толпой, обвинит его в "ограблении трупов". Археологи, очищающие с тщательностью, о которой непосвященный даже не подозревает, малейший черепок низкопробного горшка, проявляют поразительное равнодушие к тленным останкам бедных египтян, спавших безмятежным сном тысячи лет в каменных могилах и внезапно потревоженных.

Осмотрев некрополи, отправляемся в древние каменоломни розового гранита, где можно видеть наполовину высеченный в скале тридцатиметровый обелиск, работа над которым по неизвестным причинам не была доведена до конца. Эта незавершенная операция позволила нашим архитекторам установить, каким хитроумным способом их далекие собратья по искусству высекали из скалы нужные им монолиты: продолбив в скале дыры, они вбивали в них деревянные клинья и затем смачивали их водой. Разбухшая древесина рвала скалу в желаемом направлении на большую длину, и при этом образовывались очень гладкие края.

Бесплодная пустыня и зеленые ландшафты

Покинув Асуан 30 мая, мы вышли в широкую и обильно орошаемую долину. Нил отсюда судоходен до самого моря, и нам не грозят никакие сюрпризы. Теперь нас ждут приключения другого рода, отличные от тех, какие пришлось изведать за последние месяцы, пока мы сплывали по порогам. Крокодилы, изредка еще попадавшиеся в Нижней Нубии, исчезли окончательно.

Начинается подлинный Египет, тот, о котором арабский завоеватель VII века нашей эпохи писал своему повелителю халифу Омару: "О князь верных! Представь себе бесплодную пустыню и цветущую долину между двумя горами: таков Египет. Все его творения и все его богатство — дары благословенной реки, величественно протекающей по Стране. В определенное время года все источники вселенной приносят этой царице рек дань, ниспосланную провидением. Тогда воды реки растут, выходят из берегов и покрывают поверхность Египта, чтобы отложить на полях плодородный ил... Хранимый небом народ, удел которого, как пчел, — работа на других, без труда отверзает мягкое лоно земли и поручает ему семена, уповая на урожай, приносимый тем, кто растит хлеба и дает им созреть...".

Нил севернее первых порогов

На этом Египет и остановился с незапамятных времен. Вся его жизнь сосредоточена вдоль реки, в зоне, заливаемой полыми водами. Все остальное — пустыня. Может ли быть иначе в стране, где дождь — событие столь же редкое, как снег в Марселе!

Берега Нила усеяны деревнями, гурби которых построены из речного ила. Повсюду видны маленькие поля и сады. Сакие становится больше, к ним на подмогу приходят шадуфы и тунбуры. Шадуф — бадья или бурдюк, подвешенный к концу коромысла. Это приспособление старо, как мир, и встречается в самых отдаленных уголках Востока. Чтобы поднять воду на верхние приречные террасы, феллахи нередко устанавливают цепь шадуфов. Каждый из них обслуживается группой из двух или трех человек, работающих посменно. Этим способом вода "перекачивается" с площадки на площадку: невероятная растрата рабочей силы во имя весьма скромных результатов.

Вдоль ирригационных каналов сооружаются также танбуры, которые приводят в движение молодые крестьяне. Тунбур или архимедов винт.— это полый цилиндр, внутри которого помещается бесконечный винт, вращение которого гонит вверх воду. Такое приспособление пригодно только для мест, где подъем не превышает тридцати-сорока сантиметров.

Длиннорогие волы верхней долины Нила — теперь только воспоминание. Самое распространенное здесь животное — это буйвол (водяной), которого в Египте называют гамусом. У него облезлая шкура грязно-серого цвета. Эти животные с вогнутой спиной большую часть времени проводят лежа в воде. Проходящий мимо каяков гамус разве что удостоит нас ленивым поворотом головы. Выставив морду из воды и пережевывая свою тощую жвачку, гамус следит за нами равнодушным и ничего не выражающим взглядом. Буйволы такая же принадлежность нильского пейзажа, как фелуки и сакие.

После отплытия из Асуана у нас появились новые заботы. В этих местах распространен бильгарциоз, восьмая египетская язва. Это — опасное заболевание,

передаваемое крошечным червяком, который водится в стоячих водах и в прибрежной тине. Он некоторое время паразитирует на маленькой улитке и, после многочисленных превращений, покидает ее в стадии, опасной для человека: он проникает под кожу, пробивает стенки сосудов и органов и быстро размножается. Болезнь не новая. Она производила опустошения еще в древнем Египте. Осмотр некоторых мумий показал, что сами фараоны не избегли ее. Согласно недавним исследованиям, девять десятых египтян, живущих на берегах Нила, заражены этой болезнью. Значит, надо проявлять осторожность и не шлепать босиком по воде. Из-за животных, плещущихся в прибрежных водах, рекомендуется также не пить из реки воду, даже на самом стрежне. Наше положение как две капли воды похоже на приключения трех молодцов на Темзе, рассказанные Джеромом Джеромом. Мы остановились для короткой передышки на песчаной отмели. Как всегда, хочется пить, и Жан отправляется наполнить водой свою флягу подалее от берега. Кипятим полный котелок чая. Усаживаемся поудобнее, чтобы как следует насладиться чаепитием.

— Это еще что там? — вдруг восклицает Джон, не донеся кружку до губ.

— Что, где? — спрашиваем мы с Жаном.

— Вон, выше! — отвечает Джон, вглядываясь во что-то вверх по реке.

Следим за направлением его взгляда и видим, как в тихих водах Нила плывет в нашу сторону гамус. Самый мирный и спокойный гамус, какого мы когда-либо встречали. Никогда еще нам не доводилось видеть животное, более довольное жизнью и беззаботное. Гамус мечтательно плывет на спине, его четыре ноги торчат, как палки. Насколько можно судить, животное упитанное, с хорошо развитой грудью. Достигнув нашей

отмели, гамус останавливается в прибрежных камышах и комфортабельно устраивается там на ночь.

Джон заявляет, что не хочет пить чай, и быстро опрокидывает кружку на песок. Жан тоже больше не хочет пить и следует его примеру. Я уже отпил полкружки, но жалею, что это сделал.

С общего молчаливого согласия вскакиваем в каяки, чтобы удрать как можно дальше.

Лишившись возможности утолить жажду, продолжающую нас мучить, отыгрываемся на арбузах. Эти крупные сочные плоды с розовой мякотью — наше спасение.

Феллахам, выращивающим их в песчаных садах на низких прибрежных участках, платим за них по два или три пиастра, что составляет двадцать-тридцать франков за штуку — цена, поистине, божеская!

Однако феллахи далеко не всегда приветливы. Иногда нас встречает у деревень град камней. Мальчишки облюбовали нас в качестве мишени. Это начинает входить у них в привычку. Мы вынуждены то и дело отплывать подальше от берега, чтобы не быть избитыми. Наш вид возбуждает внезапную ярость, и местная молодежь выкрикивает по нашему адресу всевозможные ругательства, среди которых часто повторяются слова "инглезе муч куис" (поганные англичане), красноречиво говорящие о настроении населения.

Античные храмы и современные сахарные заводы

Четыре большие трубы день и ночь сосут воду из Нила. Это Омбо, обширная равнина, представлявшая прежде пустыню и превращенная лет тридцать назад воазис и сахарные плантации.

"Меня, когда я вспоминаю Ком Омбо, — рассказывал нам впоследствии датский инженер с сахарных заводов,

— мороз по коже продирает. Я погубил семь лет жизни в этой засушливой пустыне, оставившей на мне неизгладимые следы".

Нильская вода сделала каменистую пустыню приятным местом отдыха. Здесь теперь построены многоэтажные дома и богатые особняки. С верхних террас открывается вид на большой красивый храм, посвященный одним из Птолемеев богу Себеку с головой крокодила.

Большие сахарные заводы Египта расположены на берегах Нила, что дало нам возможность их осмотреть. В Арманте, неподалеку от Луксора, нам выпадает редкое удовольствие принять ванну в прекрасно оборудованном бассейне с прозрачной водой, посреди ярко освещенного парка, в клубе, где говорят на всех европейских языках. Кино, ресторан, дансинг под открытым небом. А несколько дальше, возле Каира, останавливаемся на два дня в Наг Хаммади, чтобы посетить сахарный завод Египта. Все население округа работает, чтобы наполнить чрево этого предприятия, которое перерабатывает за сезон до одного миллиона тонн сахарного тростника.

Храм в Эдфу — один из наиболее замечательных памятников, какие встречаешь между Асуаном и Александрией. Это огромное и великолепное сооружение, более обширное, чем ансамбли Лувра и Тюльери, взятые вместе, было невредимым погребено под развалинами Аполлониса Великого, куда Клеопатра приезжала несколько раз советоваться с прорицателями. Сто пятьдесят лет назад из земли выступала только верхняя терраса храма Эдфу. На ней разбили лагерь солдаты Бонапарта, несомненно не подозревавшие, что находится у них под ногами. Чтобы отрыть храм, пришлось снести целый квартал современного города. Это сделал Мариэтт^[31].

Воскресший храм Гора^[32] — наиболее сохранившийся памятник древнего Египта. Он стоит, окруженный горами обломков, на которых теснятся современные жилища с плоской крышей. Под этими кучами обломков еще сокрыты несметные археологические сокровища.

С высоты главного пилона храма Гора открывается потрясающий вид на залитую резким солнечным светом, заполненную стелами, бассейнами и статуями широкую площадь, на которой некогда, во время больших религиозных празднеств древнего Египта, теснился народ. Как только минуешь главный вход (портик), около которого помещались жертвенник и хранилище десяти тысяч папирусов (разумеется, исчезнувших до единого), попадаешь во второй двор с колоннами, почти такой же обширный, как и первый, затем вступаешь в длинные галереи, ведущие в святая святых храма. После яркого света посетитель вдруг оказывается в потемках, едва освещенных колеблющимся светом масляных ламп. Впечатление огромное.

Залы, по которым мы проходим, голы и пусты, но нетрудно представить себе кровавые сцены, свидетелями которых они были тысячи лет назад. Для этого достаточно посмотреть на фризы, украшающие главный фронтон храма и еще сохранившие совсем свежий вид. В этом помещении фараон, повелитель Верхнего и Нижнего Египта, облачался вместе с главными жрецами в пышные церемониальные одежды. Затем торжественное шествие направлялось через анфиладу часовен к большому залу, погребенному под камнями. В этом зале фараон с диадемой о двух перьях на голове и скипетром в руке восседал на золотом троне. Сокрытый от взоров толпы, окутанный облаками благовоний, исходящих из каминов, в окружении

великих жрецов, он совершал жертвоприношения своему предку богу Гору с головой сокола.

С террасы храма в Эдфу видны, очень далеко на север, холмы Луксора, куда мы прибудем через сорок восемь часов.

Фивы

Фивы, самый процветающий центр древнего Египта, расположены в середине Луксорской равнины, орошаемой Нилом.

После изгнания гиксосов, завоевавших древний Египет в конце первой половины второго тысячелетия до нашей эры, фараоны покинули Дельту, чтобы обосноваться в Фивах. Здесь Египет достиг наибольшего могущества. Его завоевания в Азии и Африке ширятся. Цивилизация становится все утонченнее. Притекающие в долину Нила богатства сосредоточивались в Фивах. Гомер позднее упомянет про "Египетские Фивы", в домах которых царит полное изобилие. Пышность этого города, управляемого жрецами бога Амона, не была превзойдена нигде в мире.

От великого города, пришедшего в упадок в начале нашей эры и ставшего символом одиночества (Фиваиды), остались самые замечательные развалины на всем Востоке.

За четыре дня мы не увидели и тысячной их доли;

Жара настолько велика, что в моем фотоаппарате отклеились объективы. Все снимки, сделанные в этом районе, оказались испорченными.

Самым достопримечательным памятником древних Фив являются развалины большого храма Амона в Карнаке. Главный пилон храма, большая часть которого восстановлена французскими археологами, возвышается на сорок пять метров над скоплением

фиванских храмов и тысячью двумястами сфинксами главной аллеи Карнака. Колонный зал храма с его ста тридцатью четырьмя гигантскими колоннами, выстроившимися в ряды длиной сто метров, мог бы вместить Собор Парижской Богоматери.

Такие сверхчеловеческие масштабы вызывают гнетущее впечатление людской бренности.

На цоколе гранитной статуи, от которой сохранилась только гигантская нога (статуя была пятнадцатиметровой высоты), сын Хапи, великого фиванского архитектора, велел высечь следующие слова: "Я руководил установкой статуи огромного роста. Ее великолепие затмевает пилон. Она высечена в каменоломне из монолита в сорок кубических метров. Я велел установить статую в большом храме, чтобы она стояла в нем вечно, как небо. Вы, что придете сюда после, будете тому свидетелями". Это горделивое желание оставить после себя память поражает здесь больше всего.

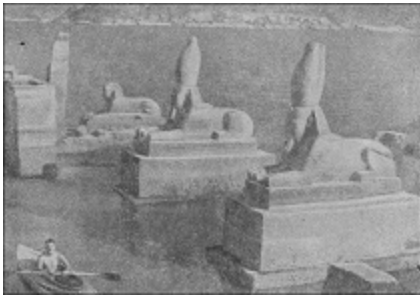
Утомленные разглядыванием религиозных торжеств и сцен битв и усмирений, изображенных на стенах храмов, для смены впечатлений отправляемся в святилища, царские апартаменты и гробницы вельмож, где можно увидеть чудесные, выхваченные из жизни картинки.

В Мединет-Абу — усыпальнице Рамсеса III — он изображен в повседневной жизни, что делалось очень редко, когда дело касалось фараона. Вот Рамсес отдыхает в своем гинекее, лаская за подбородок красивую девушку, в то время как две обнаженные музыкантши играют рядом на арфе. Дальше он представлен объезжающим великолепных коней в манеже. Фараон заставляет их ступать танцевальным шагом под присмотром конюхов. Это мудреное упражнение сопровождается музыкой, извлекаемой флейтистами из своих инструментов.

(Фивы)

Большой зал Карнакского храма

храм Луксора

Аллея сфинксов, ведущая в

Правобережье Нила, где садится солнце, было в Фивах берегом мертвых. Этим объясняется сооружение здесь тысяч гробниц знаменитой Долины царей, Долины цариц и Долины вельмож.

Описанию Долины царей посвящено уже столько трудов, что о ней нет надобности говорить. Менее известная Долина вельмож представляет исключительный интерес из-за настенной живописи, которой покрыты ее гробницы. Стиль этой росписи менее условен, чем в царских гробницах, и по ней можно читать жизнь древнего Египта.

Повсюду на покрытом фиванскими развалинами обширном поле французские, американские, британские, немецкие и египетские археологи осторожно копают землю. При этом они священнодействуют, сортируя всякий камешек, сопоставляя, определяя, разгадывая и соединяя воедино остатки древнего города.

Чтобы восстановить некоторые сооружения, специалистам пришлось перебрать тысячи тесаных

камней, весивших иногда сотни килограммов, пересмотреть их по одному, сделать с них снимки, а потом и деревянные модели в уменьшенном масштабе.

Очень многие из этих археологов провели большую часть своей жизни за разрешением одной загадки, как, например, тот немец, который реконструировал дворец царицы Хатшепсут^[33], расположенный на левом берегу Нила, против Луксора, за двумя колоссами Мемнона, каждый из которых достигает двадцати метров.

После смерти царицы ее преемники, по неизвестным причинам преследовавшие ее вплоть до могилы, полностью разрушили дворец. Камни с надписями, на которых тщательно выскоблено ее имя, были разбросаны на расстоянии в несколько километров. Реконструкция этого дворца потребовала тридцати лет терпеливых исследований. Ныне дворец царицы Хатшепсут представляет одно из див Луксорской долины.

В Карнаке. у большого храма Амона, выстроились тесными рядами, прижавшись друг к другу, пятьдесят тысяч каменных глыб, ожидающих, чтобы их опознали.

Глава XIV. Треволнения последнего этапа пути

Покинув Луксор 7 июня, мы три недели спустя были в Каире и 17 июля в Розетте достигли средиземноморского побережья.

Это путешествие по классическому Египту, которое, казалось бы, должно было протекать нормально, без осложнений, было для нас одним из самых беспокойных.

Начиная с Луксора, мы стали замечать, что многочисленные караваны судов на Ниле ходят под сильной охраной, а некоторые суда иногда даже бронированы.

Все дружески настроенные к нам египтяне, которых нам доводится встречать, не скупятся на предостережения. На отдельных участках реки грабят, режут и убивают... В этих местах свирепствуют прежде всего шайки разбойников, с которыми у полиции бывают настоящие сражения.

Как раз ко времени нашего прибытия была проведена крупная операция против знаменитого разбойника калабрийского типа, Хуссейна Асаси, нагонявшего страх на всю область Бени Суеф, меньше чем в ста двадцати пяти километрах к югу от Каира. Его имя не сходило с газетных страниц в течение месяца. В поимке участвовало более трехсот жандармов. Разбойник был пойман и казнен, но другие продолжают бесчинства в этом крае.

Нас предостерегают со всех сторон. Однако пройденные тысячи километров внушили нам слепую веру в счастливую звезду, и мы склонны считать, что пираты скорее всего являются плодом досужего

вымысла. Нечего говорить, что власти, не желая обнаруживать свою беспомощность, щедры на успокоительные заверения.

Префект в Асиуте клянется, что Нил не более опасен, чем бульвар Мадлен в полдень, бульвар, о котором он сохранил приятные воспоминания. Префект — египетский сановник, более склонный к посещению зланных мест старой Европы, чем к вниканию в нужды своих подопечных. Нечего говорить, что он свободно и безупречно владеет французским языком и нам нет надобности прибегать к переводчику, чтобы внимать его утешительным речам.

На следующий день покидаем Асиут, спускаем: каяки по шлюзу новой плотины на Ниле, по пути приветствуем его слияние с древним Бахр-Юсуфом, который пролегает параллельно в десятке километров от него (этот канал будто бы построен Иосифом, дальновидным иудеем, разгадавшим сон фараона о семи жирных и семи тощих коровах). Усердно гребя, направляемся на север. Мы — в трехстах пятидесяти километрах к югу от Каира.

Ветер приятно освежает лицо, но сильно замедляет ход лодок и разбивает нашу флотилию. Джон, как обычно, наддает ходу и быстро скрывается впереди. В конце дня я снова вижу исчезнувшего вслед за Джоном Жана, силуэт которого безошибочно узнается издали. Он никогда не расстаётся с нейлоновой шляпой, которая имеет широкие, затеняющие лицо поля. Засучив рукава, с темными очками на носу Жан гребет всегда одинаковым ровным темпом. Джона по-прежнему не видно нигде.

Останавливаемся в сумерки, воспользовавшись бухточкой, где пришвартовано несколько фелук. Нильские матросы, привыкшие делить опасности с путешественниками, радушно нас встречают. Им можно

доверять. Пока Жан устраивает ночлег, отправляюсь на поиски свежей провизии.

Хафир, феллах и омда

Нил течет по плоской местности. Кругом поля, перерезанные ирригационными канавками. Шагать тут не легче, чем по пашням Франции. Вдали виднеются зеленые купы пальм и низенькие постройки города. Навстречу мне по тропинке идет пожилой человек с ружьем через плечо. Это хафир, египетский деревенский стражник. Спрашиваю его, как лучше пройти в деревню, потому что не так-то легко разобраться в переплетении разбегающихся во все стороны тропинок. Он берется меня проводить, и вот мы вдвоем шагаем по полям. Позади нас едет крестьянин на осле. Хафир останавливает его и, размахивая ружьем, держит перед ним длинную речь, смысл которой от меня ускользает. В результате я попадаю на круп осла позади крестьянина. Старый хафир смотрит на меня с видом исполненного долга и шлет дружеские приветствия рукой, словно хочет сказать: "Ступай с миром, друг, не бойся ничего. С тобой Аллах".

Сидеть не слишком удобно, но мне приятно иметь попутчика. Быстро густеют сумерки. Мой проводник время от времени достает из глубины своих карманов пригоршню фиников и угощает меня с видом искренней дружбы. Спрашивает, не мусульманин ли я. На всякий случай отвечаю, что я — копт. Поскольку коптов в области много, это может служить кое-какой рекомендацией. Тогда крестьянин показывает мне вытатуированный у него на кисти руки маленький синий крестик. Предо мной, оказывается, подлинный копт. Взяв меня за руку, он осматривает ее и, не обнаружив крестика, несомненно понимает в чем дело.

Так, обмениваясь фразами и разглядывая друг друга, едем, взгромоздившись на мужественного ослика, который согнулся под двойной тяжестью, но продолжает бойко семенить по дороге, подгоняемый хлыстом хозяина. Вот, наконец, мы оказываемся на узких улочках деревни. Прошу моего спутника отвести меня к омда.

Омда живет в большом каменном доме, который кажется открытым всем ветрам и пустым. Но это только видимость. Во дворе встречаем полного человека лет шестидесяти с громким голосом. Он немного похож на ершистого изворотливого французского крестьянина. Это и есть омда. Прошу его дать мне кого-нибудь из сторожей, чтобы проводить в лавки. Он величественно указывает на подносы, полные снеди, которые слуги как раз вносят в это время.

Несколько дней назад начался рамазан, великий мусульманский пост. Он продолжается весь девятый месяц лунного года, т. е. тридцать дней. За все это время мусульманам от зари до заката солнца не разрешено есть, пить и курить и вообще позволить себе даже малейшую вольность.

Сейчас солнце село и уже нельзя различить, как гласит коран, "белой нитки от черной". Для омда наступило время наполнить великую пустоту желудка. Мне очень жаль Жана, ожидающего меня в лагере на берегу, но почти невозможно улизнуть: омда почел бы это за личное оскорбление. Волей-неволей приходится садиться за стол, кстати сказать, обильно уставленный: вареные яйца, мясо, рыба, арбузы, мулукия.

Заканчиваем ужин традиционным чаем, после чего я снова наседаю на хозяина, чтобы он дал мне стражника. Но договариваться приходится долго (предполагаю, что все стражники отправились ужинать).

Лишь очень поздно возвращаюсь обратно с двумя вооруженными до зубов хафирами. Омда пошел нам

навстречу и поставил охрану на всю ночь. Жан провел вечер с матросами, пригласившими его на свое судно.

Чудесная, но несколько укороченная ночь под открытым небом. От хафиров отбиться невозможно: в четыре часа они будят нас, так как хотят позавтракать до восхода солнца. Они подходят двадцать раз кряду, оглушая криками: "Вставай!", требуя, чтобы мы скорее снялись с лагеря. Пока мы не тронемся в путь, им нельзя нас покинуть — свои обязанности они знают хорошо. Вместе с тем, если они запоздают и не уйдут сейчас же, им не придется перекусить до вечера. В странах ислама посты — дело нешуточное.

Разбойники

Впервые так рано трогаемся в путь. С востока дует прохладный ветерок, и самочувствие у нас превосходное. Тревожит только отсутствие Джона: куда он запропастился? Хочется думать, что наш товарищ где-то впереди и мы скоро его встретим.

Берега Нила сужаются. Правый поднимается над водой отвесной скалой. Слева тянутся поля с сетью ирригационных канавок. Вероятно, уже недалеко до города Дейрут, помеченного на карте в некотором отдалении от реки. Задержавшись для осмотра пещер в скалах правого берега, откуда вылетают тысячи летучих мышей, теряю Жана из виду.

Километрах в двух ниже по обеим сторонам реки стоят шесть барок. Про себя думаю, что, будь мы в стране разбойников, такое расположение барок заставило бы опасаться нападения. Но оно не представляется мне возможным, поскольку, как заявил префект в Асиуте, в Верхнем Египте нет разбойников, "во всяком случае, в моей провинции", — добавил он после небольшой паузы.

Люди в первой барке дружески мне кивают: "Куда, мол, друг, спешишь? Кто ты? Заверни к нам!". Я эту песенку знаю: нам ее часто повторяют на реке. И поскольку лучше в этом уголке не задерживаться, проплываю мимо, приветливо кивая в ответ. Тогда подается сигнал к бою. Все шесть барок одновременно устремляются ко мне. На носу одной из них стоит старик и командует остальными. Гребу что есть мочи к середине реки, но это мало улучшает мое положение. Кольцо барок вокруг меня сужается. С тревогой думаю — успею ли проскочить, пока они не замкнут круг и не поймают меня в свои сети? Люди поделили между собой обязанности: одни яростно гребут в мою сторону, другие грозно размахивают дубинками, третьи осыпают мой каяк градом камней: у них, видимо, с собой большой запас. Нет сомнения, что нападение подготовлено.

Мне и в голову не приходит сдаться. У меня преимущество в скорости: их лодки грузны и неповоротливы, тогда как мой каяк летит, как стрела. За меня и течение. Немного ловкости и хладнокровия — и я выскочу. Крепко упираясь в сидение и не обращая внимания на падающие вокруг меня камни, лавирую, то поворачивая влево, то увертываясь вправо, и птицей скольжу по воде. Наконец, оказываюсь на одной линии с последней баркой. Пальцы на древке весла свело, задыхаюсь, весь в испарине, но пройти надо во что бы то ни стало. Барка уже близко, рядом со мной свистят камни. Гребу из последних сил, напрягаюсь до крайности. Случись в этот момент судорога — и все было бы кончено. Хорошо, что мышцы натренированы. На носу барки стоит человек. Он подбадривает гребцов, заставляя их прибавить ходу, и осыпает меня отборной бранью. Мне удается, не снизив скорости, проскользнуть у него под носом: на этот раз я едва-едва спасся.

Мчусь дальше еще некоторое время, все никак не приду в себя после неожиданной переделки. Скоро встречаю Жана. С ним случилась та же история. Он остановился, чтобы посетить гробницы, высеченные в скале несколько ниже того места, где я сошел на берег, и едва не попался тем же пиратам.

"Выйдя на берег, — рассказывает он, — я заметил три маленькие лодки, в каждой из которых сидело по три человека. Они быстро приближались к моему каяку, оставленному на берегу. Одна из лодок опередила остальные на несколько сот метров. В ней два молодых гребца. Тот, что постарше, предлагает показать паспорт. Проверяя его и усомнясь в чем-то, он делает мне знак ждать. Я выражаю намерение продолжать путь. Тогда он из своей лодки, загородившей дорогу моему каяку, хочет схватить меня за руки. Ясно, что он поджидает подкрепления с двух других барок, продолжающих энергично плыть в нашу сторону. Вижу, что он добром от меня не отстанет, поднимаю большой камень и замахваюсь. Резкость отпора заставляет его на минуту меня отпустить. Лодка отплывает немного в сторону. Вскочив в каяк, отталкиваюсь от берега и плыву. В погоню за мной бросаются все три лодки. Мне удается оторваться от своих преследователей не раньше, чем через километр. Они грозят мне палками, осыпают меня бранью и зовут на помощь людей еще с двух лодок, отваливающих от берега в полукилометре ниже по реке. Теперь меня окружают пять лодок — две спереди и три с тыла. Единственный способ не дать взять себя на abordаж и избить дубинками — это пойти на хитрость и направиться прямиком на ближайшую из них ниже по течению с тем, чтобы уйти подальше от четырех остальных. Вскоре я оказываюсь так близко от этой лодки, что разбойники в ней чуть не ждут, что я им сдамся. В момент, когда обе лодки едва не сходятся носами, я на всем ходу делаю резкий поворот. Прежде,

чем мои враги спохватываются, я выигрываю десяток метров. Через какой-то промежуток времени, показавшийся мне бесконечным, мне удастся ускользнуть от своих преследователей, и они отказываются от погони".

Через четверть часа после Жана в эту же засаду попал я и тоже едва унес ноги.

Но что случилось с Джоном, исчезнувшим еще накануне? Не попал ли он в западню? Начинаем серьезно тревожиться. В воздухе чувствуется беспокойство. Население чем-то явно взволновано. По берегу ходят люди со старыми фузеями в руках. Они входят в воду по колени и целятся в нас. Свистят пули. Ничего не понимаем. Что стряслось? Уж не сошли ли эти люди с ума? Мимо проходит фелука, на этот раз мирная. Рулевой ложится на дно и больше не показывается. Снова слышим залп выстрелов: стреляют в нас. Положение становится незавидным. Держимся середины реки, не имея возможности нигде пристать.

Около полудня нам с берега подает знаки какой-то мужчина. Потом громко свистит. За спиной у него ружье, на груди скрещиваются патронташи. В общем облик не пиратский. Мы несколько успокаиваемся: это, наверняка, хафир. На берегу, кроме него, никого нет. Решаем подплыть. Вдалеке, за песчаной отмелью, виднеется большая деревня. Пристаем. Стражник рассказывает, что Джон укрылся в деревне и ждет нас. Затем он ведет нас к омда сквозь толпу, непрерывно увеличивающуюся. Джон у омда. Со вчерашнего дня у него было немало приключений, и он еще не совсем в своей тарелке.

Джон спал на прибрежном песке, когда его разбудили ружейные выстрелы. Поспешно собрав вещи, он сел в лодку и, отплыв немного, пристал в другом месте, где снова улегся спать. На этот раз на него напали собаки. На третьей остановке Джон опять

сделался чьей-то мишенью, и ему пришлось блуждать до рассвета.

Наутро он уже позабыл ночные тревоги и направился поболтать с феллахами, работающими в поле у реки. Но тут с криками сбежались дети и начали швырять в него камнями. Джон вообразил, что угомонит страсти ласковыми словами и кротостью. Подошли взрослые, они подзадоривали друг друга. Толпа росла, принимая все более угрожающий вид. Нашему другу не оставалось ничего другого, как вскочить в каяк и поскорее удрать.

Омда оказался почтенным дейрутским адвокатом. Его прием не оставляет желать ничего лучшего. Нас, можно сказать, только что грозили порешить на месте, а сейчас принимают как знатных иностранцев. Да и на улице настроение полностью переменялось. Толпа, улюлюкавшая нам с утра, охотно стала бы кричать теперь "ура!".

Мы оказываемся "израильскими парашютистами"

Наши страхи позади, но надо быть начеку, тем более, что рамазан в разгаре. Великий пост мусульман разжигает среди здешнего населения религиозные страсти и ненависть к чужеземцам.

В эти тридцать дней работы почти прекращаются, особенно в городах. Днем большинство мужчин дремлет натошак или судачит, собравшись тесными кучками в затененных переулках, ночью — наверстывает упущенное. В Эль-Миньи перед нами широко распахнули двери своего колледжа отцы-иезуиты. Это произошло как раз вовремя — Жана лихорадит, и ему необходим отдых. На следующий день его лицо покрывают беловатые нарывчики. Врач тотчас же предписывает лечение пенициллином. Жан с забинтованной головой возвращается в иезуитскую

миссию через туземный квартал. Толпа бежит за ним с воем, его толкают, подставляют ему ножку, швыряют в него камнями. Его принимают за английского шпиона или израильского парашютиста. Чтобы не показываться в толпе, Жану приходится нанять дорогостоящую коляску.

Эти постоянные стычки с населением сильно портят конец нашего путешествия и заставляют принять более серьезные меры предосторожности. Где бы нам ни пришлось остановиться, мы сразу же идем к омда. Один остается сторожить каяки, двое отправляются на поиски. По счастью, местный владыка никогда не отказывает в помощи и охране.

Омда в Бибе сначала удивила наша просьба, но затем он пригласил нас к себе и послал стражников охранять каяки. Это с его стороны тем более любезно, что во время рамазана ему приходится принимать у себя много народу и отдавать многочисленные визиты. Приглашенный на вечер певчий сидит в стороне на скамейке, поджав под себя ноги. Это "факи": на его обязанности часами распевать стихи из Корана для вящего услаждения гостей. Однако никто его не слушает: бедняга напоминает граммофон, который забыли выключить. Омда исчез, чтобы нанести несколько визитов и заодно, как мне кажется, предупредить полицию о появлении странных посетителей в его богоспасаемом городке.

Джон в его отсутствие отправился прогуляться по городу. Однако он очень скоро принужден был вернуться. За ним по пятам следовала целая толпа. Его задержали два хафира и привели в дом омда. Джон вне себя от негодования.

Нам все же очень хочется познакомиться с городком Биба, вместо того чтобы празднично сидеть на скамеечках. Около десяти часов вечера омда, уступив нашим просьбам, прощается с гостями и вызывает усиленный

наряд хафиров. И вот мы ходим по улицам городка, окруженные эскортом вооруженных жандармов, увлекая за собой толпу, ряды которой непрерывно растут. Минуем мечеть с минаретом, оборудованным ужасающим громкоговорителем, и попадаем в гущу торгового квартала. Все лавки отперты, ярко освещены и полны народа.

У оmda — задняя мысль. Он ведет нас прямо в клуб, где мы встречаем, чисто случайно, чинов местной полиции, которые интересуются вашими документами. Нам нетрудно успокоить их подозрения — бумаги у нас в полном порядке, и мы возвращаемся к оmda все также в сопровождении внушительной свиты.

Всю ночь стража отгоняет народ от нашего дома, выкрикивая: "ялла, ялла!" (убирайтесь, убирайтесь!). Мы растянулись на матрацах в комнате с закрытыми ставнями и крепкими запорами. Резкие крики на улице мешают спать.

В три или четыре часа утра — новое приключение: оmda просит нас к столу. Приходится волей-неволей подчиниться — рамазан. Но с каким удовольствием мы отправили бы к чертям все эти арбузы и вареное мясо, глядящие на нас с подносов в такой неподходящий час.

Каир

По реке теперь рядом с античными медленными фелуками плывут караваны шаланд и самоходные баржи. Усилилось движение и на прибрежных дорогах. Стали гуще пальмовые рощи. Появилось множество заводов и фабрик. На горизонте вырисовываются силуэты пирамид; их не следует смешивать с большими пирамидами — те находятся дальше на север. Мы подплываем к Каиру.

26 июня торжественно подгребаем к сходням Королевского гребного клуба, где нас поджидают

представители спортивной прессы вместе с многочисленными членами европейской и американской колоний египетской столицы.

11 июля утром, эскортируемые байдарками Гребного клуба и прекрасного яхт-клуба "Маади", мы после очередного наскока корреспондентов и обстрела фотографов, проплываем под большими мостами через Нил и вступаем в Дельту. До Средиземного моря осталось ровно двести пятьдесят семь километров.

Непосредственно за Каиром Нил делится на два главных рукава — Дамьеттский и Розеттский, регулируемые тремя большими каналами [34]. От этой главной системы расходится сеть бесчисленных каналов, обеспечивающих орошение одной из самых густонаселенных областей на земном шаре: девятьсот пятьдесят жителей на квадратный километр. Если хочешь увидеть человеческий муравейник, надо приехать сюда.

Ирригационная сеть здесь регулируется Большой плотинной, построенной еще Мухаммедом Али в 1820 году. Это первое по времени сооружение на Ниле, цель которого упорядочить течение реки. Первоначально плотина представляла собой земляную насыпь, которую каждый год разрывали, чтобы пропустить паводок. Вместе с тем она служила северным заслоном столицы Египта. Не так давно плотина была облицована камнем; однако она сохранила свой живописный облик старинной, укрепленной плотины, благодаря подъемным мостам, башням с зубцами и бойницами.

Плотина прекрасно отвечает своему назначению. Она удерживает всю воду в Розеттском рукаве, по которому мы намерены плыть. У подножия плотины русло реки пересохло. Этого мы не предвидели. Через два месяца, когда к Каиру станет подходить паводок, на плотине откроют все затворы и Нил обретет свое

древнее русло. А пока что нам приходится плыть по отводному каналу Менуфия. Первые километры пути нас радуют. Течение хорошее, и мы быстро несемся по узенькому водостоку.

Фелуки на Ниле близ храма Ком Омбо

Нил у Каира

Нам еще никогда не приходилось так близко плыть от населенных мест. Фермы расположены у самой воды. На каждом шагу — сценки повседневной жизни деревни.

На берегах, покрытых деревьями, женщины с заткнутыми подолами, сверкая розовыми или голубыми шальварами, стирают белье. Рабочие лепят из смешанной с рубленой соломой глины стены. В тине полощутся гуси. По берегам канала стоят на сваях крохотные деревянные беседки, предназначенные для отдыха. В камышах рыболовы удят рыбу. Зеленые кущи и кусты радуют глаз. Кажется, что плывешь чуть ли не по Марне. Мы начали свои упражнения на каяках на этой веселой французской реке. Теперь мы кончаем их на Ниле в обстановке почти сходной.

Торговый квартал в старом Каире у мечети Аль-Азхар

Население миролюбиво настроено.

У нас с ним установились самые дружественные отношения. То и дело приходится отвечать прибрежным жителям и матросам, спрашивающим у нас — что мы тут делаем, куда направляемся? Утомительно поддерживать разговор на языке, который плохо понимаешь. Чтобы мы их лучше поняли, люди кричат изо всех сил, но чем громче они кричат, тем хуже мы разбираем смысл слов. Они называют всех нас Джорджами, так как принимают за англичан, своих прежних колонизаторов.

Поскольку у них никак не может уложиться в голове, что мы просто мирные путешественники, они делают на наш счет всякие предположения. Иные принимают нас за контрабандистов, провозящих гашиш, и просят продать им это запрещенное зелье. В одной из деревень Джон имел неосторожность сказать, что изучал медицину. Какая оплошность! Его тотчас же окружают и просят освидетельствовать! Старший жандарм, восседая на стуле, задирает рубаху и показывает голую спину. Лысый египтянин хочет получить волшебное снадобье, от которого выросли бы волосы на его плечи. Джона осаждают со всех сторон. Напрасно он уверяет, что еще не стал врачом и ничего не может сделать, — с тем же успехом можно было бы обращаться к глухим. Люди обнаруживают такую веру в его искусство, что ему приходится уступить. Он

осматривает спину жандарма, тщетно пытаюсь сохранить серьезный вид, и бормочет советы, понятные ему одному. Однако пациент уходит повеселевшим, словно беглый осмотр избавил его от всех болезней.

Нам грозит опасность быть избитыми

Доброе согласие с населением длится недолго.

Мы производили съемку бытовой сценки неподалеку от обыкновенного маленького мостика через канал. Этого достаточно, чтобы вспыхнуло озлобление. Нас принимают за шпионов. Один из феллахов впрыгивает в каяк Джона, рискуя его опрокинуть, и выхватывает у него камеру и катушку с лентой. Матросы ставят поперек канала свои фелуки, чтобы отрезать нам дорогу. С берегов летят камни. Стоим неподвижно, окруженные воющей и неимоверно жестикулирующей толпой, готовой уложить нас на месте при малейшей несдержанности с нашей стороны. Внешне сохраняя полное спокойствие, достаем бумаги, выданные нам в Каире именно для того, чтобы избежать трений с населением: это специальные разрешения производить киносъемки и фотографировать; все написано по-арабски и скреплено многочисленными печатями и подписями. Однако вся эта тарабарщина никому не нужна: эти люди не умеют читать. Они осматривают наши бумаги со всех сторон, словно ища на них магические знаки.

Наконец, появляются жандармы. Вмешательство властей как нельзя более своевременно: без него нам бы не миновать расправы.

Жандармы тащат нас к омда, но он отказывается заняться разбором столь щекотливого дела. Нас ведут дальше, на этот раз в местное отделение полиции, под ропот толпы, поднимающей вокруг клубы пыли. Все в затруднении. Как поступить с тремя субъектами,

разгуливающими по каналам в чудных маленьких суденышках? Приходится добрых два часа торговаться с каким-то чином, что-то повторяющим с чужих слов. Видно, что он не хочет брать на себя ответственность. Советуем ему позвонить в ближайшую префектуру и доложить обо всем начальству. Он долго колеблется, прежде чем так поступить.

Несколько часов спустя начальник полиции Менуфы, крупного города в районе Дельты, километрах в пятидесяти к северу от Каира, посылает за нами полицейскую машину. Уже пять часов вечера. Мы позавтракали арбузом, заплатив втридорога стражнику, который нам его принес.

Наконец мы доставлены в отделение провинциальной полиции. В комнате для арестованных, куда нас вталкивают, уже находится странствующий фотограф, чей аппарат только что разбила толпа. С беднягой обошлись круто: у него все лицо в синяках и ссадинах.

Появляется префект полиции в сопровождении свиты офицеров. Сам он — в штатском. Держится корректно, обращается с нами вежливо. Мы оживаем. В полицейских помещениях всегда невольно испытываешь чувство виновности, особенно если ты невиновен, и это чувство автоматически усиливается, когда находишься перед облаченными в мундир людьми, выпячивающими грудь.

Префекту с одного взгляда становится ясно, что на него свалилось то, что называют "кляузным делом". Он поручает помощникам разобраться с фотографом (тому, боюсь, повезло меньше, чем нам), а нас приглашает в свой кабинет. Тотчас раскладываем перед ним наши удостоверения — а их у нас, слава богу, достаточно! — показываем вырезки из каирских газет, где нашим подвигам пелись бесконечные дифирамбы. На следующий день после нашего прибытия в столицу

каирские газеты пространно поведали читателю, снабжая свои сообщения многочисленными фотографиями, об "удивительных подвигах трех смелых молодых спортсменов" на Ниле. Нас окрестили "тремя мушкетерами", "героями великой африканской реки". И вот как обращаются с этими героями здесь!

— Я сообщу об этом своему послу, — восклицает Джон, пылая законным негодованием.

— Мы расскажем газетам всего мира, как с нами тут поступили, — подливает масла в огонь Жан, чье возмущение тоже отнюдь не наиграно.

Под градом упреков префект рассыпается в извинениях. Говорим ему, что очень беспокоимся за наши каяки, оставленные на произвол судьбы на берегу канала. Какие могут быть разговоры! Префект тотчас же усаживает нас в машину и везет на место происшествия. Лодки целы. Их никто не посмел тронуть. Хотим тотчас же отправиться дальше, но префект и слышать об этом не хочет.

— Как, вы собираетесь ехать! Это невозможно... Оставайтесь на вечер в Менуфе. Я организую вашу охрану, все посты по Нилу будут оповещены, и вы мирно завершите свое путешествие.

Префект — сама предупредительность. Он отвозит нас в Менуфу, показывает город и устраивает в нашу честь прием в клубе. Нас ждут мягкие постели. Египет — поистине страна контрастов!

На следующий день отправляемся дальше. На берегу канала толпится народ, но на этот раз все ведут себя спокойно. Нас эскортирует зеленый полицейский грузовик. В нем находятся два офицера, один — в форме начальника района, другой — в штатском; в глубине кузова уселись шесть стражников. Теперь нас всюду принимают за важных особ.

В полдень под наблюдением милейших жандармов закусываем провизией, доставленной начальником

района. Толпа почтительно держится в сотне метров от нас.

Грузовик сопровождает нас весь день. Он аккуратно дежурит вблизи мостов, в местах забора воды и во всех населенных местах.

Когда дорога отходит в сторону от канала, грузовик уступает место трем всадникам, которые целый день не спускают с нас глаз. Таким образом, все двадцать четыре часа в сутки находимся под охраной. На самых маленьких островках дежурят жандармы и каждый час нас останавливают, чтобы спросить — все ли в порядке и не нужно ли нам чего?

Тут нас ждет субпрефект, чтобы пригласить на чай, там мамур^[35] предоставляет нам удобный ночлег в префектуре.

Наш караван охраняют по крайней мере, как поезд президента, а маршрут расписан, как поездка премьер-министра.

Насколько милее была нам наша прежняя свобода! Охрана сдерживает население, и оно позволяет производить съемки — вот единственная выгода этого положения.

Таласса, таласса! Море, море!

Вскоре прибываем в Эдфину. Это — последняя плотина на Ниле перед морем. До него остается всего тридцать километров, на протяжении которых местность постепенно понижается, становится голой. Берега Нила образованы наносами песка, которые морской ветер постепенно превращает в дюны.

Каждый год они все дальше продвигаются в море, закрывая собой побережье.

Ниже плотины — уже морская соленая вода. Дельфины, приплывшие из открытого моря, резвятся

вокруг наших лодок.

Таким образом, Нил большую часть года не несет в море свои воды: задержанные плотинами, они используются для ирригации Дельты. Однако, когда приближается гремящий вал паводка, все затворы на плотинах поднимаются, и илистые воды Нила устремляются в море, образуя вокруг места впадения коричневое пятно, растекающееся на тридцать километров.

17 июля мы прибыли в Розетту. Жизнь в ней замерла с тех пор, как лет сто назад торговый центр переместился в Александрию. В старом порту играют голубоглазые дети — потомки, оставленные на память о себе солдатами Бонапарта. Стоящие здесь суда с ажурной оснасткой кажутся перенесенными из залов морских музеев.

За последним этапом нашего плавания по Нилу следит многочисленная публика. Не без некоторого беспокойства задаем себе вопрос — какова будет встреча? Какие-то лодки пытаются преградить нам дорогу, но быстро отказываются от своего намерения: неподалеку стоит бдительная стража.

Высаживаемся, укладываем каяки рядышком и обнимаемся: этого момента мы ждали давно.

Позади девять месяцев пути и семь тысяч километров по реке, из них пять тысяч в каяках — есть чем быть довольными!

Толпа издали молчаливо наблюдает за нами. Жандармы отдают честь. К нам подходят городские власти Розетты ижимают руки. Музыки нет, но прием самый сердечный.

За Розеттой, на оконечности выдающейся в море суши, стоит маяк, у подножия которого разбиваются средиземноморские волны, и крепость с жерлами пушек, направленных в открытое море. Тут, в обществе

береговой стражи форта, мы и проводим нашу последнюю экспедиционную ночь,

На следующий день разбираем наши славные, заслуженные каяки. Они изнасились, потерлись, полиняли, выгорели и пропеклись на солнце, но выдержали все испытания с поразительной стойкостью. В этом заслуга их замечательного конструктора, нашего друга Жана Шово. Бережно укладываем три суденышка в чехлы, перебираем снаряжение, от которого осталось очень немного, и грузим все, что заслуживает быть взятым с собой, на машину.

За нами прибыл большой караван из Александрии, где генеральный консул Франции приготовил нам самый любезный прием.

Мы осуществили то, что никогда не было сделано до нас: спустились в лодках по Нилу, от его истоков до Средиземного моря.

notes

Примечания

1

1 Гелиодор, Эфиопика. Перевод под редакцией А. Егунова, М, 1932.

2

2 По другим расчетам длина Нила составляет 6671 км, Миссисипи-Миссури — 6418 км, Амазонки — 6280 км.

3

3 H. Rittlinger, Schwarzes Abenteuer, Wiesbaden, 1956.

4

4 Департамент в Бретани.

5 Спик писал в книге "Дневник открытия истоков Нила", опубликованной в 1863 году: "Обилие и разнообразие диких животных делает путешествие особенно интересным. Носорогов так много, и они настолько дерзки, что то и дело преграждают нам дорогу. Очень забавно в этих случаях наблюдать, как наши неустрашимые стражники наступают группами по три или четыре человека на непочтительных животных, затем, выпустив в них стрелы, удирают в одну сторону, в то время как звери убегают в другую".

6

6 На Кэ д'Орсей в Париже помещается Министерство иностранных дел.

7

7 Судан стал независимым в 1956 г. (прим. ред.).

8 1 июля 1962 г. подопечная территория Руанда-Урунди получила независимость и была разделена на два государства: королевство Бурунди и республику Руанда (прим. ред.).

9

9 Антуан Ватто (1684—1721) — известный французский художник, изображавший пасторальные и мифологические сцены на фоне парковых и садовых пейзажей (прим. ред.).

10

10 Сосуд из выдолбленной и высушенной тыквы
(прим. ред.).

11

11 Местное название озера Виктория; в переводе означает "водное пространство".

12

12 Корнеплод, мучнистые корни которого после специальной обработки употребляют в пищу в странах тропической Африки.

13

13 Административный центр Руанда-Урунди, бывшей подопечной территории Бельгии (прим. ред.).

14

14 Молотоглав, или тeneвая птица — птица из семейства цапель; имеет большую голову, оперение бурого цвета. В Африке встречается повсеместно.

15

15 Антилопа-орикс (или сернобык) живет в кустарниковых зарослях Африки. Красивыми рогами наделены только самцы, самки безрогие.

16

16 Хищное млекопитающее, истребляющее змей; имеет длинное вытянутое тело и короткие ноги. В древнем Египте считалось священным животным (прим. ред.).

17

17 С 1 января 1966 года Судан стал независимой страной (прим. ред.).

18

18 От Джубы до Атбары (расстояние более двух тысяч километров) разница уровня местности составляет всего сто двенадцать метров. Следующее резкое падение уровня отмечается у четвертого порога в Нубийской пустыне.

19 У нуэров существуют многочисленные брачные запреты. Так, в первую очередь запрещены браки между членами одного рода, а также с родственниками с материнской стороны. Нуэры могут легко перечислить свою родню за шесть—семь поколений по восходящей линии. Кроме того, нельзя вступать в брак с родственницами сверстников. Например: Манбуоль — дочь "сверстника" Луала. Он не может на ней жениться, потому что она также и его "дочь", поскольку все "сверстники" между собой братья. Считается, что кровь, совместно пролитая на землю сверстниками в момент их посвящения, роднит их между собой. Луалу нельзя жениться и на Ньянсионе, дочери пленного динка, у которого нет семьи. Это лишило бы семью Луала возможности выполнить свадебные обряды, произвести обмен подарками, придающий особый смысл всей свадебной церемонии и взаимно обязывающий обе стороны.

20 Французское слово "папье" (бумага) произошло от греческого слова "папирус". Древние египтяне изготавливали эту "бумагу" так: они брали среднюю часть стебля, снимали с него кору и при помощи острого ножа отделяли тонкие пленки, которые затем склеивали в два слоя. Полученный лист сушили на солнце и тщательно полировали его поверхность, чтобы на ней можно было писать.

21

21 Хлопководство, которым стали заниматься в Судане с 1920 г., дало хорошие результаты. Гезира орошается Сеннарской плотиной на Голубом Ниле, в ста километрах на северо-восток от Кости.

22 Емкость водохранилища Сеннарской плотины равна одному миллиарду кубических метров. Гебель-Аулии — трем миллиардам и Асуанской — пяти миллиардам.

23 Их также называют эфиопскими царями. По-гречески слово "эфиопы" означало "обожженные лица" (прим. ред.).

24 Гебель-Баркал считалась священной в древней Нубии, здесь находился храм Амона (прим. ред.).

25 "Царей Нубии" в том смысле, как понимает автор, в ту пору еще не было. Нубия тогда в политическом отношении представляла конгломерат отдельных племен, во главе которых стояли царьки-вожди. Впервые страну объединил, очевидно, Кашта в VIII в. до н. э. (прим. ред.).

26

26 Эти сведения неверны. Древнейшие памятники Напатского царства датируются VIII в. до н. э. (прим. ред.).

27 Ряд памятников Мероитского царства обнаружен и в Мероэ и в других местах, где ведутся археологические раскопки (прим. ред.).

28 Христианство начало распространяться в Египте значительно раньше, еще в первые века нашей эры (прим. ред.).

29

29 Эпоха Среднего царства — 2100—1750 гг. до н. э.
(прим, ред.).

30 Как известно, Асуанская плотина в настоящее время строится с помощью Советского Союза. Принимаются меры по спасению древних памятников, в частности ряд храмов переносится на новые, более высокие места (прим. ред.).

31

31 Пунт — скорее всего район современного Сомалийского побережья Африки (прим. ред.).

32 Огюст Мариэтт (1821—1881) — выдающийся французский археолог. Он в течение тридцати лет производил раскопки в Египте, увенчавшиеся открытием Серапеума, древнейших погребений в Абидосе и т. п. Мариэтт был основателем Каирского музея и "Службы древностей" — ведомства по охране памятников (прим. ред.).

33

33 Гор — бог солнца, считавшийся покровителем власти фараона. Изображался обычно в образе сокола или человека с головой сокола (прим. ред.).

34 Речь идет о храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари, который автор ошибочно считает дворцом (прим. ред.).

35

35 В древности Нил делился на семь рукавов. Пять из них постепенно занесло, и они образовали приморские лагуны.